

владимир мацкевич

Владимир Мацкевич

Вызывающее молчание

Вызывающее молчание/Владимир Мацкевич. — 2006. — 240 с.

Десять лет назад методолог, философ, политолог Владимир Мацкевич в книге «Беларусь: вопреки очевидности» сформулировал девиз своей работы — «Думать Беларусь!» Книга «Вызывающее молчание», написанная в 2000 году, продолжает тему и будет интересна всем, кто интересуется общественной и культурной жизнью современной Беларуси.

Максим Жбанков

Интеллигент как дохлая собака
Заметки на полях книги, которой нет

Белеет мой парус, такой одинокий...
Юлий Ким,
песня из телефильма «12 стульев»

Вы оцените красоту игры!
Там же

«Что здесь делает этот человек?» — чиновная дама из Европейского гуманитарного университета (тогда еще имевшего минскую прописку) грозно сверкала глазами в сторону моего собеседника. «Имейте в виду: от *таких* помощь нам не нужна!» Дело было накануне волевого закрытия самого европейского из столичных вузов по указке сверху. А беседовали мы — как раз по этому поводу — с

независимым аналитиком Владимиром Мацкевичем. Данный эпизод замечателен тем, что четко обозначает неизменный — вот уже более десяти лет — статус нашего героя.

Прогрессор: вопреки очевидности

Независимый аналитик Мацкевич — герой-аутсайдер, пророк-одиночка, суперзвезда без суперпаствы. На меньшее он не согласен. Большего — здесь и сейчас — получить просто не может. Дело не только в общей запущенности культурного слоя. Дело еще и в миссии, избранной для себя автором данного интеллектуального проекта.

Наш герой — персонаж пограничья, образцовый «свой-чужой»: здешний человек с нездешним образованием, непривычным строем мышления и завышенными (по меркам тихих пролетариев умственного труда) амбициями. Апологет системного подхода, неожиданно спустившийся с высот теоретических семинаров обоих столиц в родное болото. Кто-то злобно скажет: «Интервент», кто-то ласково шепнет: «Агент влияния» (ах, эта склонность везде искать «руку Москвы»!) Однако нам ближе другой термин: Колонизатор. Или — следуя духу любимых Владимиром Мацкевичем братьев Стругацких — Прогрессор. Тот самый, который с передовыми технологиями накоротке, за рецептами социального роста в карман не лезет, работает с недоразвитой массой в режиме законспирированного миссионера духа. И, самое главное, занят крайне неблагодарным делом: подтягивает за уши электорат до желаемого уровня нации.

Прогрессор как персонаж — концептуальный партизан, генератор смыслов, планировщик будущего — своим появлением был обязан хрущевской «оттепели» и оставался романтическим героем очень недолго: до появления советских танков на улицах Праги в недобром 68-м. Интеллектуальный проект чешских теоретиков-прогрессистов пришел в очевидное противоречие с грубой логикой советской власти. И не смог выстроить адекватной контригры. Но Прогрессоры остались. Они ушли в катакомбы методологии научного познания, истории философии и семиотики, оттачивая техники мышления в надеждах на лучшее будущее. Которое, казалось, пришло вместе с распадом Союза и «парадом суверенитетов».

Времена невероятного успеха толстых журналов, общественных дискуссий и социальных сдвигов породили иллюзию востребованности Прогрессоров. Иллюзию — потому что Прогресоры не приняли постсоветскую номенклатурную реальность. А реальность, в свою очередь, не приняла Прогресоров. Новый (точнее сказать, новоизданный) текст Владимира Мацкевича — путешествие по кладбищу нереализованных проектов, коллекция — как сказал бы Винни-Пух — «кричалок», которые не услышал практически никто.

Мастер мысли на rendez-vouz

Могло ли быть иначе? С высоты сегодняшнего дня можно смело сказать: нет. Проблема вовсе не в том, к правильным ли людям обращался в начале 90-х «возвраще-

нец» Мацкевич, с теми ли политическими силами сотрудничал, те ли аргументы использовал для подтверждения собственной позиции в коллективных дискуссиях. Правильный вопрос звучит совсем иначе: насколько востребованы актуальной белорусской реальностью умные рецепты? И готова ли она развиваться по-умному? В обоих случаях лишь неисправимый (и абсолютно несведущий) оптимист может дать положительный ответ. И это, как ни странно, хорошо. Поскольку править социальную реальность по интеллектуальным лекалам — дело опасное и непредсказуемое. Материал, знаете ли, сопротивляется. Прогрессист скажет: «Тем хуже для материала!» Материал огрызнется: «Тем хуже для Прогрессиста...»

Неизбывное одиночество Владимира Мацкевича — его выбор и крестный путь, обусловленный всей предыдущей личной и профессиональной биографией. Активно размышляющий в последнее время о миссии белорусского интеллектуала (см. ARCHE, №9, 2006) автор остается на деле типичным постсоветским *интеллигентом* — профессиональным создателем концептуальных фантомов, искренне убежденным а) в возможности обуздать хаос посредством мыслительных усилий, б) в безусловной верности собственной позиции, в) в безусловной целесообразности практического внедрения своих авторских концептов — разумеется, ради общего блага. Как говорил Евтушенко: «Граждане, послушайте меня...» Интеллигент — это работник умственного труда с обостренным чувством социальной ответственности. Он болеет за всё. Он считает себя ответственным за всё. И готов всё по быстрому наладить. Владимир Мацкевич профессионально «думает Беларусь». Но его мышление слабо совместимо с

наличным человеческим ресурсом. А потому результаты мало утешительны.

Опыт одинокого мышления абсолютно неприменим в условиях Беларуси, где — в лучших традициях Бронкса и Люберец — всё культурное, социальное и политическое пространство давно поделено на зоны влияния. Прогрессоры не нужны, потому что здесь каждый сам себе Прогрессор.

Пёс-призрак: возвращение скомороха

В таком контексте Человек с Планом, амбициозный внесистемный аналитик, неизбежно становится маргиналом. И попадает в неизбежную «темную зону». Как дохлая собака посреди автострады. Мацкевич есть, но, с другой стороны, его не видно. Он говорит «в тему», но эта тема за гранью внимания субъектов общественной активности. Что в глобальном плане равносильно молчанию. Устав искать единомышленников, автор меняет волну вещания. Он решительно превращает свой текст в бешеный Молотов-коктейль, где перемешаны обрывки тактических разработок и аналитические записки, разборки с недо-единомышленниками и собратьями по интеллектуальному гетто (и зачем мне знать, кто такой Бабайцев?), диалоги с самим собой и библейские цитаты. Читать это подряд, спотыкаясь об бесконечные комментарии и примечания, почти невозможно. Не читать вовсе — тоже.

Эта книга — публичное самосожжение автора, очень личное послание стране и миру, докладная записка Все-

вышнему о провальной миссии в «бездарной стране» (А.Вертинский). И одновременно попытка разрушения собственной личной мифологии: надменный аналитик становится шальным скоморохом, меняя цивильный костюм на заплатанный плащ «блаженненького». Дохлая собака-интеллигент неожиданно воскресает в образе мистического Пса-призрака. Клоун-самурай, назло Канту, Фукуяме и Бабосову, берет на абордаж Национальную библиотеку. Спотыкающийся поток слов провоцирует нервное несогласие и крушит шаблоны мышления.

Есть такое дело: интеллектуальная провокация. Недолюбленный страной Владимир Мацкевич меняет амплуа. Дальше могут быть либо проповедь, либо карточные фокусы.

Ганна Кісліцына

Маўчанне як выклік,
альбо Споведзь беларускага інтэлектуала

Адзін мой знаёмы, дарослы, *меджду протчым*, чалавек, пад-час выбараў стаў шкрабаць палітычную сімволіку ў ліфце.

А другі, ужо *пасля,* маляваць карыкатуры і рассылаць іх на розныя сайты.

А трэці, садзіцца ў электрычку біткам набітую пенсіянерамі і абураецца ўладамі, разыкуючы, як сведчыць нядаўняя гісторыя белжэдэ, быць пабітым каменнем. Бо вытрымкі пенсіянераў хапае роўна на адзін яго сказ.

Што вымушае гэтых людзей, заўважу, *уладкаваных, інтэлігентных і рацыянальных,* ісці на гэтыя дробныя і *быццам бы* нядзейсныя акцыі пратэсту? Безумоўна, клопат пра сябе. Бо, як вядома, *сказаў і выратаваў душу.*

Аднак парадокс сітуацыі ў тым, што *сказаць* нешта ў сённяшнім свеце ўяўляецца немагчымым. Яшчэ нядаўна постмадэрністы скардзіліся на немагчымасць сказаць не-

шта *новае,* сёння ж становіцца зразумелым бессэнсоўнасць любога сатрасання паветра. Не толькі *маналог, але і дыялог*— немэтазгоднае баўленне часу.

І таму ўчынкі першых двух герояў гэтай гісторыі выглядаюць больш перспектыўнымі — візуальнае паступова перамагае вербальнае, *карцінка* выцясняе *слова.* Гэтыя двое, як выглядае, маглі б саставіць кампанію Уладзіміру Мацкевічу, ці, больш дэмакратычна, ён мог бы *быць трэцім.*

Бо Мацкевіч, па-першае, сам шукае новыя сродкі камунікацыі, злучаючы ў сваёй новай кнізе самыя разнастайныя віды дыскурсу — ад фені да моўнага вычварэнства найноўшага філасофскага слоўніка.

Па-другое, не верыць у *дыялог* як спосаб пераадолення саліпсічных настрояў палітычных «эліт» (у кнізе іх тры, і накладанне гэтай магічнай для нашай чарачна-закусачнай свядомасці *лічбы* на іх прынцыповую *неперасякальнасць* само па сабе стварае камічны эфект твора).

Па-трэцяе, ён – *чэсны,* што сёння азначае гатоўнасць дэманстраваць прынцыпы і перакананні, прычым, як свае, так і чужыя.

Але, галоўнае, яго новая кніга — назву якой варта было б перакласці «Маўчанне як выклік» — і мае за мэту адшукванне аднадумцаў ці, дакладней *іншадумцаў.*

Мацкевіч нават робіць спробу іх гіпатэтычнага падліку. Аднак і сама лічба — 51 тысяча 750 чалавек, і прапанаваны ім выключна схаластычны — *умозрительный* — спосаб іх падліку, робіць чацвёртую главу тэкста, як і каментары да яе, самым смешным месцам кнігі. Ці самым

сумным — гэта ўжо ў залежнасці ад таго, які бок шкляной барыкады выбярэ чытач.

Менавіты ў гэтым месцы чытач, хутчэй за ўсё, ўцяміць, з якім літаратурным жанрам яму давялося сутыкнуцца. Бо папярэднія «*ад аўтарскія*» развагі на гэты конт могуць толькі збіць з панталыку. Таму — супраць правілаў — рэкамендую не зважаць у дадзеным выпадку на меркаванне аўтара, і аўтарытэтна заяўляю — перад намі *трагікамедыя.*

Варта ўдакладніць — трагікамедыя, напісаная з нагоды палітычнага спектаклю. Наўрадці каму-небудзь з чытачоў давОдзілася браць удзел у фарсах такога высокага ўзроўню, але, калі не палохацца вядомых па мас- мэдыя *абрэвіятур,* можна прыгадаць дзесятак-другі сітуацый, калі *шэраговаму* беларусу даводзілася ўдзельнічаць у падобных акцыях, праводзімых пад гіпнатызуючымі *загрузамі,* накшталт, «*ад-вашага-выбару-залежыць-лёс-вашых-дзяцей*».

Шэраговы, па наіўнасці, спадзяецца, што вечная *наколка* датычыць толькі яго і такіх жа *шэраговых.* Што недзе *там* ёсць людзі, да голасу якіх прыслухоўваюцца. Мацкевіч з пазіцый сведкі пераканальна сцвярджае: «Не!» І можа праўда гэтага сцвярджэння падасца некаму горкай, але гэта горыч лекаў. І пэўна, каб падсласціць гэтую літаратурна-філасофскую *пігулку ад ілюзій,* аўтар абірае такую спецыфічную запытальна-жартаўлівую інтанацыю, якой размаўляюць дактары з хворымі дзецьмі. «*Так лучше, правда?*»

Інтанацыйныя перапады кнігі структуруюць яе мацней, чым усе гэтыя аўтарскія *навароты,* тыпу, «*глава*», «*примечания*», «*приложения*», хоць, магчыма, і не ўсім прыдуцца даспадобы. Бо чытач *настроены* — заўважым, самім

аўтарам — на сур'ёзную *рэалістычную* кнігу, а трапляе ў карнавальную атмасферу ільфпетроўскага Чарнаморску, дзе барадатыя габрэйскія показкі і палітычныя навіны знаходзяцца на адной іерархічнай прыступцы. Ды і сам Мацкевіч сваёй *парамастацкай* дэмагогіяй больш за ўсё нагадвае эвалюцыянаваўшы *пікейны gilet*.

Праўда ў тым, што ў свеце не пераводзяцца не толькі *чэмберлены,* якім, як вядома, лепш у рот *не класці,* але і пікейнакамізэлечнікі. Якіх сёння без усякай іроніі можна вызначыць словам «*інтэлектуалы*». Зразумела, што не кожны пагодзіцца з такім параўнаннем, але *на тле* тэксту Мацкевіча, яно абсалютна натуральнае. Дастаткова згадаць аналогіі, якія выкарыстоўвае ён пры дэфініцыі гэтага панятку ў артыкуле «Самавызначэнне беларускага інтэлектуала». Хоць, на думку самога аўтара, інтэлектуалы выдзеліліся з інтэлігенцыі толькі ў канцы 80-х гг.

«Дык вось, інтэлігенцыя – гэта тыя, хто стаялі ў чэргах па газеты ў гады перабудовы і чыталі «тоўстыя часопісы». І ўсе будучыя інтэлектуалы бавілі багата часу ў гэтых чэргах. За выняткам тых, хто тады быў яшчэ дзецьмі. Чым інтэлектуалы займаліся, я не ведаю. Хто чым. Пра кожнага асобнага інтэлектуала гэта нецяжка высветліць. І трэба высветліць! Прычым у рэзкай і катэгарычнай форме: «А чым вы, спадары інтэлектуалы, займаліся да 1991 году?

Я ведаю іншае: інтэлектуалы першымі перасталі стаяць у гэтых чэргах. Яны першымі перасталі чытаць савецкія газеты. Пасля газет настала чарга «Огонька», «Литературки», а потым і ўсіх «тоўстых» часопісаў. Інтэлектуалы пачалі думаць самі і чытаць толькі тое, што самі сабе вызначылі».

Гэтыя развагі, узятыя са старонак часопіса ARCHE — істотнае дапасаванне да «Вызывающего молчания», бо менавіта тут вызначана target grup кнігі. Калі чытач пазнаў сябе ў гэтай метафарычнай чарзе, то гэты твор стоадсоткава адрасаваны яму. Калі ж, напрыклад, па прычыне ўзросту, ён не можа скарыстаць прадстаўлены ідэнтыфікацыйны пасаж, варта самавызначыцца праз другі міні-тэст, недальнабачна схаваны ў нетры мацкевічавага тэксту. Бо высоўванне гэтага пытання на першы план істотна б зберагло час чытачоў.

«*Вы не знаете,* кто такой Ким Хадеев? *Значит, вы ничего не знаете* о Минске. А если не знаете, то не знаете и о стране, для которой далеко не все потеряно. О чем с вами после этого говорить? Я обиделся, и дальше вообще *буду писать только для себя*». Чытачу варта прыслухацца да гэтага папярэджання. А імя Кіма Хадзеева яшчэ не раз усплыве ў тэксце. Бо «кімхадзееў» — для беларускіх філосафаў гэта як «фарадэй» ці «джоўль» для фізікаў. Адзінка вымярэння. Хоць асабіста мне да рэшты не ўцяміць, што хаваецца за гіперсуб'ектыўным аўтарскім тлумачэннем у дадатніку *Ху із ху*:

«*Вежновец Е. — если подрастет, может стать для Витебска чем-то вроде того, кем является Хадеев для Минска*».

Хадзееў — адзін з нямногіх станоўчых герояў кнігі, і ці не адзіны, хто выклікае лірычныя пачуцці ў аўтара. Адна толькі згадка яго імені здольна настроіць Мацкевіча на думкі пра ўзнёслае. Для апавядальнай жа тканіны твора згадкі пра Хадзеева — гэта, так бы мовіць, *трошкі сонца ў халоднай вадзе.* Бо, як не круці, як не заахвотчвай чытача

абяцанкамі *вясёлага чытва* , урэшце рэшт давядзецца прызнацца, што кніга прысвечана падрабязнаму разбору пункта 22 Стамбульскай дэкларацыі АБСЕ. І што нават *не* падрабязны разбор гэтага дакументу дзейнічае на абывацельскія мазгі, як душ Шарко на інтэлігенцкае цела. Выклікае скурчванне.

І ўсё ж, гэтую кнігу варта прачытаць. Для таго, каб праверыць свой імунітэт да палітыкі. Каб знайсці ў сярэдзіне цалкам постмадэрністычны даведнік імёнаў – *а раптам там ёсць ваша?* Каб успомніць словы Э. Берга, калі вы іх ведалі раней: «Для таго каб перамагло зло, дастаткова, каб добрыя людзі нічога не рабілі». І, зразумела, каб пачаць нешта рабіць.

От автора

Это реалистическая книга.[1] Правда, это не соцреализм и даже не критический реализм. Здесь мало фактов, но все упомянутые факты имели место. Причем совсем недавно — всего лишь 4 года назад. У нашей молодой нации очень короткая историческая память. Про тот диалог общественно-политических сил, организованный ОБСЕ, проигнорированный теми, для кого он был задуман, и извращенный теми, кто был назначен в нем участвовать, сегодня уже мало кто помнит. А кто помнит о Стамбульской декла-

[1] Первоначальное название этого текста — «Про яйца, что в диалоге курицу мучат». Под этим названием текст стал уже широко известен — кое-где и среди кой-кого. Но название всем не нравилось, есть в нем нечто меланхоличное и как бы нерешительное. Яйца курицу не учат и не мочат, а, как видите, мучат. Понятно, что автор был в соответствующем настроении, когда называл свой текст, и это настроение было явно декадентским. К моменту публикации на текст появилось ровно две рецензии. Одна называлась «Вопиющее молчание», другая — «Молчание Дездемоны». Но когда рецензии появились, автор был уже совсем в ином настроении. И ему показалось, что если текст про диалог называть с использованием существительного «молчание», то в этом будет некий намек, известная диалектика и определенная метафизическая грусть. Хай так сабе и будзе, вот только прилагательное дадим другое, чтоб уж совсем не идти на поводу у рецензентов. Хоть в чем-то автор должен проявить самостоятельность мышления и силу воли

рации ОБСЕ? На автора же эти события и документы произвели сильное впечатление. Реализм этой книги основан как раз на описании этих впечатлений. Это такой импрессионистский реализм. Или субъективный реализм. А быть может, постмодернистский реализм? Пока нет названия для такого жанра. Но главное, что это реализм.

Все персонажи в книге реальны. Да-да! Здесь не всегда можно отличить литературных героев от политиков или друзей и врагов автора. Но ведь если реализм связан с впечатлениями автора от столкновения с неким персонажем, то так ли важно, кто этот персонаж? Герой ли это шекспировской трагедии, персонаж анекдота, сказки, романа или писатель — автор этого романа, политик, друг или враг. Впечатления автора порой бывают столь сильны, что разница между анекдотичным Рабиновичем и реальным Абрамовичем на этом фоне просто несущественна. И баррикада, тщательно выстраиваемая автором на протяжении всего повествования, призвана защищать его болезненно обострившееся воображение от всех персонажей, которые могут разрушительно действовать на сознание. Прячась за своей баррикадой, автор избегает не только контактов с теми, кто действует на его сознание разрушительно, но и с теми, кто мог бы действовать положительно. Но как их можно различить? Это непростой вопрос.

Живые политики, которых показывают по телевидению, выглядят как опереточные персонажи или лубочные злодеи. Насколько они реальны? Может, они просто фантомы?

А люди, которые ушли из жизни после того, как были упомянуты в этой книге? Разве Василь Быков меньше вли-

яет на живых теперь, чем тогда, в 2000 году? Может быть, и больше.

Но персонажи — не самое главное в этой книге. Важнее идеи. Идеи этики, религии, философии, политики, науки.

Автор руководствуется в жизни странными принципами. Он полагает, что жить нужно в соответствии с теми идеями, которые человек разделяет, считает своими. И непросто складывается жизнь тех, кто руководствуется в жизни идеями, действует в соответствии с принципами. Идеи и принципы занимают в этой книге больше места, чем действующие лица, и они представляются автору более важными. Он и баррикаду свою строит из идей и принципов, а уж потом смотрит на людей, разделяющих или неразделяющих его принципы и идеи.

И еще. Он смеется над всем этим — над идеями, принципами, людьми. Смеется над самим собой.

Но этот смех почему-то не уничтожает идеи и принципы. Кажется, даже наоборот.

Посмеявшись над принципами, автор еще больше убеждается в их справедливости. Посмеявшись над идеями, он продолжает ими руководствоваться. Посмеявшись над собой, автор предлагает читателям поступать так же, то есть посмеяться над собой. А потом остановиться на каких-то принципах и руководствоваться ими.

Потому что беспринципность — это уже не смешно.

Владимир Мацкевич

Глава 1

Все относительно

«*Не пей!* — предостерегал в мрачные времена *трудящегося и пролетария* Зощенко. — *С пьяных глаз ты можешь обнять классового врага!*»[1]. *Чем так одурманены бе-*

[1] Все, выделенное курсивом, представляет собой скрытое или явное цитирование *классиков и их современников*. Возможно, в такой подсказке нет необходимости в *приличном* обществе, но что считать приличным? Все ведь относительно…

Желание похулиганить таким образом появилось у меня на одном из заседаний экспертной группы в «диалоге» после того, как, съязвив на одно из поступивших от участника «*конструктивных*» предложений, я расшифровал его выражением «*расширить и углУбить*». На что последовала реплика от одной из присутствовавших дам, пожелавшей исправить ударение в слове «*углУбить*». «*Проще надо быть, — подумал я тогда, — но и тщательнЕй. В постмодернизме жить — по-постмодернистски и скулить*».

Злости и сарказма во мне неизмеримо больше, чем могут представить себе те, кто слышит только мой мат. Для меня мат — один из самых приличных способов выражения, есть *феня и покруче*. Приношу извинения всем, кто обнаружит в тексте невыделенный курсивом плагиат *по фене*. А если кто увидит цитаты-матрешки или нагромождение цитат, *перед теми извиняться не буду*: они *покруче меня ботают*, а значит, *сами виноваты*, *незачем всякую херню читать*, *лучше бы делом занялись*. *Ну а уж если и*

ларусские[2] граждане, что совершенно не различают ни *классовых врагов* своих, ни *классовых* и любых других интересов? Этот вопрос преследует меня уже несколько месяцев, с тех пор как я столкнулся с мнениями относительно общественно-политического диалога. Причем с мнениями как участников диалога, так и его категорических противников. Порой мне кажется, что совсем не прав был Зощенко, а права была народная мудрость — в таких мнениях *без пол-литра не разберешься.*

Я, конечно, белая ворона среди участников экспертной группы диалога, потому что уклоняюсь от объятий «*классовых врагов*», а мои «*классовые друзья*» в диалоге не участвуют. Одиноко мне и грустно, и выпить хочется, потому что по опыту знаю — только во хмелю можно без возмущения вести диалог на том уровне, на котором он ведется, и слушать то, что говорится. Человеку же *в здра-*

на сарказматика найдутся сарказматики и спросят: а в чем же дело-то состоит? Я скажу! Чуть позже. Только потом не обижайтесь.

[2] Я писал и буду писать прилагательное «беларусский (-е, -ое, -ая)» через «а» и с двумя «с». Потому что, увы, я по большей части пользуюсь русским языком. Да, ну и что? Вот и Мицкевич писал по-польски, даже и Чечёт, а Гусовский и Сарбевский — так и вовсе на латыни. Кто как лучше умеет, так тот и пишет. «Каждый пишет, как он слышит, каждый слышит, как он дышит.» Я только дышать по-беларусски умею, слышать умею, а пишу лучше на русском языке. И слышу, что прилагательное «беларусский (-е, -ое, -ая)» в русском языке иностранного происхождения. Значит, корень слова сохраняется иностранный (беларусский, значит), в нем слышится «а», и деривация осуществляется по правилам русской грамматики, следовательно, в слове должно быть два «с». И все тут.

Если в тексте встречается слово «белорусский», то только в цитатах, где я вынужден сохранять написание по источнику, а употребление слова «Белоруссия» означает ёрничанье.

А по-беларусски я учусь. Пока меня хватило только на несколько статей по-беларусски, прошу относиться к ним снисходительно.

вом уме и трезвой памяти трудно удержаться в рамках приличий. Впрочем, плевать я хотел на приличия, когда дело касается действительно серьезных вещей. Соблюдение *приличий при наличии «конституционных противоречий»*[3] ведет к гражданской войне. Представьте себе, что в бою солдаты употребляют выражения типа: «Не будете ли вы столь любезны, чтобы повернуться ко мне левой щекой, поскольку оплеуха по правой не убедила вас в правоте моей точки зрения?» А еще лучше: «Пожалуйста, замрите на минуточку, мне трудно вести прицельную стрельбу по движущейся мишени!» И напрасно читатель морщится и думает, что это гротеск. Нет, это сарказм, но вполне серьезный.

— Почему же ты, — морщится читатель дальше, — не пишешь и не говоришь об этом на нормальном языке:

[3] На дипломатическом языке ситуация в Беларуси названа в Стамбульской декларации ОБСЕ *«конституционными противоречиями»*. Там же упомянут диалог властей с оппозицией и НГО (см. пункт 22 Декларации встречи на высшем уровне в Стамбуле). Декларация подписана всеми участниками, в том числе и *нелегитимным* к тому моменту президентом РБ.

Что же это значит? Главы государств — членов ОБСЕ признают власть Лукашенко де-факто? Что противоречия в Беларуси именно конституционные, а не иные? Что ОБСЕ надеется на диалог в Беларуси?

Что за времена настали? В СССР всякому, кто посмел бы отказаться от признания де-факто наличия власти у Лукашенко, отказался бы от участия в диалоге, отказался бы в диалоге обсуждать конституционные противоречия, поставили бы в вину, что он *«идет против политики партии»*. С соответствующими последствиями.

Теперь же по аналогии можно сказать, что все «идут против политики ОБСЕ». Последствия, конечно, будут другими. Но ситуация сегодня именно такова, что и участвующие, и не участвующие в диалоге нарушают пункт 22 Стамбульской декларации, и *ничего им за это не будет — ни демократии, ни парламентаризма, ни колбасы, ни международного признания.* Свобода! Только это свобода для дураков.

так, как Абрамова, Загуменнов или хотя бы как Лукашенко или Федута? Почему ты ведешь себя как последний Баранкевич?

А потому, что с *некоторыми иначе нельзя.* Я проверял. Помните анекдот?

Автобус из Минска в Таллинн ведет эстонец. На стоянке в Вильнюсе автобус штурмует толпа желающих уехать, шофер обкладывает их матом. Ему говорят, что литовцы не понимают по-русски. «Я тоше не понима-а-ю па-руски, но с фами иначе нельзя!» — обрубает горячий и приличный эстонский парень.

Когда я выражаюсь резко, с употреблением «ненормативной» (почему?) лексики, это смущает отдельных дам. Но искреннее возмущение со всех сторон обрушивается на меня, когда я пользуюсь категориями концептуального языка. И я просто вынужден материться в интересах личной безопасности и сохранения здравого рассудка. Ведь в Беларуси за употребление академических выражений могут *замочить в сортире* (выражение президента *братской страны).*

О, темпора! О, морес! Блин! Абсолютно понятное и содержательно корректное выражение Путина адресовано косвенным образом и таким «радикальным» *отморозкам,* как я. Мне совсем не хочется быть *замоченным в сортире* (против этого хоть можно принять *адекватные меры*), гораздо противнее в нем жить. А ассоциация с жизнью в сортире возникает у меня вовсе не от *буквы* выражений, написанных на его стенах, а от *духа* отправления человеческих функций в нашей политике.

(Не нравится? Я могу и прилично, но вы же тогда читать не будете. Я проверял.)

Глава 2

Время возводить баррикады, время разбирать баррикады

Что толку повторять, *что когда слова утрачивают свое значение, народ теряет свою свободу*? После моего очередного *непарламентского выражения* одна из участниц «диалога» сказала мне, что понимает меня и мои мысли, но *она ценит в себе женскую деликатность, заставляющую ее внутренне противиться* таким выражениям. Как это здорово, что в женщинах сохраняется такая способность! И пока она сохраняется, можно надеяться на то, что *красота* когда-нибудь *спасет мир. Жалок мирок, в котором* возмущение безобразному стало уделом *выродков*, где такая способность числится эстетством дураков.

Я тоже *выродок. Безобразное меня возмущает*, а возмущение заставляет действовать.

Я считаю безобразным, когда *на клетке слона написано «буйвол»*. Наблюдая такое безобразие, я стремлюсь стереть неправильное слово и *назвать вещи своими именами*. На *клетке слона* должно быть написано «слон».

Мне говорят, что я дурак, что не понимаю юмора. Я действительно не вижу юмора в том, что Баранкевич — «патриот». Генерал Баранкевич *точно не буйвол*, но если бы его партия называлась не патриотической, а «буйволиной», я мог бы допустить присутствие в этом юмора, хотя мне заведомо непонятного. Но то, что зарегистрированная в суверенной Беларуси «Патриотическая партия» ничего общего не имеет с беларусским патриотизмом — очевидно. Я, так же, как и упомянутая мною дама, *ценю в себе способность возмущаться такому безобразию*. Мне *глубоко противны убеждения* генерала Баранкевича (не буду продолжать цитирование Вольтера, которого Баранкевич все равно не читал, это вам не *«мочить в сортире»*, тем более, что никто не препятствует генералу публично оскорблять дипломатов и целые народы — беларусский и немецкий). Но если он имеет право быть империалистом, так пусть он так и называется. Я демократ, господин Баранкевич (да-да*, не товарищ* же Вы мне), а не *«так называемый демократ»*. Но Вы-то точно — так называемый патриот. А без «так называемого» Вы просто *«великодержавный шовинист»*, так, кажется, называли в Вашей ушедшей в историю империи тех, кто с пренебрежением относился к патриотическим и национальным чувствам других, в нашем случае — к патриотическим чувствам беларусов.

Для не *читавших* Конфуция *генералов* приведу другое высказывание древнего философа.

«С чего начинать реформы?» — спросили Конфуция.

«*С исправления имен»,* — был ответ.

Боже! Как я устал заниматься этим *исправлением* в стране (которая видится некоторым скорее как *испра-*

вительное учреждение для таких *выродков,* как я[1]), где все называется не своими именами, все — «*так называемое*», все — в переносном смысле, *все ненастоящее.* Демократия, социализм, рынок, деньги, союз, республика, гражданское общество. Экономический подъем, обеспеченный *Министерством изобилия*, конфронтация со всеми странами на родном континенте, достигнутая усилиями *Министерства мира*, исчезновения людей, что, безусловно, находится в компетенции *Министерства любви,* демагогия телеведущих, служащих по *Министерству правды.* О чем ни зайдет речь, *все понимается не то чтобы превратно, но совершенно неправильно.*

[1] Тут все непросто. Одиночество не есть временное состояние, я не знаю точно, что это такое, но это похоже на призвание. Многие люди одиноки, в одиночестве занимаются каким-нибудь делом, увлекаются и не замечают того, что где-то есть другие, такие же выродки, ну почти такие же. Они могут заниматься похожим делом не сговариваясь. Но им не нужны колхоз — или артель, чтобы заниматься этим делом. Есть вещи, которые нельзя сделать одному, есть и такие, которые нельзя делать даже вдвоем, а уж тем более колхозом. Вот, скажем, кино. Колхозное по природе своей искусство, коллективное творчество, индустриальное производство. Но попробуйте собрать сотню лучших режиссеров и сделать с ними одно кино. Ничего не получится. Сто кино они сделают, но одно вместе — нет. Как девять беременных женщин не выносят одного ребенка за месяц, но за девять могут выносить девятерых. В общем, все не просто. Так вот, совсем недавно в нашей стране произошло незаметное, но важное событие. Создан Орден Имени. Не в смысле имени кого-то там — *монаха Бертольда Шварца*, скажем, или пламенного борца революции товарища Пулихова, — нет. Просто — Имени. И не партия, не союз, не ОО, ЧП или ООО, а именно Орден. Непосвященному этого не понять, как не понять про орден бани или подвязки. Это нечто с элементами и атрибутами тайного общества, масонской ложи, розенкрейцерства и тамплиерства. У Ордена Имени есть экзотерический статут, я его приведу фрагментарно, но эзотерическое прочтение этого статута дано только кавалерам Ордена. Естественно, что кавалеры Ордена прини-

Вот, скажем, диалог. *Цените ли вы* диалог *так, как ценю его я*? *Я просто жить не могу без* диалога. А что это за диалог, когда все говорят, но *никто никого не слушает*? Это называется «базар». *Вы скажете, что это* неправда, что мне *так только кажется. Я даже соглашусь, что это неправда, это только полправды.*

В чем же состоит вторая половина правды? Я сейчас объясню, и тот, кто скажет, что это не так, пусть идет ко всем чертям. А вторая половина правды (причем именно половина правды, а не вторая сторона, поскольку правда представляет собой одну сторону вещей, например аверс, и тогда реверсом является вранье) состоит в том, что в диалоге есть всегда две стороны. А иначе и быть не может,

мают на себя всяческие обязательства, обеты, самоограничения. Не чужды они и мистики, и пижонской ритуальности, но не без пофигизма и самоиронии. Они не совершают паломничества в страну Востока, но делают вылазки и набеги туда. Они не переселяются в Касталию, но игре в бисер предаются самозабвенно. В общем, Орден, он и есть Орден. У Ордена Имени были и есть предшественники и даже классики. Например, классическим трудом признается «Интеллектуальная экология» Алексея Бабайцева. И интереснейшая работа Петра Садовского «Агульная культура й культура мовы». Заслуживают внимания статьи Грицанова в «Белорусской газете», Вежновца и Скуратовича в «Белорусском рынке». Опять же словари: «Новейший философский», а еще раньше — словарь вышеупомянутого Бабайцева, инициированный когда-то Пальчевским и Фридманом. Да и у многих других авторов время от времени встречается стихийное отправление обрядов Ордена. Скуратович и Абушенко давно служат идеалам Ордена, как бродячие дервиши, исправляя Имена посредством приколов и насмешек. Орден Имени взвалил на себя бремя ответственности за Имена, он занимается их исправлением. Хотя стихийная деятельность подвижников, рыцарей Имени и магистров Номинации пока еще не полностью упорядочена и артифицирована, в планах Ордена уже есть создание Инквизиции Имени. Всему свое время. Будет еще и «Молот на квазиимена», впереди борьба между течениями Конфуция, Бурдье, а может, и Лосева. Все только начинается.

диалог от слов «два» плюс «логос», то есть диалог — это разговор двоих.

Если одна сторона говорит А, а другая — В, это есть диалог. Если одна сторона *говорит А, а другая — тоже А*, то это уже дуэт. Слаженный дуэт бывает красивым, но все же это не диалог. Ну а если одно и то же А тянут больше сотни голосов, то это уже хор. Согласен, любое В-еканье в хоре звучит диссонансом, и всех В-екающих *гнать надо* из хора *каленым железом. Смешно мне слышать про* диалог общественно-политических сил в Беларуси. А *хор этот нестройный певцов бессловесных* слушать противно — ну просто *сумбур вместо музыки.*

Когда Х. Г. Вика спросили, что он думает о заседании 30 мая 2000 года, он, в силу *нордического характера, грязно выругался*, сказав, *что шоу — это шоу*, а *разговариваем мы в другом месте. Поздравляю Вас, господин соврамиши. Это не шоу*, это *то, чего вы хотели.*

Ладно *мы — беларусы з братняю Руссю — жили без* всякой аналитики *(и еще сто лет проживем)* — за любое дело *беремся не подумавши.* Но *вы-то, немцы*, понимать должны, что *дурют вашего брата и всю нашу братию.* Что все ваши декларации, резолюции: а) либо не понимаются; б) либо понимаются превратно; в) либо понимаются нарочито наоборот; г) либо правильно понимаются, но цинично извращаются. Хотели — получите.

Специально для господина Вика — анекдот, содержащий в себе квинтэссенцию внешней политики Беларуси и ее ближайшего стратегического союзника. Следите за знаками препинания.

Абрамович[2] *назвал Рабиновича сволочью. Община не то чтобы сильно возмущена, но Рабинович — главный*

спонсор синагоги! Поэтому лучшие люди общины просят Абрамовича публично извиниться. Абрамович долго и вяло ломается, но на конкретную формулировку вынужден согласиться. «Вы таки настаиваете? Чтобы я произнес публично только слова: Рабинович не сволочь! Извиняюсь!» Община согласилась, что достаточно только этих слов. Получите.

Суббота, общее собрание, Абрамович поставленным голосом произносит: «Рабинович не сволочь? Извиняюсь?!»

Кто о чем, а мы о диалоге. Вот только кого с кем? Кое-кто думал, что это будет диалог *кой-кого кое с кем.* А этот *кое-кто*, *большой и важный, а потому всенародный*, предлагает — а не *поговорить ли вам, для начала, с моим*

[2] Что забавно. Это же собственно беларусская ситуация. Не знаю, есть ли в соседней стране реальные люди с фамилией анекдотического персонажа Киндзюлиса, но в Беларуси Абрамовичей и Рабиновичей полно, в том числе и среди моих знакомых. Вот читает один из них полуфабрикат текста и говорит: «О, и я тут упомянут!» Да нет, объясняю я ему, это анекдот. Почти все персонажи в тексте имеют реальные прототипы, но не в этом же месте. Здесь-то как раз речь идет о вымышленных — не принимаю же я анекдоты про Вовочку на свой счет: теперь достоверно выяснено, что они писались с другого В. В. И поймал себя на воспоминании о том, что «аналогичный случай имел место в нашей деревне», а именно, с другим Абрамовичем, когда тот служил во главе Центризбиркома в конце 1995 года. Заканчивается второй тур довыборов в ВС № 13. Ночь, избирательные участки только-только закрылись, и начался подсчет голосов. Рассказывает, значит, Александр Абрамович о ходе голосования на пресс-конференции, что все, значит, в порядке, в рамках, соответственно, закона, и все такое прочее. Но рассказывает этот так, что интонации один к одному воспроизводят: «Рабинович не сволочь? Извиняюсь?!» Там, естественно, не Рабинович упоминался, но интонации — точно такие же. И что вы думаете? Трюк полностью удался. Журналистам Абрамович очень понравился и на повышение пошел после этого. Тонкое дело…

младшим братом, патриотом из патриотов, господином Баранкевичем. А я пока *воспарю над схваткой*, и вы все увидите, какой я *выдающийся* центрист.

— *Не надо нас учить банальной эрудиции,* — *скажут гордые немцы и прочие румыны,* — *нас тоже не в брюссельской капусте мама нашла. Что ж мы сами не видим, как передергиваются карты?*

— Очень надо мне вас учить (хотя с брюссельской капустой — это еще как посмотреть)! Если я и начал бы кого-то учить, то не вас. *Просто лицо вашего* Вика *на глаза мне попалось*, когда я слушал по БТ солиста Баранкевича, задававшего тон хору 30 мая. Да и *карты в крапленой колоде передергиваются, хотя и у вас на глазах* — проигрываете-то не вы, и не вас будут *хлестать этой колодой по носу.*

Когда-то так же передергивал карты Горбачев, только его все считали симпатичным парнем и любовались тем, как он ловко передергивает. Дирижируя хором, он тоже отдавал сольные партии «правильным» голосам, чтобы: а) выглядеть на фоне хора *центристом из центристов*; б) создать иллюзию, что все советское общество находится по одну сторону баррикады.

Ну *мыслимое ли это дело*, чтобы и баррикада была, и все столпились по одну сторону от нее? *Нет уж, если возвели баррикаду в первом акте, ждите, что получите булыжником из-за нее во втором или пулю в конце комедии. Спросите меня, в чем разгадка* этого шулерства? *Я отвечу.* Вас провоцируют на *балканизацию «конституционных противоречий»* в беларусском обществе, чтобы потом легче было бы сгрудить все общество по одну сторону *баррикады, колючей проволоки, железного занавеса*, а точнее, *укороченной памяти. И не вешайте мне маастрихтские*

спагетти на уши, что вас не в брюссельской капусте нашли. До Косово я тоже думал, что *вы не лыком шиты и не пальцем деланы.* Но Милошевич *блефовал*, а вы *ему карты скинули и получили «консолидацию» всей сербской нации*, за исключением нескольких *адшчапенцаў*. Потом вы *извлекли уроки и на воду дуете — вы уже знаете, что любой ваш ход плохой...* (Интересно, бывает ли цугцванг в картах? Если нет, то меня слегка понесло в части аналогий и метафор. Впрочем, плевать. До этого места все равно никто не дочитает).

Теперь вы боитесь, что, как только определитесь относительно баррикады, все беларусы окажутся против вас, на одной стороне с Лукашенко и с Баранкевичем. Они тоже так думают, хоть их-то точно не *в капусте нашли*, а *принесла их на нашу голову наша отечественная птушка.* А еще они думают, что заставят вас занять *потустороннюю* позицию у баррикады и никуда вы не денетесь. И думают они так, потому что это совпадает (по их мнению) с желанием беларусской оппозиции, *страшнее и могущественнее которой они ничего себе представить не могут.* Не верите? Тогда спросите у Лукашенко, *почему он берет с собой на охоту собаку и ружье*? Самое смешное, что про Лукашенко то же самое думает оппозиция, только *ружья она боится еще больше, чем зайцев*, а точнее, *уток. Как вы все похожи!*

Пора заканчивать, не то еще несколько пассажей — и я без тени иронии буду думать, что я самый умный в этой стране и в ближайших окрестностях (не считая нескольких своих собутыльников).

Вывод без длинных обоснований, поскольку все уже и так ясно.

Диалог в Беларуси образца 1996—2000 годов может вестись только через баррикаду, разделяющую все общество. А предметом диалога может быть *только замена баррикады круглым столом, что во всех отношениях удобнее и эстетичнее.*

Кто не видит этой баррикады, *у того нет головы, сердца и прочего ливера.* А кто не хочет получить *булыжником в лоб во втором акте затянувшегося столпотворения «по одну сторону баррикады»*, должен способствовать разбору баррикады не позднее конца первого акта. Это, конечно, метафора, но не для красоты слога, а чтобы схема была понятнее. Дальше схемой и займемся, но сначала внимательно прочитаем пункт 22 Стамбульской декларации.

Глава 3

Шифровка Стамбульского султана беларусским казакам без головы

Сначала сам текст шифровки — из Стамбульской декларации ОБСЕ, в которой один пункт (№ 22) посвящен Беларуси:

«22. Мы решительно поддерживаем работу Консультативно-наблюдательной группы в Беларуси, которая тесно сотрудничает как с белорусскими властями, так и с оппозиционными партиями и лидерами, а также с НПО[1] в утверждении демократи-

[1] В тексте Стамбульской декларации употреблена аббревиатура НГО, в смысле, что речь идет о неправительственных организациях, а может быть, о неприбыльных – кто их, этих глав государств, поймет. Автор же предпочитает выражаться иначе – НГО, имея в виду организации негосударственные вообще, включая в них и неприбыльные и неправительственные. Поэтому, там, где автор несет отсебятину, там читатель найдет НГО, а там, где автор вынужден учитывать мнение глав государств ОБСЕ в официальном переводе на второй государственный язык, читатель встретит НГО.

ческих институтов и более строгом выполнении обязательств, принятых в рамках ОБСЕ, содействуя тем самым преодолению конституционных противоречий в Беларуси. Мы приветствовали бы скорейший прогресс в этом политическом диалоге с участием ОБСЕ в тесном сотрудничестве с Парламентской ассамблеей ОБСЕ. Мы подчеркиваем необходимость устранить все препятствия, имеющиеся на пути к этому диалогу, обеспечив уважение принципов верховенства закона и свободы средств массовой информации».

Внимательно прочли? Все ли понятно? Здорово, но у меня есть сомнения, что все понятно. Мне тоже трудно продраться через дипломатическую дурь, но я все же знаком с грамматикой, логикой и герменевтикой. Попробую расшифровать хотя бы некоторые доступные пониманию места, выбросив то, что *решительно* выше моего понимания. Вот возьмем *одноименное* наречие «*решительно*». Ну кто, кроме *отпетых дипломатов, которым язык дан, чтобы скрывать чужие (поскольку своих им иметь не положено) мысли,* поймет это выражение: «Мы решительно поддерживаем?» Я *решительно отказываюсь понимать и никому не советую*. Комсомольцы в былые времена выражались примерно так: «*Я вас категорически приветствую*».

Дурь есть дурь по смыслу и по содержанию, а формально (в моем *рафинированном дискурсе*, например) эта *категория используется для удержания рефлектирующего сознания в рамках трансцендентального единства апперцепции, посредством сохранения континуальности рассудочной деятельности. И в тезаурусе современного интеллектуала эта категория имманентно*

присутствует в качестве репера в сетке ноэматических координат независимо от ее эксплицирования в тексте. Для ясности я перепишу *вышеприведенный* пункт 22 *без дури* и лишних *приседаний* типа *расширить и углУбить, решительно и категорично, теснее тесного, строже строгого, экономнее экономного.* Читаем еще раз по предложениям:

«Мы… поддерживаем работу Консультативно-наблюдательной группы в Беларуси, которая… сотрудничает… с белорусскими властями,.. с оппозиционными партиями и лидерами,.. с НПО в утверждении демократических институтов и… выполнении обязательств, принятых в рамках ОБСЕ, содействуя… преодолению конституционных противоречий в Беларуси.

Мы приветств(уем)**овали бы…** (причем тут сослагательное наклонение?) **прогресс в этом политическом диалоге с участием ОБСЕ в… сотрудничестве с Парламентской ассамблеей ОБСЕ.**

Мы подчеркиваем… необходимо(сть) устранить… препятствия, имеющиеся на пути к этому диалогу, обеспечив уважение принципов верховенства закона и свободы средств массовой информации«.

Так лучше, правда? Уже доступно пониманию. Начнем понимать, а *значит, задавать вопросы тексту*, на которые он содержит ответы. Принимать будем только те ответы, которые в тексте есть, и не дурить себе голову теми ответами, которых в тексте нет, хотя кое-кто стремится их домысливать. *Любой дурак умеет задавать вопросы другому дураку или умнику*, но умеете ли вы *задавать вопросы*

тексту,[2] а не человеку или субъекту? Этим определяется умение читать, что не каждому дано.

1. «Мы… поддерживаем…» Что же и кого **поддерживают** «они», то есть главы государств, включая Лукашенко?

Они **поддерживают** работу КНГ ОБСЕ в Беларуси.

Внимание — 1! Не саму КНГ, поскольку она не есть субъект, а только инструмент, рабочий орган ОБСЕ, а ее работу, выполняемую по поручению. Из этого вытекает, что чайниками (мягко говоря) нужно признать тех, кто, уповая на ОБСЕ, предъявляет претензии к ее рабочему органу (вырви глаз, который соблазняет тебя)[3]. Главы государств ясно выразились — они **поддерживают** работу своего

[2] *Задавать вопросы тексту* учат грамматика и логика. Людям, окончившим начальную школу, конечно, *в падлу* помнить грамматику, *но она полезна.* Особенно как подспорье для логики. Для начала сложные высказывания разбиваются на простые, содержащие только логические подлежащее и сказуемое. Дальше грамматика кончается и начинается формальная логика. Грамматика и логика используют одинаковые термины в разных значениях. Грамматическое сказуемое – это чаще всего глагол, в логике же это может быть любая часть речи, а глагол выступает в роли связки, или логического оператора. Грамматически правильные вопросы превращаются в логически правильные, когда смысл глагола в вопросе и в искомом ответе не изменяется, подлежащее трактуется как логический субъект, а содержательно согласованные с глаголом-связкой второстепенные члены предложения – как логический предикат. Простые предложения приводятся к виду А—Б, где содержание глагола (действие или состояние) либо вынесено за скобки, либо, если глаголы модальные или в инфинитиве, упаковано в содержание предиката Б. Глаголы-связки и образованные от них слова будем **выделять жирным шрифтом**.

[3] Древнее выражение, которое, при всей сакральности своего происхождения, не может трактоваться как руководство к действию. Назначение его в том, чтобы будить рефлексию. Рефлексия же такова. Предположим,

органа, более-менее знают, *что делает их левая рука. Все рекламации направляйте в Брюссель*, а не на улицу имени газеты «Правда», дом 11.

Внимание — 2! В тексте ясно сказано, что главы государств — членов ОБСЕ **поддерживают** не беларусские власти и не их работу, но работу КНГ. Они **поддерживают** не оппозицию и ее лидеров и не их работу. Аналогично и с НГО. Так что не надо понтов! Никого из перечисленных беларусских субъектов они не **поддерживают**.

Внимание — 3! Более того, вчитываясь в текст, можно обнаружить, что там не сказано о **поддержке сотрудничества** КНГ с властями, с оппозицией и ее лидерами и с НГО. Они ограничились голой констатацией факта **сотрудничества** КНГ с... *И это правильно*. Чтобы **сотрудничество** именно с тобой **поддерживали**, так это еще заслужить надо.

соблазняет тебя некая швабра (90-60-90), вне тебя положенная и не с тобой лежащая. А вырвать ты ее не можешь, так как она *есть объективная реальность, данная тебе в ощущениях*. Тогда твой гнев обрушивается на орган, якобы приносящий тебе эти ощущения. И — глаз долой! Ан нет, не тут-то было! Зуд и ощущения остаются в другом органе, и ты по этому органу — серпом! Снова промашка. Как учит богатый мировой опыт, кастрация после пубертата не снимает остроты ощущений, но некоторых возможностей лишает, и только некоторых. Ведь детский дискант назад не возвращается. Так стоит ли членовредительством заниматься ради столь ограниченного эффекта? Ну вырвали Гончара, так что, от этого конституционные противоречия исчезли? А если Вика и весь состав КНГ заменить, что с того? Вот некоторые думают, *вырвем* Лукашенко *с корнем, так сразу и заживем счастливо. Лукашенко-то мы еще можем переизбрать*. Или там досрочно в отставку отправить, *а умище-то куда девать*? Мудрость его народную? Может от этого вырывания электорат поумнеет или вертикальные чиновники в горизонтальное положение встанут/лягут? То-то же.

Так что и власти, и оппозиция с ее лидерами, и НГО — не обольщайтесь! Вы просто перечислены через запятую. А чтобы понять, что это значит, нужно задать правильный вопрос тексту.

2. ...Консультативно-наблюдательной**(ая) группы(а)... сотрудничает...** С кем **сотрудничает** КНГ ОБСЕ в Беларуси?

Сначала простой ответ: КНГ ОБСЕ в Беларуси сотрудничает: 1) с беларусскими властями; 2) с оппозиционными партиями и лидерами; 3) с НГО.

Итак, главы государств — членов ОБСЕ признают **сотрудничество** своего рабочего органа с тремя субъектами в Беларуси, а поскольку это их орган, следовательно, не возражают против такого **сотрудничества**, следовательно, главы государств — членов ОБСЕ, и сама Организация БСЕ косвенным образом **сотрудничают** с этими тремя, значит, и с властями.

Просекаете ли вы, Верховный Совет 13-го созыва[4], «*единственный и решительно легитимный*», эти засранцы **сотрудничают** с властями, нелегитимными бяками? Не верите? Перечитайте внимательно еще раз. Понимаю, больно и обидно до слез. Но читайте дальше — получите *утешение, хотя и слабое*. С вами они тоже **сотрудничают**. Понимаете, почему *слабое*? Потому что **сотрудничают** не только с депутатами 13-го созыва, но и с ЛДПБ и ее

[4] Блин! *Меня просто тошнит* от этого номера созыва. В независимой стране, которой от роду не было и пяти лет, избирается первый парламент (тот, 12-й, избирался в СССР) *и носит гордый номер 13.* И они хотели в 1996 году импичмент объявить?! *На себя бы в зеркало посмотрели. Сначала шею вымойте, а потом импичменты устраивайте.*

лидером Гайдукевичем etc. *Ваши проблемы*, что вы не принимаете его в свою компанию. Главы ОБСЕ *на это чихать хотели с самого высокого стамбульского минарета.*

И с Абрамовой эти *гады* **сотрудничают** (они ее *даже по-своему любят за то*, что она умеет читать и *разговаривать по-европейски*[5]). Ну *и что, что «Яблоко» еще*

[5] Это удивительная вещь — способность понимать речь человеческую, да и вообще разговаривать. Я не смогу рассказать, как это происходит, но это чувствуется сразу. Ну, пусть не сразу, но выясняется в ходе разговора. Вот был случай. Европейский демократический союз (EDU), это нечто вроде консервативного Интернационала, проводит смотрины ОГП на предмет проверки степени нашей консервативности и правизны. Инициатором выступила шведская Партия умеренных (Moderaterna), их же представитель и ведет все мероприятие. Собрались на нейтральной территории, в Вильнюсе, присутствуют разные английские, ирландские консерваторы, австрияки, эстонцы. Выступает председатель ОГП, говорит о положении в стране, про то, что жрать нечего, инфляция, потребительский бюджет, рентабельность, амортизация и прочая экономическая ахинея. Долго говорит. Ведущий объявляет перерыв, а перед перерывом, как бы между прочим, вставляет задумчивое рассуждение. «Мы тут в Европе думали: чем правые политические партии отличаются от левых? Полагаем, что у левых экономика выступает в качестве идеологии, а для правых экономика — это просто дело специалистов и профессионалов. В качестве же идеологии правые используют вечные ценности, мораль и все такое». Сказал и объявил следующего докладчика — Карпенко. В перерыве я говорю Карпенко: «Геннадий Дмитриевич, нас обзывают левыми, не примут нас с такой идеологией в консервативный Интернационал. Исправляйте положение». А у него выступление давно заготовлено. «Так, а что делать?» — спрашивает. «А Вы про ценности, про права человека, про мораль и историческое наследие поговорите, тогда, может, и примут». Ну, Карпенко сообразил. Начал свой доклад с того, что права человека нарушаются, мораль там, историческая справедливость пока не торжествуют, а кроме того — жрать нечего, ВНП падает, инфляция, амортизация и т. п. В общем, не приняли в EDU. А почему? Потому что по-европейски разговаривать и думать соответственно не умеем. Так нам и надо! В общем, тяжело говорящим на советском новоязе попасть в европейское сообщество — почти как верблюду пролезть сквозь игольное ушко. Говоря с европейцами, следите за своей речью, а то потом придется доказывать, что ты не верблюд.

зеленое, не дозрело до партии. Даже если оно станет красно-зеленым и останется НГО, они будут с ним **сотрудничать**. Так они сами написали, а Лукашенко *с удовольствием собственноручно подписал. Ладно, про удовольствие, это я загнул, он подписывал это с отвращением, но о противном позже*.

А вы, *лояльнейшие из лояльных, патриотичнейшие из патриотичных* общественно-*«политические»* силы, стремящиеся *быть правовернее самого батьки, просекаете*?

Лукашенко признает существование оппозиционных партий и их лидеров *и высочайше позволяет* с ними **сотрудничать** тем, с кем сам **сотрудничает**. Я понимаю, вам Лукашенко не *указ, у вас своя голова на плечах.* Я просто *по-человечески вас предупреждаю, характер у него ого-го, он пока терпит, а как начнет «мочить в сортире»* за ***несотрудничество*** *— мало не покажется. Так что лучше по-хорошему*, **сотрудничайте** с оппозиционными партиями, и особенно с их лидерами.

Милейшие люди, я со многими знаком. Ну, бывает, отморозят чего-нибудь. Но зла на них держать невозможно. Вот в 1995 году Богданкевич уволил меня из пресс-секретарей ОГП за то, что я назвал депутатов ОГП «оппозицией в Верховном Совете». Он сказал, что это будет *конструктивная оппозиция (чувствуете, как лояльно и патриотично!)*, **сотрудничающая** с президентом в том, что хорошо. *Ну как на это можно обижаться*, особенно после ноября 1996 года?

Итак, КНГ ОБСЕ **сотрудничает** с тремя субъектами в Беларуси. Сказали об этом не *лишь бы кто*, а главы государств — членов ОБСЕ, включая *всенародно избранного.* А

этим ребятам лично я палец в рот бы не положил. Откусить — не откусят, из гуманных соображений, но черт его знает, что у них на уме после Косово? Начнут еще беларусские воздушные шары сбивать над Швейцарией. Но на этом простой ответ *исчерпан*. Дальше начинаются *хохма и дипломатические приколы*.

Хохма связана с именами субъектов, с которыми **сотрудничает** КНГ, или вещей, называемых своими именами, *симулякров вещей*, называемых своими именами, и вещей, называемых именами не своими (см. в предыдущей главе *рассужданс* про слонов и патриотов).

Вот попытайтесь угадать, что подразумевается под словами «белорусские власти»? «Ну, президент», — скажет любая бабушка на завалинке. И будет не права, потому что — *«мементо мори»!* Смерть президента в нашей стране наступила 20 июля прошлого года, то есть раньше Стамбульской встречи. Президент умер, а Лукашенко остался. И остался у власти — *такова селяви,* и с этим надо считаться, говорят французы. Считаться с реальностью, но не забывать о действительности. Все разумное действительно, все действительное разумно, чего не скажешь о реальности. Реальность часто не действительна и, тем самым, часто не разумна.

Тем, кто *академиев не кончал, этого не понять*, *поэтому объясню* на примере. Предположим, что удостоверение Президента Республики Беларусь дает право на бесплатный проезд в троллейбусе. Вот Лукашенко ездит из Дроздов на работу несколько лет, все контролеры его уже в лицо знают, кивают при встрече, здоровьем интересуются, детьми, коровой там и т. д. А тут новый контролер:

— Гражданин, предъявите билетик!

Лукашенко в ответ:

— У меня служебное удостоверение.

— А Вы все равно предъявите!

Тот протягивает.

— А какое нынче число на дворе? — интересуется дотошный контролер, заглядывая в ксиву.

— Ну, 21-е, — теряется Лукашенко, подозревая неладное.

— Ваше удостоверение **недействительно**, оно просрочено. С Вас штраф, уважаемый, в размере, сами догадываетесь, 0,5 минимальной зарплаты!

— Да я и денег-то с собой не ношу, президент какникак, мне всю зарплату сиротам положено отдавать.

— Это ты вчера был президент, а сегодня я и не знаю, кто ты такой, пройдемте в отделение…

И так далее. Скандал, конфуз и все такое.

Вот в этом и состоит разница между реальностью и действительностью. Вчера ты действительно мог быть президентом, как честный человек мог ездить в троллейбусе. А тут раз — и финиш. Удостоверение просрочено, и тебя гребут в кутузку. Нечестно, скажете вы, неразумно. А я предупреждал, что реальность часто неразумна. Да и сами посудите, кто же ждет от контролера в троллейбусе разумного поведения? Он действует формально и тупо, и это правильно, он свою службу туго знает.

В отделении милиции Лукашенко вспомнил:

— А у меня вкладыш в удостоверение есть, статья 144 в Конституции 1994 года с искажениями и дополнениями 1996-го.

— А для нас это не документ, — говорят менты. И продолжают:

— Там не сказано, что ты можешь за проезд не пла-

тить. Да и где они были приняты, эти поправки и искажения? Ах, на республиканском референдуме! Знаем мы эту республику и эти референдумы: там любую филькину грамоту могут принять за Конституцию.

В общем, загремел Лукашенко на 15 суток. *Страна осталась без присмотра.* Цены на водку взлетели, *уровень жизни опустился ниже колена*, дождя Заломаю (Долгалеву) не хватило, заморозки ниже Цельсия. Кошмар!

Вот чем чревата халатность и невнимательность. ТщательнЕй надо быть. Каждое утро надо начинать с наведения порядка на планете, а это значит — приводить реальность в соответствие с действительностью.

Заболтался я. Вернемся к нашим баранам, то есть к беларусским властям. *Вот за что люблю глав государств* — членов ОБСЕ, так это за то, что *они тупые*, почти как троллейбусные контролеры (конечно, в *семье не без урода, один из них точно не тупой, а умный,* ну вы понимаете, о ком я[6]). Помнят, заразы, про 20 июля, потому и пишут: с властями, мол, беларусскими **сотрудничаем**. И ни слова про президента или про (анти)Национальное собрание. Понимайте, как хотите.

[6] Я серьезно, это не только *для отмазки* в случае привлечения за диффамацию, хотя и для этого тоже. Ведь *мы такие бедные*, *потому что сильно умные,* и творческие в придачу. Все цивилизованные люди *тупо исполняют правила, инструкции, законы*, а мы ко всему относимся творчески и умничаем. Им говорят: «Не суйте пальцы в розетку!» Они и не суют. «Не ковыряйте в носу!» Они и не ковыряют. А мы сначала поинтересуемся: в чьем носу? чем не ковырять? и прочее. У них — буква закона, а у нас — дух, толкования. С одной стороны, с другой... Им сказали, что Гитлер — бяка, они знают это. А *наш-то, орел*, усмотрел таки хорошие стороны у Гитлера. *Ну, не умный ли*? Потому *и делает* этих ОБСЕ-шников и евросоюзников как пацанов.

То же и с оппозиционными партиями и лидерами. Интересно, а какие партии у нас у власти? Да у нас все партии оппозиционные, как, впрочем, и лидеры. Баранкевич явно в оппозиции, да и Чикин. Что из того, что он зам кого-то там в вертикали, будучи членом компартии; Тур тоже чей-то зам, тоже в вертикали, но член ОГП. Многие, ой многие, *прячут у сердца партийные билеты* до лучших времен. («Товарищ по партии, верь, взойдет она, взойдя, исправит имена и встретит царственно у входа, спросив от имени народа, а чем вы, гады, занимались после 1996 года!» Цитирую по не совсем трезвой памяти «Закон о люстрациях» 13-го созыва имени товарища Савичева.)

В общем, так, не удержались *на достигнутой высоте* участники встречи на высшем уровне в Стамбуле с этими оппозиционными партиями. Надо же, так корректно и дипломатично: с одной стороны — беларусские власти, с другой (такой ляп) — оппозиционные партии и лидеры. За ошибки надо платить, вот и **сотрудничайте** с оппозиционными Чикиным и Баранкевичем. Успехов вам в этом нелегком труде, а **сотрудникам** вашим — в личной, такой же нелегкой, жизни.

Не буду утомлять вас рассмотрением имени третьего сотрудника, ведь способ рассуждения уже понятен. В качестве упражнения на дом возьмите следующие вопросы. В чем сходство и в чем различие между тремя НГО: БПСМ, СМБ и «Молодым фронтом»? В чем сходство и в чем различие между ДОСААФ и БЗВ? Если ответы на эти вопросы вызывают у вас затруднения, значит, вы не *совсем конченый человек*. Конченые — это те, кто видит между ними только сходство или только различие.

Но факт есть факт. КНГ ОБСЕ **сотрудничает** с НГО — и точка.

Что же из этого следует? А вот этого в пункте 22 Декларации не сказано. Это я дальше объясню, но уже от себя, это будет мое личное мнение, хотя я его уже приводил выше, но вы наверняка не заметили. Я же знаю, что, пока в лоб не сформулируешь, ничего не будет. Только бы мне кто-то напомнил все, что я еще должен сказать, объяснить, сформулировать.

Меня часто спрашивают, почему я не пишу больше. А я отвечаю: «Так я уже все, что вас может заинтересовать, написал». «Где?» — удивляются. «*Где-где, в*... газетах».

А теперь я в «Новейший философский словарь» пишу, об этом я тоже еще должен рассказать, даже уже пообещал это на одной из первых страниц этого текста, но вам этот словарь читать еще рано[7].

Ну, двинулись дальше. Чем мы занимаемся *в этих строках* текста, объясняется на с. 19—20, а идет уже с. 25. Все, дочитавшие сдуру до этого места, либо окончательно сбрендили, либо просто забыли, чем мы занимаемся. Пер-

[7] Всего не упомнишь, а обещания надо бы выполнять, хоть иногда, хоть некоторые. В примечании 2 к главе 1 я обещал рассказать, в чем дело-то состоит. У кого хватит терпения дочитать до середины, тот найдет ответ в рассуждениях о кино. Что надо делать хорошее кино, писать хорошие книги, детей воспитывать хорошими людьми, дома строить, деревья сажать. «Новейший философский словарь» — это хорошая книга. Но вот что интересно. Редактор-составитель А. Грицанов рассказывает, что эта книга не для того, чтобы учить, а для того, чтобы лечить. Подробнее вы у него сами спросите. А то что вы все у каких-то дураков спрашиваете разные какие-то глупости? Чисто как у Гессе в описании фельетонной эпохи. Спрашивать нужно только у тех, кто хорошее кино делает.

вым напоминаю (вторым лучше выпить, закусить и отдыхать, с такой короткой памятью им не тем заниматься надо. Я знавал людей, которые забывают к концу прочитанной фразы, о чем речь шла в начале. Ничего. Они тоже люди, все жить хотят), что мы читаем пункт 22 Стамбульской декларации. Разбивая сложное первое предложение на несколько простых, к которым можно сформулировать простые вопросы. Мы остановились на втором простом предложении. Продолжим, задав второй вопрос к этому предложению.

Сначала вспомним все сложное предложение:

«Мы... поддерживаем работу Консультативно-наблюдательной группы в Беларуси, которая... сотрудничает... с белорусскими властями... с оппозиционными партиями и лидерами... с НПО в утверждении демократических институтов и... выполнении обязательств, принятых в рамках ОБСЕ, содействуя... преодолению конституционных противоречий в Беларуси».

Выделим в нем искомое простое предложение: КНГ **сотрудничает...** с X, Y, Z **в утверждении** демократических институтов и **выполнении** обязательств, принятых в рамках ОБСЕ.

А теперь сформулируем сам вопрос: «В чем КНГ **сотрудничает** с X, Y, Z?»

Ответ (*не по-буржуйски размазано, а четко*): «В **утверждении** демократических институтов и **выполнении** обязательств, принятых в рамках ОБСЕ». *Отлично сказано.*

Сначала покончим раз и навсегда с демократическими институтами и похерим окончательно принятые в рамках обязательства (в грамматическом, разумеется, смысле — покончим и похерим, а так — пусть живут). Ведь эти

козлы думают, что в Беларуси понимают, что такое демократические институты и обязательства в рамках или в багете с кисточками. Хай сабе думаюць. Ведь есть же среди наших сограждан Загуменнов и Абрамова, а они понимают. В этом наше спасение. Если бы среди граждан Содома и Гоморры были такие люди, как Загуменнов в первом, а Абрамова[8] — во втором, то, как свидетельствует Писание, эти города были бы спасены.

Лучше бы подписанты декларации **сотрудничали** со мной, я тоже знаю, что такое демократические институты, и иногда ***выполняю*** принятые на трезвую голову обязательства, то есть не только принятые на трезвую голову, но и на себя тоже. Мы бы тогда все и **утвердили** — и институты, и рамки. Под «мы» я имею в виду, себя, этих упомянутых двоих, вас, подписавших цитируемую декларацию. Разумеется, может, нашли бы еще нескольких подельников. Вот только вы сами у меня сомнение вызываете, есть среди вас один подписант... Если бы можно было

[8] Очень не хотелось бы получить по морде этой книгой (см. инцидент со Статкевичем в газетах за 6—7 июня 2000 года). Поверьте, Ольга Михайловна, никакого *метафизического намека* здесь нет. *Я хотел сказать только то, что хотел сказать.* Я-то одобряю участие в диалоге и Вас, и тех, кому не могу объяснить не то чтобы полезность диалога, но необходимость его. А Статкевичу — так и надо, не фиг распускать и руки, и язык. Азаренку по морде — так можно, а как себе — так нельзя? Это, *понимаешь, попахивает двойными стандартами. Взвинтим уровень общественно-политических дискуссий!* Чем больше и больней мы будем бить друг друга, тем *больше нас будут бояться.* А будут бояться — дело не дойдет до применения ядерного оружия. Для нашей нейтральной страны это *архиважно — лишь бы не было войны.* Однако я думаю, что сажать Статкевича за это все же не стоило бы. А вы как думаете, госпожа Абрамова?

обойтись без него, думаю, дело пошло бы быстрее. Ну, ничего, и так **утвердим** и **выполним** — глаза боятся, руки чешутся.

А теперь о сложностях в ответе. Это надо понимать так, что в **утверждении** демократических институтов КНГ **сотрудничает** с X, Y, Z, а в **неутверждении** — ни с кем не **сотрудничает**. Значит, если власти, оппозиция или НГО начнут упираться и не станут **утверждать** демократические институты, то всякое **сотрудничество** с ними прекращается? Ага, говорю я себе, понятно, почему властям кредиты не дают, оппозиция голодает, и НГО на подсосе сидят. Не **сотрудничают** они с нами всерьез. Где же тут собака зарыта? А в диалоге и зарыта. Спрашивается, имеет ли диалог отношение к демократическим институтам? Спросите у Абрамовой, и она скажет: «Конечно». А кто может возразить? Правильно, возражать на это глупо. Диалог, конечно, не институт, а процесс, но когда он идет, это *страшно демократично,* во-первых, а во-вторых, этот процесс именно и трактуется как **утверждение** институтов, которые его ведут. Сечете ли фишку, все, кто отказывается от участия в диалоге? Да нет, вы маеце рацыю в том, что процесс идет как-то не так, участники какие-то не такие. Ну а как вы можете направить процесс в правильном направлении, задать правильную форму его, не участвуя в нем? В глазах международной общественности, которая с *чувством глубокой озабоченности следит* за ходом **сотрудничества** КНГ ОБСЕ с X, Y, Z в **утверждении** демократических институтов, поведение некоторых из вас выглядит, мягко выражаясь, непоследовательно. Мець рацыю вы *можете, но* ***утверждать*** демократические институты *обязаны. Нет, если вы не хотите, то, конечно, и*

не обязаны, но тогда с чего вы взяли, что вы — демократическая оппозиция?

Впрочем, ладно, не буду я над вами дальше издеваться. Я-то знаю, что вы демократическая оппозиция, но только маленькая еще и глупая. Ну не умеете вы **утверждать** демократические институты, *учиться вам еще и учиться, и еще раз учиться* ***утверждать*** *демократические институты настоящим образом.* Только пока учитесь, не оскорбляйте Абрамову, *она играет как умеет.* Конечно, партнеры по диалогу у вас не подарок, один Баранкевич чего стоит. Стоит-то он, положим, мизинца Лукашенко, а последний — тот еще фрукт. А кто говорил, что будет легко? Но другого способа **утверждать** демократические институты нет. Все остальное, чем вы занимаетесь — осмыслено и конструктивно только тогда, когда помещается в «рамки»[9] диалога. Диалог делает все это

[9] Рамки — легко сказать. Это же вам не апперцепция какая-нибудь. Встречая незнакомое слово, вдумчивый читатель в словарь лезет, значение ищет. А «рамки» — слово знакомое, за этим словом ни в словарь, ни в карман никто не полезет, и напрасно. Это — категория. Ее впервые Эдмунд Гуссерль стал употреблять в онтологической работе. Рамки — это такое орудие мышления, которое придает справедливость, истинность и осмысленность одним вещам, и, напротив, высвечивает акцидентальность, несущественность и просто глупость других вещей. Истина абсолютна, как и все абсолютные вещи, но только в определенных рамках. Вне рамок все относительно так, что хуже не бывает. Вот чем отличается меньшинство людей, которые Гуссерля читали, от большинства, которые его не читали? Тем именно, что первые всегда в рамках, а последние — как придется, когда и как. И если первые скажут порой, что, например, «это безрамочный человек» или «это суждение без рамок», то это значит, что не надо вслушиваться в то, что говорит этот человек, не надо пытаться понять такое суждение. По сравнению с такими высказываниями обычный мат — фигня полная. Да разве ж не читавший Гуссерля человек материться умеет? Куда ему, разве что в извозчики, с лошадьми разговаривать.

действительным и разумным. Слышу, слышу, как вы уже материтесь от этих слов. Я не забыл, что вы академиев некончали. Поэтому и говорю: учитесь, *ибо ученье сокращает* путь к окончательному **утверждению** демократических институтов.

Предложение, которое мы разбираем в данный момент, длинное. Не забыли, что там еще сказано? КНГ **сотрудничает…** с X, Y, Z **в… выполнении** обязательств, принятых в рамках ОБСЕ.

Отсюда выводим вопрос. Так в чем там еще КНГ **сотрудничает** с X, Y, Z?

А **сотрудничает** КНГ в **выполнении** обязательств, принятых в рамках.

Плевать, конечно, на рамки. *Широта славянской души шире* всяких рамок, что нам их рамки, рамки — это *для тварей дрожащих, а не для право имеющих. Им, однако, этого не понять*, поэтому и объяснять не будем. Но **выполнение** обязательств мы отрицать не станем; **выполнять** это уж как сложится, а отрицать — не будем. Опять же, про обязательства и, особенно, про обязанности, мы знаем куда больше их. *Это у них там* права *человека, а у нас* — обязанности *человека.* Об этом я позже расскажу подробнее,[10] здесь же — минимум. На *основной вопрос*

[10] Это обещание дано опрометчиво. Ну что тут объяснять? Это каждый ребенок знает: «Дзяржава для чалавека, а не чалавек для дзяржавы». Это не объяснению подлежит, а пониманию уже. Все знают, но мало кто понимает. Вот большевики просто говорили: «мир — народам, земля — крестьянам». Ежику понятно. Потом большевики поступали строго наоборот, но это уже не все знали и понимали. А тут все знают, но не понимают. А надо бы по-большевистски: «государству — обязанности, человеку — права». И чтоб не наоборот.

всей философии — что первично: права или обязанности — *мы отвечаем утвердительно*: на восток от Беларуси — обязанности, на запад — права. А Беларусь *болтается, как говно в проруби,* между *Востоком и Западом*, которым, *как учил певец* британского империализма, *никогда не сойтись*. А уж когда сходятся, *у беларусов чубы трещат*. Вот от этого треска вся *наша толерантность и памяркоўнасць*. Терпеть — это наше *неотъемлемое право и наша святая обязанность*. Беда только в этих идиотских рамках ОБСЕ, на которые мы плевать хотели. В рамках-то там права, а **сотрудничать** предлагается **в выполнении** обязательств.

Мы им говорим, что обязательства **выполняем**, а они нам: «*Не верим*!»

— Ну почему, почему?

— А где Гончар и Захаренко?

— Причем тут Гончар и Захаренко? У вас тоже негров бьют.

— Ну, мы не отрицаем, что и у нас еще встречаются отдельные недостатки. Однако мы **сотрудничаем** со своими неграми, чтобы их не били, и вам того же желаем.

— А не лезьте в наши внутренние дела, без сентиментальных разберемся!

— Так мы только этого и хотим. Разбирайтесь, вступайте в диалог и **сотрудничайте** с нами **в выполнении!**

— Ах, так вы это имели в виду? Мы-то думали, что наш Избирательный кодекс вам не нравится, мажоритарная наша система!

— Плевать нам на ваш Избирательный кодекс сам по себе, принимайте, какой хотите, только **сотрудничайте в выполнении**. И чтобы в рамках, чтоб красиво.

В общем, *бардак — кто про Фому, а кому и в Киеве дядька.*

А между тем, ясно сказано: **в выполнении сотрудничаем**, а в невыполнении, соответственно — нет. А **невыполнение налицо**. Почему? Да потому что диалог получается в одни ворота. Диалог-то общественно-политических сил Беларуси. Это же, можно сказать, интимное внутреннее дело, в котором третий пусть и не лишний, но его дело — сторона. Его забота, чтоб диалог был, чтоб **сотрудничали**, и **сотрудничали в выполнении**, и чтоб все в рамках. А что получается? По одну сторону баррикады хор тянет свою песню, не хотим, мол, *поступиться принципами.* КНГ вяло отбрехивается со стороны, а по другую сторону баррикады — виртуальные лидеры оппозиции, как тени Гамлета-отца. И Федута.

О! Федута. Его фигура вырастает до масштабов Гамлета, сына одноименной тени. Быть или не быть, **сотрудничать или не сотрудничать**, а если **сотрудничать, то в выполнении** или **просто? Сотрудничать** *бы рад*, но ведь ясно, что **выполнять** никто ничего несобирается. Двусмысленное положение получается. С теней какой спрос, парят они молчаливым укором, а в диалоге говорить надо. Скажешь чего-нибудь не то — выгонят, Посохов (тоже *патриот из патриотов*!) не дремлет. А как хочется быть принципиальным. Марцев мне друг, — думает Федута, — и Сиваков друг? И Якубович, и Подгайный. А *истина-то, истина, она должна быть мне дороже*? Но *что есть истина*? И *дороже ли она ложки к обеду, ближе ли она рубашки к телу*? И *демократии хочется* в рамках ОБСЕ, и *севрюжины с хреном.* А с другой стороны обязательства **выполнять**

надо. Если я, Федута, их **выполню** как надо, то Лукашенко тут причем? А признание со стороны глав государств ему достанется. А мне, Федуте то есть, еще и в парламент хочется. Если я обязательства в рамках не **выполню**, глядишь, Лукашенко мне поможет в парламент попасть, ему это раз плюнуть — и попасть. А если **выполню** обязательства, то в парламент конкуренция будет большая, а мне в своей весовой категории конкуренции не выдержать, особенно по смешанной или пропорциональной системе, я и в партии-то никакой не состою. Демократия это хорошо, к ней и *ложка* прилагается, и к *ложке осетрина*, особенно для таких, как Федута. Но с другой стороны, обязательства налагаются и спрашивают за **выполнение** обязательств.

Так **выполнять или не выполнять** — вот в чем вопрос. *Мильон терзаний.* Но есть ли у нас выбор? Кажется, выбора нету. Даже Лукашенко подписал Стамбульскую декларацию. «Его подставили!» — закричал мне один выдающийся юрист на заседании экспертной группы.[11] Не ста-

[11] Я уже несколько раз упоминал эту экспертную группу. Это цирк. Панихида с танцами, как говорил Галич. Тема группы — «Стратегия развития гражданского общества». Все собравшиеся там говорят, что нет такой стратегии, даже концепции нет. Я говорю им: «А вы что, читали?» А они ничего не читали. То есть, что-то читали, но совсем не то, не про гражданское общество. «Так почитайте, — советую, — уже составителям Конституции Североамериканских соединенных штатов в 18 веке было что почитать на эту тему. А уж к нашему времени про это столько написано, что всего и не перечесть, в вы говорите — нету». Я им даже книжки приношу. Я им резолюцию Конгресса США показал, где про наши ошибки говорится. А они не умеют про это читать, не хотят. И совсем уж смешную вещь говорят. Говорят, что из всех политических партий Бе-

ну спорить, не мог же он по доброй воле такое подписать, но ведь руки ему там никто не выкручивал. Но *согласие есть согласие при обоюдном непротивлении сторон*, так *за работу*, коллеги. И *возлягут рядом лев и агнец*, и воссядут по обе стороны баррикады товарищи и господа, и начнут диалог. «А что же будет предметом нашего диалога?» — спросят себя и друг друга его участники. А это мы сейчас и вычитаем в следующем простом предложении, выделенном из шифровки № 22 Стамбульской, будь она неладна, декларации. Устали уже? Все уже ясно, слышу я ропот возмущения от коллег по диалогу, слышу и полное молчание от коллег по жизни, которые в диалоге не участвуют. А как я устал *от всех от вас*! Терпите! Если вам все ясно, тогда ра-

ларуси, только компартия (калякинская) что-то говорит про гражданское общество в своих программных документах. Тут я вообще теряюсь. «Помилуйте, — говорю, — мыслимое ли это дело, чтобы коммунисты про гражданское общество говорили? Им же положено про отмирание государства, про диктатуру пролетариата, про призрак коммунизма. А гражданское общество для них — это же буржуазные предрассудки. Они с этим борются, не покладая рук». Это же одно из двух: либо коммунисты, тогда никакого гражданского общества, либо гражданское общество, тогда это уже не коммунисты, а ревизионисты или оппортунисты какие-то. Третьего не дано. Что вы думаете, они мне на это отвечают? «Правильно, — говорят, — говоришь. Вот и мы всегда говорим, что Калякин оппортунист. Настоящий коммунист — это Чикин». А я-то не про это, я про то, что про гражданское общество по-другому говорить надо. Какая мне разница, кто настоящий коммунист, а кто так себе? В общем, полный атас. А книжки читать не хотят. Такая вот идеологическая борьба получается. Там еще много всего забавного, но это уже просто коммуналка, типа «сам такой». Я, конечно, не был в других экспертных группах. Но думаю, что там — тоже самое, просто в других формах. Что я на это могу сказать? А я могу только одно сказать: книжки надо читать! Ведь даже пролетарские писатели про это говорили. Книга — источник знаний, лучший подарок, из всех искусств (нет, кажется, это про другое

ботайте, **сотрудничайте в утверждении… и сотрудничайте в выполнении…**

А не хотите — не ждите, что я буду относиться к вам как-то иначе, чем так, как я отношусь к вам в этом тексте. А я отношусь серьезно, вы же не конченые люди. Вот как Ким Хадеев по 8-му каналу отвечал на вопрос «Все ли потеряно для этой страны?»:

— *Нет*, — сказал мудрый Ким, — *я считаю, что для этой страны далеко не все потеряно. Есть только одна возможность для этой страны потерять все, это решить, что для нее все потеряно.*

Вы не знаете, кто такой Ким Хадеев[12]? *Значит, вы ничего не знаете* о Минске. А если не знаете о столице, то

кино). Помню, мой приятель (сейчас он замминистра иностранных дел Латвии, нам бы таких замминистров) лет 12 назад скупал в магазинах книгу Сороса «Советская система: путь к открытому обществу» и дарил всем своим друзьям. Теперь у них есть стратегия развития гражданского общества. А я, дурак, не скупал. В Беларуси один Леша Бабайцев читал эту книгу. А он в диалоге не участвует. Вот Бабосов, тот Мэмфорда читал и много всего, зашел в экспертную группу, сказал: «Дураки вы все!» (ну не сказал, так подумал) — и ушел. Скуратовича я звал: приходи, говорю, Костя, без тебя скучно. А он меня послал: «Буду я всякими глупостями заниматься. Я все и так напишу». И пишет, а они не читают, ну не сволочи? Эксперты, называется.

[12] Вот вспомнил про Кима, и захотелось думать о хорошем, о возвышенном. Порой, чаще всего с бодуна, когда в очередной раз обдумываешь жизнь свою, чтоб больше ни капли и все такое, задаешь самому себе вопросы: «Как ты живешь? Что ты делаешь? В этом ли твое призвание, смысл жизни, замысел Бога относительно тебя, наконец?» Бросил бы ты общаться со всяким отребьем, диалоги там, конференции вшивые, да пошел бы к Киму, сел бы у его ног и слушал, вставляя редкие реплики. А ты даже не знаком с ним как следует. Сколь мало мы знаем о вывертах любви! Похмелье проходит, а к Киму я так и не иду, но уже то, что я вспомнил о нем, очищает мою душу. Душа поднимается к *высокому, чистому, светлому.*

не знаете и о стране, для которой далеко не все потеряно. О чем с вами после этого говорить? Я обиделся, и дальше вообще *буду писать только для себя*. Дальше и поехали.

4. **«Мы… поддерживаем работу Консультативно-наблюдательной группы в Беларуси, которая… сотрудничает… с белорусскими властями… с оппозиционными партиями и лидерами… с НПО в утверждении демократических институтов и… выполнении обязательств, принятых в рамках ОБСЕ, содействуя… преодолению конституционных противоречий в Беларуси».**

Сокращаем, выделяем простое предложение, оставшееся еще не прочитанным, и получаем: «КНГ… **сотрудничает**… с… **содействуя**… **преодолению** конституционных противоречий в Беларуси».

Вопрос: «Чему **содействует** КНГ, **сотрудничая** с…?»

«*Когда же и след от гвоздя исчез под кистью старого маляра, мне было довольно того, что след был виден еще вчера*». Я не знаю, сколько праведников необходимо и достаточно в стране: 36 цадиков, как думают талмудисты, или десять, как в повести о Содоме и Лоте. Но когда Вы, Ким Иванович, так говорите о моей стране, о нашей с вами стране, я соглашаюсь, что далеко не все для нее потеряно. Алесь Адамович уехал — это минус, но Быков-то здесь, с нами, хоть и в Германии. В любой стране не без отребья, но я этого не люблю. Много в Минске людей, которых я люблю, много и тех, кого не люблю. Но вот я заметил одну приятную закономерность, из которой мало исключений. Если человек знает, кто такой Ким Хадеев, общение с ним доставляет, как правило, мне удовольствие, а если не знает — это уж как придется, там уже нет ни правила, ни закономерности. Хаос и бардак в той части Минска, которая не знает о существовании Кима Хадеева, нет в этой части ни порядка, ни правила, ни закономерности. Может, я и необъективен. Но как на свете без любви прожить? Могу позволить себе немножко лирики, чтоб не стошнило от собственного текста.

Ответ: «**Содействует преодолению** конституционных противоречий».

Приехали! Опять же, для начала покончим с конституционными противоречиями. Они есть. Лукашенко подписал. Сам их породил, сам попытался и убить, но до конца не убил. Да и как убьешь? Человека можно убить, а это — идея, нечто нематериальное, как солнечный зайчик. Гоняешься за ним, а прихлопнуть не удается. Есть правда способ: закрыл глаза — и нет солнечного зайчика. Но вот подписывать Стамбульскую декларацию с закрытыми глазами неудобно. Пришлось открыть Лукашенко глаза, а тут на тебе — солнечный зайчик, то есть конституционные противоречия. Подставили, гады. Кто, где? Да тут они все: Латыпов, Мясникович и прочие. К ногтю бы, но поздно, солнечный зайчик не воробей, подпишешь — топором невырубишь. Они есть. И с этим надо считаться. В этих условиях приходится жить. Помните, я уже рассказывал про баррикаду[13], так вот она — конституционные противоречия. И хватит об этом.[14]

[13] Ладно, ладно, только что обещал писать исключительно для себя, а сам? Так это ж просто риторическая фигура. Вот вырасту, говорила одна девочка, надув губки, стану бабушкой, буду рассказывать сказки только себе самой. Я, может быть, никогда не вырасту, а сказки сам себе рассказывал и рассказывать буду. А как же в сказках без риторических фигур? Никак нельзя. И если кто-то заглянет в мой интимный текст, пусть не принимает риторические фигуры на свой счет. *Какое мне дело до всех до вас, а вам до меня?* А такое, что мы все натыкаемся на баррикаду, толчемся вокруг нее и натыкаемся друг на друга. Нам приходится переругиваться, чертыхаться и про себя, и друг на друга. Однако есть один очень осмысленный вопрос, который мы должны в этой толкотне друг другу задавать: «Не подскажете ли, коллега, а какая это сторона баррикады? И что это вы делаете на моей стороне? Или какого черта меня занесло на

А помните, я также рассказывал выше про время возводить баррикады и время разбирать баррикады. Так ведь об этом и идет речь в разбираемом фрагменте 22-го пункта интересующей нас Декларации. Читаем: **«...содействуя... преодолению** конституционных противоречий в

вашу?» Волки писают по периметру своей территории, помечая ее, чтоб другие, понюхав, не совались: такой у них, волков, обычай. Я наконец понял, сам для себя резонерствуя, жанр этого текста. Я этим текстом мочусь, то есть, я им писаю, помечая свою сторону баррикады. Свою персональную сторону своей персональной баррикады. Я хочу быть на ней один, ну, в крайнем случае, с теми, кого сам приглашу на свою сторону, если они, конечно, согласятся. Меня раздражает бессмысленная толкотня на моей стороне баррикады несамоопределившихся людей. И конституционные противоречия — это только маленький кусочек этой баррикады. А вот и попался! — вопит риторическая фигура вдумчивого и внимательного читателя (то есть, я сам и воплю), говорил, что тебе противно жить в сортире, а сам писаешь, где попало — это же противоречие! Может, и противоречие, но не могу же я совсем не писать: ничто человеческое мне не чуждо. Ведь писать — это ж так ноуменально, ничего феноменального в этом нет. Вот помечу свою сторону баррикады и начну ее обустраивать, и сортиры на моей стороне будут чистыми, как в «Макдональдсе», а не при коммунизме, и мочить в них я никого не позволю. Мочиться — мочитесь, но мочить-то зачем? Вот так. И здорово тогда все получается, и просто. Не текст уже, а тест. Прочитал, понял? Понравилось — на правую сторону баррикады. Не понравилось или не дочитал — налево. Вот вам и вся евгеника. Да, чуть не забыл, поскольку я обиделся и пишу уже только для себя, выделения курсивом утрачивают свою актуальность. Я-то сам знаю, где и что цитирую явно и неявно. Да и утомительно это, выделять каждое пятое слово, тыкая раз за разом в «Word»-овскую панель инструментов.

[14] Как же хватит? Нам с автором все было понятно, пока не пришел Власов, юрист-государственник, в экспертную группу № 4 и не заявил, что такого не может быть. Я сначала было подумал, что он из тех, которые лояльные из лояльнейших, ан нет. Когда Власов показал мне 178 (или около того) своих замечаний и претензий к Конституции, я просто офонарел. И то ему в ней не нравится, и это его не устраивает. «Как же, — спрашиваю, — после этого Вы не видите конституционных противоре-

Беларуси». То есть, правильно, речь идет о **содействии преодолению**, разборке, значит, баррикады, а про возведение ее — это уже моя отсебятина. Но эта отсебятина вот чем оправдана. Что же это получается, главы государств ОБСЕ из Стамбула углядели в Беларуси баррикаду, разделя-

чий, когда Вы ее покруче меня херите?» А он мне популярно объясняет: «Потому что Конституция может быть плохой и безграмотной, каковой она и является, с одной стороны. А с другой стороны, конституционных противоречий быть не может и не должно, поскольку, если нечто противоречит Конституции, — смотри в Конституцию. Иначе какая же она Конституция?» И так далее, в том же духе. Раза с третьего-четвертого, я въехал в это. Даже где-то вынужден признать, что в этом что-то есть, хотя и далдонское, но фундаментальное, почти как «дура лекс» у римских юристов. Но нас с главами государств ОБСЕ голыми руками не возьмешь. «Может, — говорю, — этого и не может быть, но они есть. Они написали, Лукашенко подписал, а мне это представляется очень правильным. Что Вам, господин Власов, тут не понятно?» А он сам мне и аргументы подкидывает. «Так ведь, — говорит, — сам пункт 22 Стамбульской декларации неконституционен». И предъявляет свой анализ этого пункта, где это доказывается. Тут я про себя расхохотался, а вслух спрашиваю: «А почему это главы государств ОБСЕ должны руководствоваться беларусской Конституцией, будь она трижды хороша?» Тут уже Власов онемел — юрист, что с него возьмешь? «Это же беззаконие!» — читается в его глазах. Конечно, беззаконие. Об этом же и речь. Для одних закон — это Конституция-94, для других — Конституция-96. А вместе и получается беззаконие. «Как же может быть Конституция-94, — говорит Власов, — если на референдуме большинство приняло поправки и искажения?» «А не было никакого референдума, — отвечаю я ему. — Он ведь мог быть только по Конституции-94, по процедуре, а процедура нарушена. Значит, все это неправда». Тут Власов и сам припомнил нарушений больше, чем я их помню. Это же у наших с вами сограждан память короткая, и в записные книжки они не заглядывают. Это я продолжаю. А у глав государств все в порядке. Помнить о нашем государственном перевороте они не обязаны. У них записные книжки есть. Они туда заглядывают и видят, что есть в стране Верховный Совет — законная законодательная власть, а заглядывают в страну — все не так: вместо Верховного Совета — Национальное собрание. Тогда они заглядывают в Кон-

ющую все наше общество, а участники диалога ее не замечают в упор? Конечно, большое видится на расстоянии. Каждый вторник я прихожу на заседание экспертной группы «диалога» под номером 4 и слышу: не трогайте Конституцию!

— Позвольте, — говорю я, — что же это получается, о чем диалог тогда вести? Что ж вы бревна-то в своем глазу не видите? (Чувствуете, как я сдержан, как корректен и дипломатичен, аж самому противно. Что я при этом имею в виду, я в сноску вынесу[15], а ханжей и детей до 16 прошу

ституцию — там нет никакого Национального собрания. «Да у вас противоречия какие-то, — говорят главы государств ОБСЕ, заглядывая в записные книжки свои и в Конституцию нашу для верности, — даже и ясно какие — конституционные». Тут палатники кричат: «Мы же переписали уже Конституцию, исправили там все». Эти ребята (ну из ОБСЕ) у Лебедько с Нистюком спрашивают: «Это правда, что ли?» Те говорят, что, мол, было такое, переписывали они, но вы им не верьте, и все такое. А никто и не верит. «Бывает, — говорят главы государств, — что конституции переписывают. Но тогда гриф ставится »Исправленному верить», а у вас такого не стоит. Однако исправления налицо». Так что придется нам разбираться с конституционными противоречиями. Но Власов ведь прав — это беззаконие. Ведь если часть граждан не признает Конституцию — неважно уже, какая часть, какую Конституцию не признает, — в стране нет закона. Как же тогда быть? Нужен арбитражный или третейский суд. Тот, короче, который как бы над обоими законами. Это уже выходит за рамки простой юриспруденции, здесь начинается политика, здесь вопросы решаются конвенционально, а не сверяясь с писанным для других ситуаций законом. Конституционные противоречия в обществе — это очень круто.

[15] Вы представляете себе этот образ «бревно в глазу»? Не эстетично и в чем-то даже глупо. А мне как-то один местный пушкинист все объяснил. В его версии образ становится уместным, ироничным и эстетичным. Вот послушайте. Оказывается, поместили и соринку, и бревно в глаз ханжи, которых коробил исходный образ. Он происходит от пушкинской эпиг-

туда не заглядывать.) А они на умника ссылаются, который соглашается на диалог только в рамках Конституции с искажениями и дополнениями 1996 года.

— Да он же сам подписал Стамбульскую декларацию (это про то, противное, о чем я выше обещал) с ее злосчастным 22-м пунктом, — говорю я им. А они мне:

— Его, касатика, подставили.

— А мне дело? Подписал? Подписал! Вот теперь и **содействуйте преодолению**. А не будете **содействовать преодолению** — это может быть квалифицировано как злостное уклонение. Как то, что вы демонстративно плюете на волю главы беларусского государства.

— Демагогия! — кричат, перебивая друг друга, патриоты, лояльные и просто осмотрительные.

— Да, демагогия! Что ж я, по-вашему, не понимаю, что делаю, но ведь с вами иначе нельзя. Не **содействуете** вы иначе **преодолению**, не **выполняете** судьбоносных решений.

раммы, направленной против фригидных кумушек, осуждавших поэта за амурные похождения, и звучал примерно так: «В чужой пизде соломинку ты видишь, в своей не видишь и бревна». Красиво, правда? Все встало (вставлено) на свои места. Зло, выпукло, но справедливо. За достоверность не ручаюсь, может, и не Пушкин вовсе, а Барков какой-нибудь, может, и вообще вранье, но образ запал. Фригидные дамы могут не чувствовать удовольствия, когда им тычут — соломинкой ли, бревном ли, не знаю, что там у Пушкина было, но не ощущать этого у себя внутри они не могут. И наши участницы и участники диалога тоже не могут не знать о наличии конституционных противоречий. Поэтому я им и говорю: это у вас не от фригидности, которой вы можете гордиться, как викторианские дамы, это у вас с головой что-то. Вам не к сексопатологу надо, а к психиатру. Они хоть и психи, но догадываются, что за моей дипломатичностью кроется еще один культурный слой, и обижаются. А ведь я им добра желаю.

— А как же нам быть? Ведь он сначала говорит одно, а потом — другое. А одновременно это не **выполняется**. Да и яснее ясного, когда он искренне говорит, а когда «лукавит», положа руку на сердце.

— Ну, коллеги, чем я могу вам помочь? В трудном положении вы оказываетесь. Трудном, но не безвыходном. Есть из этого положения выход, и он назван. Черным по белому написано: выход — в **«содействии преодолению** конституционных противоречий». Рассаживайтесь поудобнее по разные стороны баррикады! Справа — те, кому не нравится Конституция, и особенно искажения и дополнения, а слева — те, кому она нравится. И начнем диалог.

— Ха, — радуются общественные массы экспертной группы № 4, удобно разместившись на своей левой стороне, а вместе с ними и все «прогрессивное» северокорейское и северо-западно-российское человечество, — нас-то подавляющее большинство, а ты один.

— А так и должно быть, — ерничаю я в ответ. — Это полностью соответствует заветам классиков античной демократии, которые говорили, что худших всегда большинство. Но вы не можете со мной не разговаривать.

— Можем, — говорят, — вот щас проголосуем, тогда уж ты **содействуй** нам**, сотрудничай в выполнении**, и все такое прочее.

— Ничего у вас не получится, — это я опять возражаю, — **во-первых,** я демагог, как вы сами изволили выразиться. Где уж вам со мной тягаться? **Во-вторых,** у меня ксива есть, подписанная вашим же президентом в Стамбуле, а у вас — только его устные высказывания. А вам слабо попросить его подписаться под отменой Стамбульской

декларации, он ведь тоже демагог и все понимает. Он же рассчитывает, что вы этой декларации не читали, а я вам ее уже прочел, и первую фразу даже объяснил, и вы уже начали играть в мою игру. Как вы теперь ему признаетесь в том, что невинность потеряли, как вы ему в глаза смотреть будете? **В-третьих,** я не совсем уж и один. За мной главы государств ОБСЕ, собирающиеся время от времени в Стамбуле и интересующиеся:

— Ну что, Мацкевич, **содействуешь ли** ты **преодолению**, сотрудничаешь ли ты в **выполнении?**

— Понимаете, — отвечаю я им, — **содействую**, но медленно так, **сотрудничаю**, но со скрипом.

— А ты решительнЕй, Мацкевич, и тщательнЕй, — ласково они мне так советуют.

— Да мешают мне, — говорю, и начинаю вас закладывать, стучать то есть. А вы этого боитесь!

И **в-четвертых,** я не одинок. Хартию-97 подписали больше 100 тысяч человек. Можете ли вы похвастаться, что под вашим текстом подписались хотя бы 99 тысяч. А это я Хартию-97 написал, и под моим текстом подписались бы еще и больше, если бы некоторые не решили, что уже достаточно. Хотите, я вам ее прочту, так же, как вот 22-й пункт Декларации читаю?

— Хватит, хватит, — пугается потусторонняя от баррикады публика, — достал уже!

— То-то же, а то у меня еще с полсотни аргументов найдется! Что самое лучшее для вас, так это **сотрудничать в утверждении и выполнении, содействуя,** тем самым, **преодолению**. Я вас не тороплю, самоопределяйтесь. Время пока терпит. Диалог вечен, как учил Михаил Бахтин и его друг и соратник Мартин Бубер. А что против них Лука-

шенко с его противоречивыми мнениями? Тьфу, все равно что плотник супротив столяра. Время работает на нас, значит, прогресс возможен. Кстати о прогрессе, с этим мы сейчас быстро разберемся.

5. О прогрессе, если вы («вы», напоминаю, риторическая фигура) еще не забыли, речь идет во второй фразе 22-го пункта Стамбульской декларации: **«Мы приветств-(уем) овали бы…** (причем здесь сослагательное наклонение?) **прогресс в этом политическом диалоге с участием ОБСЕ в… сотрудничестве с Парламентской ассамблеей ОБСЕ».**

Для простоты отбросим лишнее: **«…с участием ОБСЕ в… сотрудничестве с Парламентской ассамблеей ОБСЕ».** С этим более-менее все ясно, а то, что неясно, несколько выходит за пределы нашей с вами компетенции. Но в двух словах я все же намекну. Это просто изощренный дипломатический мат, феня у них такая. Они послали в зад 110 депутатов Палаты представителей и сколько-то там сенаторов Совета Республики. Они же признают ВС № 13, а эти палатники для них никто. Ну, так они прямо и говорят: «Идите… мол, поскольку **в… сотрудничестве с Парламентской ассамблеей»**, и точка. Ваше дело, присоединяться к этой инвективе или нет, но мы же с вами цену этим палатам знаем, даже Лукашенко говорил про них, что все равно обманут. Для того чтобы разбираться со смыслом и содержанием матерных инвектив, нужно прибегать к лингвистическому и юридическому анализу, но вы же дипакадемиев не кончали. А что касается оборота **«с участием ОБСЕ»**, так это мы уже разобрали выше. Ну, признают они власть Лукашенко де-факто, даже за одним столом в Стамбуле с ним сидели. А если кому-то это самое

де-факто не по душе, так об этом же и речь. Чтоб реальность привести в соответствие с действительностью, чтоб **сотрудничать в утверждении и выполнении,** чтоб **способствовать преодолению**. И чтоб прогресс, и в рамках — диалог то есть. Ясно, короче.

Отсюда вопрос ребром: «**Что же приветств(уют) овали бы**) подписанты декларации?»

А **приветствуют** они прогресс.

В чем же прогресс они **приветствуют**?

Да в диалоге, понятное дело, политическом.

Ответы простые, понятные, даже таким, как мы с вами. Получив такие ответы, мы должны преисполниться чувством высокой ответственности. Помните, как выкрикивал репродуктор на майских и ноябрьских демонстрациях былых времен щемящие сердце слова:

— **Приветствуем** славных тружеников железнодорожного (к примеру) транспорта!!!

— Ура!!! — заходились труженики в пароксизме чувства высокой ответственности.

— Дадим каждому пассажиру по мягкому месту!!!

И давали, еще как давали, потому что не могли же подставлять партию ту и то правительство. Нет больше той партии, нет и того правительства. А что есть? А есть две коммунистические партии, есть правительство с сомнительной легитимностью, два парламента, один из которых в зад послали главы государств ОБСЕ, а у другого номер ну уж такой противный, что и вспоминать-то о нем не хочется, и много-много всякого барахла еще есть. И страна другая, независимая, а это уже не барахло. Так как же нам в пароксизме заходиться в таком бардаке? Никак нам в пароксизме не зайтись. А как же мы можем преисполниться

чувством высокой ответственности? А без чувства какой же прогресс, чтоб выполнить и перевыполнить? Ситуация!

А ведь «там» все видят и все понимают. Недооценил я глав государств ОБСЕ. Ведь какой глубокий смысл в сослагательном наклонении! Ну, казалось бы, частица «бы» — всего-то бессодержательная часть речи. А они говорят, **что приветствовали бы**, и угадывается за этим и забота, и чуткость, и деликатность. Смотрят они на нас из Стамбула, как Хлудов на гегемона с высокого обрыва, и не видят в нас ни пароксизма, ни чувства ответственности. Жалко им нас становится, и говорят они почти с ленинским прищуром: **приветствовали бы** мы прогресс. Ан не ленинский это все же прищур, но, к чести их, надо сказать, что и не оскал мирового империализма. Они хоть и главы государств ОБСЕ, но обычные обыватели. Вот за что люблю демократов, а особенно глав демократических государств, так это за то, что они все обыватели. Ну не умеют они вызывать пароксизм, и это здорово. Человек в пароксизме становится буен и страшен, а когда пароксизм проходит, человек становится противен самому себе. А обыватель сам не хочет быть противным самому себе и другому не желает того, чего сам себе не желает.

Вот как было бы правильно, по-ленински. Они кричат с обрыва Босфора или там Дарданеллы:

— **Приветствуем** беларусских демократов, славных отморозков Хартии-97, героев Бангалора!!!

— Ура!!! — раздается стотысячный рев хартийных отморозков. Чувствуете приближение пароксизма? Близко уже, дальше надо закреплять достигнутое.

— Дадим всем палатникам по мягкому месту!!!

— Ура!!! — это в хор отморозков вливаются голоса

Хельсинкского комитета и Всебеларусского клуба избирателей.

— Беларусь в Европу, Лукашенко в жопу!!!

— Оле-оле-оле!!! — это уже подхватывает Белый Легион, фанаты «Динамо», скауты и гайды. Уже мчатся с юга на запах пароксизма УНА—УНСО с отнятым у Хаттаба последним «Стингером», драпает на восток РНЕ, лиозненский снайпер чистит берданку, а Мирон карабкается на телебашню.

— Да здравствуют **прогресс** и окончательная победа демократии в отдельно взятой (миротворческим батальоном НАТО, сформированным исключительно из этнических беларусов из-под Супросля и Гайновки) стране!!!

Вот так это делается! Ну, или почти так, я тут не силен, это Подгол с Бондаренко вам лучше расскажут.

А эти что? **Мы приветствовали бы... прогресс в этом политическом диалоге**, видите ли. Нет, такой **прогресс** нам не нужен! Не понимаем мы такого **прогресса**. «Мне бы шашку и коня, да на линию огня. Ну а эти диалоги, это все не про меня». Ну какой в диалоге может быть **прогресс**? Что, мы не знаем, что такое диалог? Это когда сидят, треплются: «Правильно ли я Вас понял?»; «Не могли бы Вы уточнить свою мысль? Ах, простите, я думал, что она у Вас есть!» И так далее.

А что ж, мы не знаем, что такое **прогресс**? Это когда сибирские реки вспять, вершины покорять, догнать и перегнать, космос ли, Берлин ли, но — штурмовать. Вот что такое **прогресс**. Тут, главное, чтоб жопу рвать, чтоб место подвигу, когда щепки летят, когда чепчики в воздух. И чтоб на параде рапортовать, чтоб в процессии чередовались в строгом порядке ракеты и холодильники, танки и тракто-

ра, удои, и чтоб яйца не пропадали, человеческие, с прилавков. И «ура!» Нет «ура!» — нет **прогресса**. А разве в диалоге есть место «ура!»? Нет там такого места. Можно, конечно, крикнуть: «Да здравствует наш беларусский диалог, самый **прогрессивный** диалог в мире! Ура!» Но это-то и будет в высшей степени неуместно в диалоге. Про **прогресс**, это мы знаем и умеем, не вам нас этому учить. А они — **прогресс** в диалоге, причем политическом. Нет, конечно, раз вы так настаиваете, то мы, в общем, и не против. Но, по-нашему, как принято во всем **прогрессивном** человечестве, а не в цивилизованном мире.

В цивилизованном диалоге участвуют две стороны, а мы принимаем прогрессивные повышенные обязательства, чтоб больше и с каждым раундом еще больше. Вот тогда будет прогресс.

Вы говорите о политическом диалоге, ретрограды европейские. А мы организуем общественно-политический диалог, чтоб прогрессивнее, чтоб лесоводы тоже могли высказаться по насущным проблемам. Вон у нас в одном только Республиканском союзе кухарок какие грамотные эксперты, они подготовили много поправок в Избирательный кодекс, а к следующему заседанию еще несколько поднесут!

Да мы в диалоге вообще впереди планеты всей, наш президент завсегда с народом советуется, только вы этого еще не видели. Ваших же журналистов на Дожинки калачом не заманишь. Или на скотный двор в колхозе. А именно там происходят регулярные совещания президента со своим народом по всем актуальным вопросам внешней и внутренней политики. Вам, правда, показывали несколько раз наши селекторные совещания, но вы не въехали, как это прогрессивно. Ладно, покажем еще раз. Хотите диа-

лог — получите, а уж оценка его прогрессивности — это дело вкуса, это так субъективно.

Впрочем не все так гладко. Согласимся. Есть еще отдельные недостатки. Вот Шарецкому далеко из Вильнюса на диалог ездить. Нячэсныя журналисты лаются на наш прогрессивный диалог. Денег в бюджете маловато. Некоторые в выборах отказываются участвовать, а отдельные — даже и Конституцию с искажениями и дополнениями непризнают. В общем, и конституционные противоречия есть, и в прогрессе нужда имеется. Да только препятствия какие-то мешают.

Во-во, — оживляется публика. Кажется, об этом тоже не забыли подписанты Декларации в последней фразе 22 пункта.

6. «(Мы подчеркиваем) необходимо(сть) устранить... препятствия, имеющиеся на пути к этому диалогу, обеспечив уважение принципов верховенства закона и свободы средств массовой информации».

Придется снова заняться этой черной работой по упрощению сложного предложения до простых и понятных. Итак, о чем же здесь идет речь? О! Речь идет о вещах для диалога важных. Во-первых, речь идет о **необходимости устранения препятствий**. Во-вторых, что **препятствия на пути к диалогу имеются**. В-третьих, что препятствия устраняются **обеспечением уважения принципов**. В-четвертых, что **принципов**, которые требуют к себе **уважения, насчитывается два**: 1) **принцип верховенства закона**; 2) **принцип свободы средств массовой информации**.

Ну так вперед — вопросы к тексту, ответы к вопросам.

Во-первых, к первой части фразы целесообразно для полной ясности задать аж два вопроса: «Что же необходимо **устранить**?» Ответ: «Необходимо **устранить** препятствия». Что может быть проще такого ответа? Э! Не торопитесь! Будут и сложности. Но сначала второй вопрос: **«Необходимо ли устранить** имеющиеся на пути препятствия?» Ответ категорический — **необходимо**. Ну что ты будешь делать с такой категоричностью, а еще дипломаты, называется? Вот так грубо, как серпом по яйцам, **необходимо**, говорят, **устранить**, и все тут. Никакой свободы, никакого уважения к суверенитету молодой, неоперившейся нации. Сказали бы: «Хорошо бы, мол, **устранить** препятствия, если хотите, конечно. А не хотите, так и не **устраняйте**, но все же лучше бы устранить, а то — непорядок». Так мы бы с ними тогда и поговорили, хорошо ли это: «Да как же их устранишь? А может, еще чайку?» Слово за слово, глядишь — и нашли бы общий язык. А то с таким выебоном: «Пива не-е-ет!» Впрочем выебон относится скорее к тому, что во-вторых. **Препятствия на пути к диалогу и-ме-Е-ются**. А то без вас не видим, что имеются? Думай теперь об этих препятствиях, о том, как их устранить! А может быть, так и надо, чтоб они были, чего их устранять. Ах, вы ж иностранцы, менталитета нашего не знаете? Так я вам расскажу.

Этноэтологи, исследуя менталитет разных наций, придумали простенький опыт. В сиденье стула вбивается гвоздь, и представителями разных народов предлагается на него присесть. Дальше приборы фиксируют реакции, энцефалограмма, кожно-гальваническая реакция, слюноотделение и все такое прочее, что на фиг никому не надо. А анализируют ученые только мат да междометия, записанные

на видео. Работа непыльная, даже веселая, думать особенно не надо. А тут беларус. Сел и сидит — ни мата, ни междометий. Ученые в панике, может, инвентарь испортился, гвоздь, то есть, выдернули или притупился об крепкие зады других братских народов? Попросили встать, лаборанткиным задом проверили — все на месте. Может, этот хитрый беларус сковородку в штаны сунул? Но чужие штаны — потемки. Смотрят на показание датчиков — нет, вроде бы, есть болевые ощущения, пот выделяется, зрачки расширены. «Ты чего же, — спрашивают, — молчишь, не возмущаешься, мы ж тебя на гвоздь посадили?» «А я думал, может так и надо». Вот такие мы толерантные к препятствиям.

А вы удивляетесь, как мы войну выиграли, сталинский террор пережили? **Препятствия устраняйте!** Да мы на этих препятствиях еще сто лет просидим. Штаны только почаще менять надо. Так что вы бы нам не **препятствия устранять** советовали, а штанов бы больше по гуманитарной помощи присылали.

Да и то сказать, какие там препятствия? Мы же, если не считать усидчивости на гвоздях, во всем с русских пример берем, а у тех только два препятствия во всем — дураки и дороги. Так и у нас. С дураками все ясно. Не обзывайтесь, так и мы вас не тронем. А с дорогами, тут уж вы сами виноваты. Ведь что вы несете — **необходимо устранить препятствия на пути**, на дороге то есть. В этом же все и дело. **На пути к диалогу** — значит, еще и двигаться надо. А сами посудите, мыслимое ли это дело? Мы тут все уселись на своих стульях, хорошо сидим. Кто в президентском кресле устроился, надолго, заметьте, устроился. Кто на парламентской скамье, фигурально, конечно, на скамье, мы не в Англии все же. А оппозиционная номенклатура тоже

на своих стульях угнездилась. Тут-то и вовсе зевать не приходится, только встанешь со стула по нужде какой или там состояние штанов проверить, так кто-нибудь помоложе обязательно его займет. За примерами далеко ходить ненадо: Позняк — Вечерка, Богданкевич — Лебедько. Вот так и сидим, со слезами на глазах. А тут, говорят, вставайте, и **устраняйте**, говорят, **препятствие на пути к диалогу**. Встанешь, двинешься к диалогу, **сотрудничая в утверждении и в выполнении, содействуя преодолению и устраняя** всевозможные **препятствия** на своем пути, а про штаны-то, штаны забыли? Целы ли они? Давно ведь сидим, гвозди острые, а как встанем и придем к диалогу с голыми задами, вот смеху-то будет. Позор на всю Европу.

Так что, может, мы лучше с вами попробуем договориться? Нельзя ли как-нибудь без **пути**? Чтоб нам своих задов от стульев не отрывать? Мы тогда и стулья за собой сохраним, и голым задом сверкать не придется. А то ведь не диалог получается, а дилемма какая-то. Какое из препятствий **устранить** — либо дураков, либо дорогу? **Устраним** путь к диалогу, будем считать, что он и так уже есть, тогда мы останемся. Либо нас надо **устранять**. А кто ж тогда будет **сотрудничать в утверждении и в выполнении, содействуя преодолению и устраняя препятствия**. Договорились? Начнем рассуждать логически. Препятствия **бывают устранимые и неустранимые**. Логично? Логично. Договариваемся: считать 22-й пункт Стамбульской декларации, создающий дилемму в диалоге, препятствием **устранимым**. Что вам стоит его пересмотреть, вы ж разумные люди, в Стамбуле и в Брюсселе? **Сотрудничайте, утверждайте, выполняйте, содействуйте, преодолевайте и устраняйте препятствия**. Мы вам ме-

шать не будем, вы только нас не трогайте, поскольку мы-то препятствие **неустранимое**, ну почти как российские дороги до самого Бреста, и то — второе (произносить о себе как-то неловко), ну вы понимаете?! Что, не согласны? Недоговоримся, значит? Ну чего же вы от нас хотите?

— Да немногого, в общем-то. Смотрите выше. Там написано: в-третьих, **уважать принципы,** в-четвертых, **принципов только два** для начала.

— Во дела! Так это все?

— Все. **Уважайте принцип верховенства закона**. И **уважайте принцип свободы СМИ**.

— Так мы ж вроде, все как один, первый-то принцип, очень уважаем. Только есть маленькая закавыка. Некоторые из нас **уважают** одну редакцию Конституции и признают **верховенство** ее, а другие очень **уважают** другую редакцию той же фактически Конституции, но особенно ценят они поправки к ней и дополнения.

— Чудненько! Закроем пока глаза на то, как вы сами исполняете свои же редакции Конституции, это особый разговор. Но ваше **уважение к принципу верховенства закона**, безусловно, заслуживает и нашего, в ответ, уважения. А то, что вы признаете **верховенство** разных редакций Конституции, мы же договорились считать **конституционными противоречиями**, имеющими место быть в Беларуси?

— Ну, договорились.

— Совсем хорошо. Есть ведь основа для диалога, можете, когда захотите. Поехали дальше. Попробуйте-ка с **уважением** отнестись к принципу **верховенства** международного права, ко всяким там обязательствам, принятым в рамках ОБСЕ, ООН и т. д. Там есть интереснейшие документы — Декларация прав человека, очень рекомен-

дуем, Хельсинкские разные соглашения, опять же, поднадоевшая уже изрядно вам Стамбульская декларация с ее 22-м пунктом.

— Это все, положим, для нас приемлемо. Но что-то мы не поймем, куда вы клоните?

— Да все просто. Понимаете, по нашим писаным и неписаным законам, в цивилизованной Европе диалог с его разновидностями (политический, общественно-политический, просто по душам, за стаканом портера или рюмкой кальвадоса) есть единственная приемлемая форма разрешения **конституционных противоречий** в обществе, ну и более мелких противоречий, конечно, тоже. В рамках, разумеется, и с **уважением верховенства закона**.

— Ни хрена себе. А как же уличные шествия и манифестации, альтернативные президентские выборы, сборы подписей под разными хартиями и прочие интересные мероприятия, которыми мы тут развлекаемся?

16. Этатизм имплицитно содержит в себе особую форму идиотизма. Это проявляется во всем, что происходит в государственной машине. Вот почитайте Кафку, там все изложено, или «Законы Паркинсона». Особенно же это проявляется в общении между собой винтиков этой государственной машины. Вот говорят человеку «диалог», так он и понимает, что речь идет о диалоге, когда разговаривают, спорят или нечто в этом роде. Когда винтику говорят «диалог», что он понимает? А только то, что машина и может понять. То, что надо такую штуку в машину, как пятое колесо, или какой другой агрегат ввести. Создают, соответственно, какого-то монстра с регламентом, полномочиями и прочей дурью. Монстр под названием «диалог» есть, а диалога — нет. Но объяснить это можно только людям, которые по-человечески все понимают. А винтикам нельзя в силу имплицитно содержащегося идиотизма. Потому... впрочем, я уже повторяюсь.

— В общем, мы это все тоже считаем диалогом общественно-политическим. Хочешь высказать свое мнение — высказывай, хочешь громче высказать — собери друзей, отмороженных и не очень и — айда на манифестацию, по телику выступи раз-другой, в газету напиши. Это все диалог. Лишь бы не было войны, война — это инобытие диалога. Мы тут, в Европе, договорились, что не любим, когда говорят пушки, а любим, когда говорят музы. А они одновременно говорить отказываются. Мы тут еще не любим, когда люди исчезают, не оставив о себе весточки, тюрьмы не любим, когда ни за что ни про что. А у вас мы это все видим, а вот диалога не видим. Диалог, ведь это так просто. Да что далеко ходить, возьмем **уважение принципа свободы СМИ**. Уважайте свободу СМИ, и не надо будет ничего изобретать, ни регламента диалога, ни прочей дури. Есть свобода СМИ — есть диалог, нет свободы СМИ — нет диалога.

— А у нас есть диалог? Есть? Не скрывайте от нас ничего, какой бы горькой ни была правда.

—Увы! Нет у вас общественного диалога, политического нет и научного академического тоже нет. У вас даже состязательности в суде, и той нет. Скажите по правде, вы хоть между собой-то, по-простому, разговаривать умеете?

...Тишина[16]. Только мышка скрипит по коврику, клавиши клацают да монитор потрескивает, когда хранитель экрана включается.

Глава 4

Баррикада, о которую разбиваются сердца

Пора мне оглядеться, что происходит на моей стороне баррикады и что с самой баррикадой. Может, вся уже баобабами заросла? Баобабы — это опасно. В тени развесистого баобаба могут найти приют разнообразные хищники, паразиты и гремучие змеи. А зачем они мне на моей стороне баррикады? Не нужны они мне здесь. Поэтому сначала сосчитаемся, а потом все лишние баобабы повыдергиваем.

Понятно, что текст не прочтут все те, кому недосуг, кто по безграмотности, из принципа или по иным уважительным причинам вообще ничего не читает. Не прочитают его и те, у кого не хватает мозгов или совести, чтобы интересоваться поднятыми здесь проблемами, или попросту — абыякавыя да жыцця. Если присовокупить к ним нескольких аутичных интеллектуалов, которые только по счастливой случайности избежали внимания к себе со стороны реп-

рессивной психиатрии, астрологов, экстрасенсов, синергетиков, дианетиков и сайентологов, то в совокупности это составит до 90 % взрослого населения страны. У детей примерно та же пропорция, но и остальные 10 % несовершеннолетних учитывать не стоит, поскольку этот текст далеко не сразу войдет в школьные и вузовские программы, да и известно: то, что вошло в школьную программу, наизусть выучить еще могут, но читать точно не будут. Таким образом, остается еще больше полумиллиона. Многовато.

Языковой барьер не сможет остановить всех шчырых беларусов. Некоторые будут читать из садомазохистских побуждений, кто-то из чувства здорового сволочизма или в силу профессионального интереса. Предположим, что остаются только читатели «Нашай нівы», «Архэ» и фанаты «Дамавікамерона». Все остальные — по ту сторону. Итого — где-то 513 тысяч плюс-минус два. Это Вячорка и Дубавец. (Винцук, я с тобой лично поговорю, а Дубавец — как хочет).

Мат — дело тонкое, тут важно не ошибиться в дозировке. Два чистых матерных слова и несколько эвфемизмов — маловато. Можно, конечно, навалять сто хуев в панамку, но это не мотивировано с художественной стороны, да и обедняет восприятие номинативно-синтагматических комплексов и экспрессивных глаголов. По самым скромным подсчетам, даже такая доза должна вытеснить на другую сторону баррикады половину из оставшихся.

Еще 100 тысяч будут добиты концептуальной феней, номинативно-синтагматическими комплексами, длиной в три и более имен существительных подряд, не считая прилагательных, нагромождением придаточных предложений и деепричастных оборотов. Остается 156,5 тысячи.

Не проводя хотя бы пилотных замеров, трудно вычислить лишенных чувства юмора. Но, опираясь на органолептические данные и некоторый жизненный опыт, положим, что таковых будет не более 30 тысяч. Добавив к ним упоминавшихся в тексте/тесте персонажей, которые, обладая чувством юмора по жизни, могут не одобрять его на свой счет, их родственников, друзей и поклонников, можем смело округлить оставшуюся цифирь до 120 тысяч.

До сих пор все было просто. Настоящая евгеника начинается только после сделанных вычитаний.

Итак, 120 тысяч прочтут текст, крякнут и скажут: «Да-а!» или «Э-э-э!» Число сказавших такое примерно совпадает с числом подписантов Хартии-97. А это меня не устраивает. Ну на фиг мне, сами посудите, Бондаренко на моей стороне баррикады? Исключаем Бондаренко, все равно остается 119 тысяч 999 человек. Разница, как видите, мизерная. Что есть Бондаренко, что нет его — прямо скажем, несущественно.

Или вот товарищи по партии, по братии, сказал бы я даже, вспоминая Сан-Саныча Зиновьева. Эмпирическим путем полученная пропорция — 12% направо, 88% налево — в данном случае вряд ли сработает. Да и устарела эта эмпирика. Карпенко умер, Гончар и Захаренко — неизвестно где, те, кто выжил, уже несколько раз успели пересмотреть свое отношение в полном соответствии с колебанием партийной линии. Нет, ползучий эмпиризм тут не поможет, тут нужно идти спекулятивным путем, придется воспользоваться гипотетико-дедуктивным методом. Имеем силлогизм:

- большая посылка: ОГП — современная либерально-консервативная партия с высоким интеллектуальным потенциалом;

- малая посылка: текст — абсолютно либерально-консервативный, современным языком написанный, на высокий интеллектуальный уровень рассчитанный.

Вывод: на моей стороне баррикады должен выстроиться весь личный состав ОГП минус Лебедько. (Ну, потому что он лидер партии/братии, значит, должен вести братию за собой, а не за абстрактными идеями, это раз — упал, и потому что он просто Лебедь-ко, это два — отжался).

Да не тут-то было. Дефициентна здесь Аристотелева силлогистика. Тут еще диалектика приплетается. С одной стороны — тезис, с другой — антитезис, единство (не при медведе будь помянуто) и борьба, переход из отрицания в отрицание. Ох, не зря либерал Бажанов огепешников марксистами обзывает, а либертарианец Романчук — так даже и кейнсианцами. Ну, и любовь, конечно. Ну не смог я добиться от Галины Юриной того, чего добился Костя Остенбакен от польской красавицы Инги Зайонц, а от самой Юриной — Александр Добровольский. Нет, не пойдет она на мою сторону баррикады. А сколько еще в ОГП дам, приятных во всех отношениях?

Как же быть-то с ОГП? А мы просто поступим. Те, кого убеждает железная логика моих аргументов и кому плевать на то, что будет говорить княгиня Марья Алексевна, за мной, а все конформисты — по ту сторону. (Пока, Александр А(О)льгерд(т)ович и Людмила Николаевна! Ну, может быть, до встречи на баррикадах, простите за банальность!) С учетом тех, кто прячет партийные билеты в исподнем белье, с учетом любимого Богданкевичем института сторонников партии, из всего личного состава останется человек 110—115. Точнее определить сложно, все-таки есть такое понятие — партийная дисциплина.

Общий итог: 119 тысяч 884 (или 889) человек. Еще чистить и чистить.

Возьмемся за нормальных прагматиков, за деидеологизированных. Все они пока еще толпятся здесь. По ту сторону нужно отправить тех из них, кто не умеет правильно оценивать баланс сил. Это просто. Те, кто думает, что Посохов все еще силен, что вертикаль располагает полнотой власти и свободой воли — марш на ту сторону! (Ну-ну, без суеты, соблюдайте порядок в шеренгах, подавите еще друг друга, вас все-таки тысяч пятьдесят, на глазок). Вот, уже хорошо! Толпа все еще приличная — 69 тысяч с небольшим, — но уже обозримая. Многие лица уже различимы, мы часто встречались на Проспекте, на площадях Бангалор и Парижской коммуны во время демонстраций и митингов, в баре «Помойка», на симпозиумах и семинарах, да и мало ли где? Минск — город маленький, и в провинции я бываю.

Но сейчас мы не на митинге. Среди нас еще особая разновидность — прагматики-циники. Они, конечно, знают цену сегодняшнему режиму, и не пойдут за Посоховым, не пойдут и за Заметалиным на ту сторону. И на Богдан-Стат и Шуш-Кебичей им плевать. Сам был циником, знаю. Правда, это было в детстве. Так вот, их среди нас ровно половина. Всех их выгнать невозможно, в общем-то, они наши люди. Из них надо выгнать тоже половину, то есть четверть из всех оставшихся. Делается это так. Надо у них спросить: «Ну что, засранцы, цените ли вы стеб сам по себе, или вы только любите эпатировать невинных обывателей?» Тех, кто станет отвечать на этот вопрос и оправдываться, гоним в шею, независимо от содержания ответа. А остальные пусть остаются. Все равно эти падлы будут гулять по обе стороны баррикады, в случайном порядке. Нам ведь

они важны не сами по себе, а для правильного подсчета. Вот и пусть работает вероятностный принцип. В каждый конкретный момент времени ровно половина из них будет на моей стороне, а вторая — на противоположной. И имеем мы уже 51 тысячу 750 человек, без учета случайных флуктуаций.

Дальше мы не можем полагаться на теорию вероятности, мы не можем ждать милостей от природы, от хаоса и энтропии. 51 тысяча 750 человек — это именно то качество — да-да, я не оговорился — это именно то качество, которое происходит из количества, когда мы с полной уверенностью можем сказать, что из них каждый человек нам дорог, каждый человек нам интересен. Это составляет 0,5175 % населения нашей страны[1]. (Некоторое отклоне-

[1] Запомним эту цифру. Она претендует на статус, которого не каждая цифирь достойна. Она стоит в ряду таких цифр, как постоянная Планка, число *p*, число *g*, ноль по Кельвину, 40 °, 36,6 °, 7±2 и т. д. Пусть сумасшедшие думают, что в этот ряд может попасть пропорция золотого сечения, дерьмо это. Были претенденты и покруче, да не смогли удержаться на этом уровне. Помните фундаментальное число 3-62? Где теперь эти 3-62? Нету! Такие вещи нельзя принимать на веру. Если бы социология не была лженаукой, то все аксиометрические лаборатории мира бросились бы проверять и перепроверять эту цифру, этот коэффициент баррикады или постоянную Мацкевича. Но мало надежд на социологию. Я выяснял у своих приятелей, докторов, между прочим, и кандидатов этой самой социологии. Даже в момент наивысшего просветления сознания, после 4 и до 10 (магическое число 7±2), они столбняком замирали перед фундаментальностью, но и необъяснимостью этой постоянной. Присущая некоторым из них критичность мышления толкала их на всякое вольнодумство типа округления коэффициента то до 0,5, то до 1 %. Иногда дело доходило до откровенной ереси, вроде утверждения, что и среди оставшихся 99,4825 % есть интересные нам люди, есть люди, которые могут быть нам дороги. Но это же эквивалентно любви коммунистов ко всему человечеству или тому,

ние от значений последней переписи населения никого не- должно смущать. Это объясняется тем, что люди мрут, люди рождаются, и с этим ничего не поделаешь.) С этой цифры начинается индивидуальный отбор и тестирование. Работа тяжелая. Если бы нам удалось сократить численность на своей стороне баррикады до 20—25 тысяч человек, мы бы в этой стране горы свернули, реки бы поверну-

что человек — это звучит гордо, то есть любой человек — это по-любому гордо звучит. Ну не смешите меня! Видел я некоторых из этих человеков. Даже Тот, Кто учил Петра улавливать разных человеков, некоторых палками со двора гнал, и было за что. Даже сами коммунисты, уж на что закоренелые еретики и гуманисты, вынуждены признавать, что дорого им далеко не все человечество, а только прогрессивное. И что прогрессивное человечество обходится всему остальному с каждым годом все дороже и дороже. В этом, кстати, корень парадокса гуманитарной помощи в рамках общего и специального гуманизма. Не буду вдаваться в теоретические тонкости, для нас важны нерешенные практические задачи из этой области. Например, рассчитайте, как долго еще нам засерать родную Беларусь всеми способами, чтобы начать принимать гуманитарную помощь в неограниченных количествах и с чувством законной гордости, а не так, как сейчас, стыдливо отгоняя фургоны с этой помощью от своих западных границ специально разработанным для этой цели таможенным законодательством? Если известно, что мы делаем это со скоростью *x* % прироста ВНП в год, с *y* кюри и *z* рентген на единицу площади, *w* тонн нитратов, рассредоточенных в рационе питания, *o* гигабайт идеологического бреда, втюхиваемого в голову каждого беларуса в сутки? По расчетам официальных специалистов из вертикали, нам осталось еще + 9,5 недель. И если не вмешается фактор геомагнитных бурь, тогда сможем дотянуть до парламентских выборов. Оппозиционные же специалисты вообще в тупике. Одни говорят, что нам уже вообще ничего не осталось, поскольку расчеты дают цифру минус 14 лет, один месяц и 14 дней, что на момент расчета соответствовало дате 26.04.1986. Другие — оптимисты — называют дату 20.07.1994. Такие расхождения вызваны упомянутым выше парадоксом. Особого внимания заслуживает точка зрения тех, кто утверждает, что нас уже вообще нет. Любая положительная величина в расчетах свидетельствовала бы о том, что мы еще живы, но отрицательная, если бы она превышала среднеожидаемую продолжительность жизни, свидетельствова-

ли вспять, а на Марсе посадили бы яблони. Только мы всего этого делать, естественно, не будем, это не для нас. «А что же мы будем делать?» — читаю я искренний вопрос в глазах 0,5175 % населения нашей средних размеров европейской страны. Эта искренность вызвана двумя причинами: с одной стороны, никто из 0,5175 % не прошел еще индивидуального тестирования и собеседования со мной[2], а зна-

ла бы об обратном. Некоторые же расчеты упорно сходятся на цифре 82 года, два месяца и 23 дня. Что заведомо больше средней продолжительности жизни и соответствует дате 7.11.1917. Откуда же берется иллюзия, что мы все еще живы и можем принимать гуманитарную помощь в принципе, пусть и без чувства законной гордости? Объяснение этому можно найти, если внести в расчеты поправки на Брестский мир, Рижский договор и пакт Молотова — Риббентропа. Тогда дата смерти беларусов приходится на 17.09.1939, или 61 год назад. Это несколько ниже средней продолжительности жизни, составляющей почти 62 года. С учетом постоянного сокращения этой самой продолжительности последние беларусы как раз протянут до парламентских выборов, выберут, як мае быць, и — на вечный покой. Ну и конечно, нельзя сбрасывать со счетов импорт идей. Интоксикация идеями ВКЛ и БНР мертвого может на ноги поднять. Иммунитет только вот высок.

[2] Тест очень простой. Всего лишь несколько вопросов, которым можно придать анкетный вид, сделать их закрытыми, но в этом нет необходимости. Пусть они, кроме собственно ответа «да»/«нет», еще вызывают ассоциации. Итак: 1. Предположим, что слово «белый» нагружено всякими смыслами, кроме прямого значения. Можно говорить о белых гвельфах, или о белополяках или белофиннах, или наоборот, о краснолатышах. Если бы в 1918—1920 годах, когда беларусы воевали по обе стороны фронта, одни беларусы высказывались о других, как правильно было бы сказать: «белобеларусы», или достаточно было бы просто — «белорусы»? 2. Как правильно: «государство для человека» или «человек для государства»? 3. Как правильно: «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества» или «можно и нужно быть свободным, в том числе и от общества»? 4. «А можете ли Вы прочесть список кораблей до середины»? Вот, собственно, и все. Собеседования по этим вопросам достаточно для определения, кто на какой стороне баррикады. С кем я могу принципиально договориться, а кто со мной и разговаривать не станет?

чит, не может быть уверен в том, что останется на этой стороне баррикады. Это, так сказать, корыстная причина, личный интерес. С другой стороны, причина бескорыстная, платонический интерес — а в самом деле, делать-то чего?

— Не напрягайтесь! Во-первых, я сам напряжен, докричись попробуй до 51 тысячи 750 человек, не умеющих и пока не очень желающих вести диалог. Во-вторых, диалогом-то мы и займемся. В-третьих, я вам, козлы, уже все сказал, слушать нужно было: начнем с исправления имен, как завещал великий дедушка Конфуций, вспомнили? Кто там бормочет в толпе: «За козла ответишь»? Вали на ту сторону! Во работка, блин! Отбирал, отбирал, а все равно! Ох, долго еще зерна — от плевел, козлов — от козлищ, котлеты — от мух, пока не придет время сказать: «и увидел, что это хорошо.» Но пока и так сойдет.

А не пора ли, думаю я себе, уже и замахнуться? Не замахнуться ли нам коллеги, э-э, на Вильяма нашего, понимаете, Шекспира, то есть на диалог, я хочу сказать, в рамках обязательств.

— Ты погоди замахиваться, говорят мне. Кто ты такой, чтоб замахиваться? Вон даже среди нас каждый 144-ый почти замахиваться готов, а на той стороне баррикады таких замахивающихся вообще хоть пруд пруди. А полномочия ваши где? Самодеятельность дворовая, доморощенная. Почему это вы все решили, что уже и на Вильяма нашего вам можно замахиваться?

— А если не мы, то кто? — удивляюсь я. — Левоневский, что ли?

— А хоть бы и Левоневский, — говорят. — Если у тебя нет полномочий на замах, так что ж ты Левоневскому отказываешь в праве замахиваться? Он, кстати, и покруче

тебя будет. Так мало настоящих буйных, а без этого — какой же вожак? Вот он буйный, а ты нет, так ему и замахиваться, а ты сидел бы уж.

— Ну да, не буйный я, не спорю. Но я и не зову вас в даль светлую, я только про диалог хотел поговорить, обсудить тезисы, аргументы, чтоб **сотрудничать, утверждать в выполнении, в преодолении** и прочее. Дались вам эти буйные! Надо ж в рамках, можно даже в рамках обязательств, принятых в ОБСЕ. А буйным в рамках тесно. Буйные всегда за рамками.

— Так ты еще и соглашатель, оппортунист и, опять же, демагог, а радикалом только прикидываешься. Мы ж, про буйных говоря, харизму имеем в виду, чтоб все по-научному, а это тоже рамки. Нам нужна полная победа демократии, окончательное **утверждение демократических институтов**, а какая же полная и окончательная победа без харизматического вожака? А разве ж в диалоге есть, где развернуться харизме? Нету где, потому диалог — диалогом, а полная и окончательная победа — отдельно. Давай про победу демократии, слабо замахнуться на окончательное утверждение демократических институтов?

— Не слабо, — начинаю я заводиться, — и не думайте, я свой, буржуинский, и радикальный до ужаса, вот щас озверею — сразу увидите. Дураки вы, ваще, — начинаю уже звереть, — ведь что есть окончательно утвердившиеся демократические институты? Это и есть решение всех проблем и острых вопросов посредством диалога, а не мордобоем, силой, административным давлением и, конечно, нехаризматическим зомбированием. Недемократично это — харизма, и харизмой по мозгам — тоже недемократично.

— Не учи ученых, без тебя знаем, что такое демократические институты. Мы ж еще не слиняли с этой стороны баррикады, которую ты тут нагородил. А если и дальше будешь так себя вести, точно один останешься.[3] Ведь сам посуди: не хотят и не умеют те диалог вести. Там-то, на той стороне баррикады, кто: дети малые — раз, Баранкевич — два, молчаливое болото — три, а остальные — хамье и шулера. Дети не в счет, болото молчит, Баранкевича можно не слушать, а остальные-то орут, издеваются, за людей нас

[3] Тут дело такое. Я же не все выбалтываю, что со мной происходит, хотя грешен, конечно. Натура такая лирическая, душа настежь открыта. Пока меня вяло поругивают, свои трудности объясняют, отзывает меня в сторонку Светлана Крупник и говорит: «Кажется, ты уже резину тянешь». Не спрашивает вовсе, а утверждает. Я мычу в ответ что-то нечленораздельное, понимаю ведь, что она в чем-то права, но куда клонит, фиг его знает. «Я, — продолжает, — никогда не была любительницей изящной словесности, а уж после того, как ты нас учил, ссылаясь на Платона, что поэзия — занятие малодостойное, так и вовсе». Издалека начинает, ничего хорошего мне это не сулит, не нравится ей моя поэзия, понимаешь! Поэтому перебиваю и говорю: «Платон, конечно, мне друг, но с ним можно и нужно спорить, в том числе и о поэзии, не фининспектор же он какой-нибудь. Как не повезло Маяковскому, и как повезло мне. Я могу спорить о поэзии не только с Платоном, но с бывшим ведущим аналитиком Минобра и с будущим...» Бум-с! Плюха. Это я по голове получил. «Все-все, о твоем будущем ни слова. Так мы о поэзии...» Теперь уже она меня перебивает: «Мы о том, что ты дурью маешься, а не о поэзии». Обидно, безапелляционно так, помните, как в рекламе: «ЭтО — плакаАт!». Она всегда так, она это умеет. Но и я ж не тот дебил из ролика, у меня челюсть в таких ситуациях не отвисает. Я говорю: «Сама ты ...» А она: «Схему давай! Нормальные люди уже устали от твоих финтифлюшек вокруг содержания. А чайникам только инвективы твои и интересны, остального они все равно не поймут, воспитАтель, Песталоцци!» Слышите интонацию, как она? «Некогда мне, меня люди ждут, — это я уклоняюсь от разговора, права ведь, очевидно. — Я тебе после объясню, когда здесь совсем мало народу останется». И возвращаюсь, чтоб ничего не пропустить. А зачем? Нет бы, взять Светлану, да пойти к Киму. Эх!

не считают, сами оппозиционерами прикидываются. Вот Винникова, к примеру, ну разве не издевательство все ее разоблачения? Так это еще мелочи. Климов сидел, Богданкевича дубинкой огрели, до сих пор обидно. Фашисты они, правильно Шарецкий сказал. Не будем мы с ними диалог вести. Мы хотим людьми зваться и уважать себя хотим. Вот соберемся у Старикевича на Всебеларусском съезде и поговорим, как уважаемые люди, между собой.

— А я вам «один умный вещь скажу, только вы не обижайтесь», — это я уже успокоился,— жалко становится мне людей, хотящих людьми зваться, поскольку, раз хотят зваться, значит, сомневаются, что таковыми являются. Хотите быть людьми — будьте. Я же с вами по-людски.

— Ты-то да, а этот? Отморозки, вшивые блохи, адшчапенцы — обидно до слез! А народ безмолвствует. Как тут не засомневаешься в человеческом своем достоинстве? Мы ж не для себя, мы ж для народа стараемся, а он нам жабьи рожи корчит. Мы ведь видим себя глазами нашего народа. Вот если бы ты был народ, посмотрел бы ты на нас, и мы бы себя людьми увидели в твоих глазах. А уж когда бы мы людьми себя почувствовали? О, тогда бы мы враз этому накостыляли, мы бы такие **демократические институты бы утвердили**! Мы бы тогда все **обязательства выполнили, препятствия бы** все подчистую **устранили**.

— Я вам и говорю: встаньте и идите. Это вы можете! **Утверждайте, содействуйте в выполнении**!

— Твоими бы устами… Мы ж почему тебя тормознули, полномочия от тебя потребовали? Легко сказать — встань и иди. А кто ты такой, чтоб такое говорить? Не богохульствуй! Ты же не Он. Ты даже не народ. Не гони волну!

— А вам мало того, что Он сказал?

— Не мало, но ведь не нам сказал, а Лазарю. Ну ладно, евреям сказал. А мы что, мы люди маленькие, и народ наш не богоизбранный...

— Теперь уже вы волну гоните. Это Он ВАМ сказал! Уточнил же — нет ни иудея, ни эллина. Он не к народу, а к каждому отдельно обращался. Сказал: Верите, так **содействуйте в утверждении и содействуйте в выполнении**. И не говорил Он, чтоб уповали вы на Пушкина там, или Левоневского, на харизматиков разных. А говорил Он, чтоб уповали только на Отца его и вашего. И говорил еще, что с Его помощью все у нас получится. Верите ли? Не мне, ясное дело, Ему-то вы верите?

— Видишь ли...

— Вижу-вижу. Не верите.

— А как поверить-то в это? Мы прагматики, циники мы, сам же говорил. Мы ж смотрим вокруг, опыт накапливаем, руками все пощупать хотим, органолептически чтоб все. Вот эмпирика свидетельствует...

— Да я не о том. Эмпирика тут совершенно ни при чем. Я уже рассказывал вам в другом месте про Беларусь и демократию в ней вопреки очевидности. Чтоб верить, ненадо пальцы совать куда ни попадя. Я о том, что если хотите людьми зваться и быть ими, не смотритесь в глаза Лукашенко, неадекватно вы там отражаетесь. Химеры и монстры отравленного идеологией сознания там отражаются. Там вы так отражаетесь, что вас мама родная не узнает. А уж действия ваши как отражаются — свиржения[4] и покушения, вот как отражаются ваши действия. Вы туда смотритесь и видите себя пачварами. Отсюда и терзания ваши, жалость к самим себе и неверие.

Не врал Маркс, когда говорил, что Павел, всматрива-

ясь в Петра, видит себя человеком, извратил только все чудовищно диалектически. Ведь Петр сначала в Его глазах стал человеком, потому и на мир смог смотреть по-человечески. Потом научил Он Петра улавливать человеков. Да Петр, он, если хотите, в каждом из нас способен усмотреть человека, на то он и Петр. И заглянуть бы каждому из 6 миллиардов в глаза Петру, и увидел бы каждый там человека, себя увидел бы, настоящего, а не пачвару и химеру, как бы гордо это ни звучало у некоторых пролетарских писателей. Вот куда смотреть надо. А Павел-то (Савл тогда еще) ослеп сначала, чтоб понять, что изначально слеп был. А поняв это — прозрел, посмотрел и увидел себя человеком. И так отличался этот человек от той пачвары, что была изначально, что даже имя пришлось сменить, чтоб не путать человека с тем, что есть только потенция человека. Но Павел никогда не заглядывал в Его глаза органолептически, а заглядывал, так сказать, эмпирически. Он заглядывал в глаза Петра и еще, в Дамаске, — в глаза Анании. Дальше уже

[4] Убедительная просьба к корректорам. Оставьте «свиржения», это не я, это Войнович. Этим словом я цепляю контекст Войновича, в котором это только и поддается осмыслению. Это вам не Кафка. У Войновича есть место нормальным людям. И не я, и не Войнович не виноваты, что Чонкин в этом контексте самый нормальный человек. А если исправите, то будет как всегда, то есть по-постмодернистски, когда люди забыли происхождение слов. Вот однажды был случай. Я предпослал своей статье эпиграф из Бродского. А там упоминается «перевернутый Верзувий». Корректор в солидном московском журнале «Бизнес и политика» поправил на «Везувий». Сразу видно, античную географию знает, и историю, наверное, а Бродского подзабыл слегка. Бывает. Потому и напоминаю: свиржения и покушения он видит, как героиня из упомянутого контекста.

в глаза Павла стремились заглянуть все живущие — 2 (или минус 11). Потому что в глазах Павла был уже свет Его глаз. И этим светом виден человек, виден по образу и подобию Его. Такой человек виден, который может, может **содействовать утверждению и выполнению**. А никакой другой не может. Особенно, если уповает на другого человека, который никогда в человеческие глаза со светом Его не заглядывал, с целью увидеть себя человеком.

А вы говорите «полномочия»! Нет у меня полномочий, но в глаза-то друг другу мы можем заглянуть? Для чего, вы думаете, мы сгрудились по эту сторону баррикады? А для этого и сгрудились. Какого хрена вы на площадь Бангалор таскаетесь? Луку скинуть? Размечтались, не так это делается. Я-то думал, что вы ходите туда людей посмотреть и себя человеком показать? В глаза посмотреть, человек — человеку. Вот это было бы дело! Тогда бы мы поняли, что нет среди нас Петра и Павла с полномочиями заглядывать в глаза 6 000 000 000. А вот вглядеться в глаза 0,5175 % не от 6 миллиардов, но только от 10 миллионов — совсем другое дело. И я среди вас. И я, без полномочий и без харизмы, совсем немного на себя беру. Ведь должен же кто-то взять на себя простую функцию минимальной организации.

Просто громко спросить: — Ну что вы сгрудились как бессмысленная толпа?

Потом сказать: — Разбейтесь на пары и загляните в глаза друг другу!

Потом опять спросить: — Видите свое отражение? Видите себя людьми в глазах человеков? Видите, что вы неадшчапенцы?

Когда все ответят: «Видим!», продолжить: «А теперь расскажите друг другу, что вы видите. Ведь это так интерес-

но, так важно, что такое человек глазами человека. Не стесняйтесь сказать обо всем хорошем, что вы увидите. Это не будет хвастовством, это не будет лестью. Ведь вы рассказываете только о том, что видите в глазах другого».

Когда все расскажут это всем и друг другу, снова спросить:

— А что могут те, о ком вы только что так хорошо рассказывали?

И когда все скажут:

— О, многое могут! Эти на многое способны, да такие орлы...

Тут мое дело остановить этот базар и спросить конкретно:

— А могут ли **они сотрудничать в утверждении и выполнении**? Могут ли они **преодолевать препятствия на пути...** — Ну, обо всем том, о чем я раньше говорил? Чтоб в рамках там, и все такое?

И тогда я буду внимательно ждать ответа. Потому, что от этого ответа многое зависит.

1. Если будет ответ «Да!», я скажу: «Отлично, видите, и без харизматиков можно обойтись». И пойду баобабы из баррикады выдергивать: заросла совсем. Она ж после такого ответа — и не баррикада вовсе, а памятник демократии, почти как остатки Берлинской стены, ее в порядке содержать надо.

2. Если будет ответ «...!», задумчивое молчание, тогда я скажу: «Теперь я начну вам все по порядку рассказывать». Не потому, что я лучше всех знаю что и как. Нет, я просто знаю, потому начну, а тот, кто знает лучше, подхватит и продолжит. И это будет **сотрудничество в утверждении**, хотя и издалека. Ну, что делать?

3. Если будет ответ «Нет!» Тогда я ничего не скажу. Что на это скажешь? Это даже не повод напиться. Я просто напьюсь без повода. А похмелившись, начну все с начала. Итак: «Не пей! Поскольку с пьяных глаз ты можешь попасть не на свою сторону баррикады». А далее — по тексту.

Глава 5

ТАЛИФА КУМИ

Ну, спросите меня, какой же ответ из трех я считаю наиболее вероятным.

— Ответ-то дают 51 тысяча 750 человек, а я еще невсем в глаза посмотрел, не во всех глазах отразился в своем человеческом облике. Потому и не знаю я, какой из ответов наиболее вероятен.

— А вот, скажем, посмотрел ты в глаза, но не отражаешься там в человеческом облике? А отражается там матерщинник, преисполненный гордыни гад, пьяница, урод моральный.

— Печально будет такое увидеть.

— Так сам постарался.

— Да нет, вы не поняли. Вы случайные черты сотрите. Я же только человек. И не гордо это звучит совсем, а просто, по-человечески.

— Ну хорошо, чего о тебе говорить? А как же в твоих глазах отражаются те, кто туда заглядывает?

— По-разному. Вот про Кима Хадеева вы ведь читали выше.

— Кима, положим, не все знают, сам говорил. Ты без примеров, в общем виде расскажи.

— Тут, понимаете, в чем дело? Издалека придется начать. Вот Анджей Вайда сказал Семену Букчину, что если бы поляки только боролись с режимом и не снимали кино, не писали бы книг, то Польша была бы сегодня Беларусью. Я переверну это и скажу, что если бы мы не только митинговали, но снимали кино и писали книги, то Беларусь была бы уже не хуже Польши или Чехии.

— Как это? С одной стороны, причем тут кино и книги, когда речь идет о режиме? С другой стороны, и кино снимается, и книги выходят. Темнишь ты что-то.

— Ничего не темню. Просто кино бывает разное — хорошее и плохое. Бывает кино — искусство для искусства, за него премии дают в Каннах, как тому же Вайде или Форману. А бывает другое кино, для премий, но за них дают как раз не премии, а хрен с маслом. И за людей делателей такого кино не считают.

— Ты что ли, судить будешь, какое кино люди делают, а кого за людей не считать? Не много ли на себя берешь?

— Многовато, согласен. Но среди нас, людей, так принято. Мы все норовим по гамбургскому счету.

— Ты совсем обнаглел. Себя уже априорно в люди зачислил, а про всех остальных еще рассуждать будешь. В приличном обществе за такие вещи рыло принято чистить.

— Справедливая критика. Но больше подставиться, чем я уже подставился, трудно. Но тут важно, чтобы люди стремились делать именно хорошее кино, а не лишь бы понравиться главному члену жюри, а не лишь бы «для нас и

так сойдет». Конкуренция должна быть, соревнование, агон, как говорили греки. И для всякого кина есть только одно место — тот самый агон, — где решается, хорошее это кино или плохое, по-человечески ли оно сделано. Нет у нас в Минске Анджея Вайды, а в Польше есть. И решается все это не в Варшаве, и не в Минске, а в Каннах. И не можете вы учредить в Минске своего «Витязя» или свой «Листопад» вместо «Пальмовой ветви», чтобы самим решать, какое кино хорошее.

— Почему не можем? Можем, и даже делаем.

— Мочь-то вы можете, и делать — делайте, но не забывайте, что это уже другое кино началось. Теперь конкурируют между собой уже не фильмы Вайды и Кустурицы, а Канны с Минском. И так во всем.

— Так что же нам теперь, застрелиться и не жить, раз нет «Пальмовой ветви» у Пташука? Зато у нас Быков есть Василь, например.

— Вот это уже ближе. Я ж про то и говорю. Мы, конечно, любим Быкова и Пташука любим. Но ведь не мы отвели Быкову его высокое место в соответствующем хит-параде. Хотя как раз именно Быкова можно принять за точку отсчета. Предположим, что в глазах Быкова есть отраженный Петро-Павлов свет. Согласитесь, у такого предположения есть серьезные основания. А вот теперь загляните в глаза Быкова и полюбуйтесь на свое отражение. Не стану пока спрашивать, что вы там видите о себе. А теперь представьте, что в глаза Быкова смотрят Лукашенко и Позняк, кто из них что видит? Кто там Сотников, а кто Рыбак?

— Ясно. Интересный разворот получается. Что же дальше?

— Так вот дальше. Где сейчас Быков? А вам так нужно бы заглянуть ему в глаза! Что вам я, что мои глаза? А вот Быковские глаза — куда надежнее. Он, конечно, не Петр и не Павел. Не сотвори себе кумира, повторял Он заповедь Отца небесного своего. Не будем делать из Быкова кумира, просто примем, что оценку себе в его глазах мы можем смело принимать с высокой достоверностью. Почему же мы все еще здесь, а не в Германии, у ног его? Почему мы позволили то, что с ним сделало наше государство? Неужели с нас за это не спросит Он сам или Петр от Его имени?

— Давай ближе к делу, мораль потом будешь читать!

— Простите, иногда срываюсь. Совесть, знаете ли, стыд, и все такое, но Быков — в Германии. А относительно нашей баррикады — на какой он стороне? Ведь что нам тут торчать, если он не с нами? Неправильная тогда это сторона.

— Действительно. А как же быть? Быков-то в Германии…

— Так давайте и осмотримся, не так много здесь людей, из которых можно составить компетентное жюри для нашего кина. Но каждый из них должен делать свое хорошее кино. Кто из этих людей на нашей стороне баррикады? Где Дударев, где Алексиевич? А то мы все о Баранкевиче да Шушкевиче заботимся.

— Погоди-погоди, а что, Шушкевич с Баранкевичем кина снимать не могут?

— Могут, но у каждого свое кино. Один все же профессор, другой — генерал, не знаю, как уж там с гамбургским счетом, хорошее ли кино они делали. Но политика — это отдельное кино. Хорошая политика делается только теми, кто может делать хорошее кино еще и в другом ме-

сте. Да и не надо зацикливаться на кине, книгах и стихах. Можно дерево посадить, дом построить, сына вырастить и все такое прочее.

— Стоп! Ты, кажется, размываешь хорошую строгую схему. Мы только начали понимать кое-что, а тут снова лесоводы. Так и к кухаркам снова вернемся.

— Нет, не вернемся. Во-первых, Ленин кухаркам не политикой предлагал заниматься, а государством управлять, а это разные вещи. Я предлагаю другое, не ленинское. Во-вторых, я вообще про другое. Люди делают хорошее кино и стремятся делать его лучше и лучше. Хорошая кухарка делает отличные вареники. Вот хороший тоже писатель, и человек, а не пароход, Лев Толстой, не знал, что более человечно — «Война и мир» или вареники? И мы не станем судить. Если кухарка не управляет государством, но находится среди нас, на нашей стороне баррикады, то в ее глаза можно так же смело заглядывать, как и в глаза Быкова. Вот ведь я о чем. И в наших глазах кухарка, если только она не управляет государством, отражается человеком, по образу и подобию...

— Интересное кино получается. Если мы заглянем в твои глаза, не делая хорошего кина и вареников, то мы там себя пачварами увидим? Снова будем адшчапенцами и отморозками. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, и день Святого Ежи. За что боролись? Чтобы и по эту сторону баррикады нас за людей не считали? Что ж это делается?

— Вот только без истерик, пожалуйста! Тем более наигранных. А что вы, собственно, хотели? Чтоб все — задарма, все — на халяву? Да, люди не равны. Они всего лишь равноправны, они рождаются с равными правами и

сразу же оказываются в несовершенном мире. Одни рождаются во дворцах, другие в хижинах. А Он так даже в хлеву родился, в вертепе, можно сказать. Иные же, родившись в обустроенном доме, сами его в хлев превращают. И что?

— Так несправедливо же!

— Не знаю — не знаю.

— Конечно, несправедливо. Вот ты о Быкове печешься, что он в Финляндию, в Германию мотаться должен, а другие? Сколько других беларусов уехать вынуждены от нищеты, от радиации, от жлобства общего? А им там потяжелее быковского приходится, никакие Пен-клубы им не помогают. Им, значит, так и надо, о них ты даже и не подумаешь! Как же, они ж тебе вареников не делали, кина тебе своего не крутили! Опять же, все равны, но некоторые равнее. А еще — Декларация прав человека. Тьфу! Ты-то чем лучше фашиста, что ты имел в виду, евгенику поминая? Мы-то думали — это так, метафора, для красоты слога. Щас начнется: Беларусь для Быкова и для беларусов! А нам, татарам, опять как всегда.

— Зря вы так! И на Декларацию, и вообще. Вот к Нему в день рождения три царя поклониться приходили, ну и пастухи, конечно, а к вам и вашим детям цари приходили поклониться, про пастухов я уж молчу?

— А нам и незачем. Зачем нам, чтоб кто-то кланялся? Не надо нам этого, мы сами по себе, мы люди маленькие.

— Но все же люди?

— Да! Чтоб ты там ни плел. Люди мы, человеки. И не надо нам, чтоб цари кланялись, чтоб людьми быть.

— Да и Ему это не надо было, это им, царям, надо было, чтоб людьми быть. И Быкову не надо, чтоб с ним но-

сились как с писаной торбой. Это нам надо. Потому что Он в своем величии потом стал ниже всех людей — и царей и пастухов, блудниц и мытарей. Он рождение каждого младенца приветствует, опекает его, и вам Он кланялся при рождении, только вы не помните.

— Не миссионерствуй, апостол выискался. Сколько раз просить можно?

— Да, снова заносит. Я ж про Быкова, опять. Вот вы что, думаете, когда Быков в Минск вернется, он будет так спокойненько на все смотреть, статейки там, повестушки пописывать?

— Откуда нам знать, что Быков делать будет? Он же Быков, он, может, гений, что захочет — то и будет делать.

— Нет, а вы подумайте, сообразите. Он хоть и гений, но спать спокойно не сможет, пока из нашей страны хоть один человек не по своей воле уезжать будет, Позняк ли это, кухарка или пастух. Он будет добиваться, чтоб права каждого были восстановлены. Хоть и силы уже не те, старик. Но человек! А это такая порода, знаете ли. Сахарова помните? Или там Ковалева, Кукабаку, да хоть бы Щукина, зачем далеко ходить?

— Ну так они ж... Совесть нации и все такое. Где уж нам. Мы ими восхищаемся как раз поэтому.

— Так и перестаньте выпендриваться. С Быковым себя равнять. То есть, равнять, как раз, равняйте, чтоб найти в себе меру человеческого.

— Ладно, уговорил. Быков, может, и гений. А мы что? Мы так. Будем смотреть на себя глазами Быкова. Мы ж и не выпендривались особо. Ты просто пафоса много напустил. Александр Македонский — герой, конечно, но зачем же стулья ломать?

— Ну да, в обществе циников и прагматиков пафос не то чтобы неуместен, он как-то глуповато выглядит. Но я не одной патетикой пробавляюсь. Тут ведь и мысль заложена, к сокровищам мысли народов мира я апеллирую. Ведь сказано же было, что человек есть мера всех вещей, существующих, в том, что они существуют, несуществующих же — совсем наоборот. Протагор такое придумал, а циник Диоген взял фонарь и пошел днем с огнем по Афинам человека этого искать, меру то есть.

— Мы-то, положим, уже нашли. Быкова признали человеком, и без твоей подачи, между прочим, признавали бы его человеком. Ну, согласны с тобой, что и себя по Быкову мерить надо, и в том, что в Беларуси происходит. А ты уж, так и быть, про Диогена басню закончи. Интересно ведь, нашел ли он, что искал и что мерить собирался?

Настораживает меня их покладистость, однако продолжаю.

— Нашел ли Диоген Синопский то, что искал, о том тезка его Лаэртский умалчивает. А вот что мерить собирался, о том уже другие греки рассказывают. Аристотель, бывало, спрашивает у греков: «Интересуюсь я, мужики, — говорит, — демократия ли у вас в Афинах? И хорошо это или же, напротив, плохо?» «Демократия! — отвечают ему греки хором, а особенно те из них, кого демагогами называли, — и это хорошо, нам нравится». Тут раздается смех ехидного Аристофана, и он садится писать пасквили на этих демагогов и тех, кого они водят. Ну совсем как я сейчас, только по-гречески. Лягушками их обзывает, и вообще по-всякому. А Аристотель продолжает: «А вот я сомневаюсь. Это скорее правильнее охлократи-

ей назвать, что по-нашему, по-гречески, власть толпы означает. А это, согласитесь, уважаемые греки, очень плохо. Мыслимое ли это дело, чтобы под властью бессмысленной толпы было хорошо, а под властью лучших людей, при аристократии то есть, было бы хуже?» «Так-то, оно так, — греки, в отличие от беларусов, люди были рассудительные и к словам всерьез относились, — но кто ж, скажет, какие люди лучшие, а какие — не очень? Ты нам голову-то не дури! Мы тут разное перепробовали, когда по одному, а когда и по тридцать штук сразу этих лучших людей к власти приводили. Всех пришлось в шею гнать. И тебя прогоним, если на нас охлосом обзываться будешь». И прогнали, и поехал Аристотель в Македонию, бывшую югославскую республику, и добром это не кончилось. Ну, сами знаете, анабазис там, Гордиев узел, теперь вот Косово, и это еще не конец. А ведь Аристотель логику изобрел, аналитику, то, се, полезные все вещи.

— Опять тебя понесло. О чем это ты теперь? Измерили Диоген с Аристотелем, что хотели, или нет, вот в чем вопрос? Тем более демократия тут упоминается. А ты уже и на демократию бочки катишь, или нам показалось? Ты смотри, она нам дорога. Пошлем тебя, вслед за Аристотелем и Позняком в Македонию или еще куда подальше, с нашей-то стороны баррикады.

— Это мне нравится. Остракизм всегда был оружием пролетариата. И сторону моей баррикады вы уже себе присвоили! Чудненько. Я-то пойду, если пошлете. Главное, чтобы хоть кто-то здесь остался — и в Беларуси, и именно на этой стороне баррикады.

— Обиделся, ранимый какой! Мы еще пока тебя не трогаем, а там посмотрим. Трави дальше.

— Продолжаю. Вы хоть и не греки, но скажите мне, что же это получается? Демагоги Перикл и Демосфен хорошими людьми были и говорили, что демократия — это хорошо. А Аристофан и Аристотель, тоже неплохие ребята, — что не очень, что и вовсе дерьмо это, охлократия какая-то. Что же это за мера вещей такая получается, если разные человеки дают полярные значения, меряя одну и ту же вещь? Вот и у нас, например. Есть один профессор — Акулов (демократ, между прочим, перестроечный, «іншадумец», если верить книжке Улитенка), есть другой профессор — Шарецкий (кем он был в перестройку, неизвестно; Улитенок об этом умалчивает, да и сам Шарецкий сейчас уже не расколется). Спросите у них, ткнув пальцем в одно и то же место: «Что это, профессора?» Они вам ответят. Один скажет: «Демократия!» Другой скажет: «Фашизм!». Один скажет: «И это мне нравится». А другой: «Терпеть ненавижу».

— Ну ты даешь! Сам убедил всех, что у Быкова будем спрашивать, есть у нас демократия или нет ее, хорошо это или плохо, а тут Акулов, Шарецкий. Да, может, мы их и за людей-то не считаем? Как Быков скажет, так и будет!

— Я ж этого и боюсь, — смутная тревога охватывает меня, чувствую, скоро бить начнут. Ищу в толпе глаза Ирины Жихар, ищу поддержки в этих глазах и не нахожу. То есть, нет. Не то чтобы не нахожу поддержки, но с оттенком сомнения эта поддержка. Вот до каких-то пор как бы и поддержка, а дальше, как бы и нет, не подсечка еще, но всякое может быть.[1]

— Ага, значит, и Быков тебе уже не авторитет! Боишься, значит, этого? Может, ты уже и с Акуловым согласишься, с антоновичами-василевичами всякими? Вот оно, мурло-то, и выползло. Помним, помним, как ты нашего

Позняка лажал, с Богданкевичем спорил, Лебедьку нашего Лебедем-ко обозвал, а Абрамову ихнюю хвалил. Ну, признавайся! Хвалил?

— Ну, хвалил.

— А про Лукашенку нес, что не тупой он, а, наоборот, умный?

— Был грех, но я ж понарошку.

— Так вот мы тебе щас... по-настоящему!

— Стойте! — кричу.

Затопчут, понимаю, никто меня сейчас не спасет, если только не сам. Отморозки же. Скажи себе, кто твой друг, и держись от него подальше.

— Стойте! — использую в корыстных целях остатки накопленного демагогического авторитета. Пока действу-

[1] Тут как бы телепатический разговор у нас с Жихар получается, и воспроизводится в этом разговоре трагическое несовпадение трансцендентальной апперцепции. «Не пойду, — говорит мне она, — наверное, с тобой в разведку». Просто так говорит, без пафоса всякого. «А и не ходи, — говорю, — давай мы вообще не пойдем с тобой в разведку. Оно нам надо? Что мы с тобой, без разведки не знаем, что вокруг происходит? А пойдем-ка мы лучше с тобой в »Крыніцу«, пиво там, ничего лишнего, в общем». А она мне: «В »Крыніцу«, — говорит, — пойду, а в разведку нет». «Ну почему, — удручаюсь я, — почему ты так на этом настаиваешь?» «Да не знаю я, чего от тебя ожидать можно. Ненадежный ты человек, никогда не знаешь, что в другой момент выкинешь. То тебе демократию подавай, то ты говоришь, что она дерьмо. Ты, часом, не гебист? Я-то что, а вот люди разное говорят. Приехал, мол, из Москвы засланец с заданием, чтоб национально-освободительное движение изнутри развалить». «А ты не верь, не верь! Это я-то, с моей политической грамотностью и моральной неустойчивостью?» — говорю. «Я вот и не верю, даже наоборот. Но в разведку не пойду. А моральный облик, действительно оставляет желать лучшего». Такой вот у нас телепатический контакт, значит. А мне поддержка нужна. Не то чтобы я пачвара какая в глазах Ирины, да и не надо мне, чтоб в огонь и в воду. Так, морально, со скидкой на облик, конечно.

ет. — Я ведь что говорю. Каждый человек имеет право на ошибку?

— Конечно, имеет. Ладно, признаешь свою ошибку. Тогда прощаем.

— Да я не о том, я не про себя, я про Быкова — блин, язык мой укоротить бы. Тут кровопролитием пахнет, а меня несет.

— Ты опять за свое, — передние уже засучили рукава. — Ну держись!

Однако это уже не напор, это так, понты.

— И Быков имеет право на ошибку. А раз имеет, значит, и ошибается, ну хоть иногда. Я ж чего боюсь, об чем пекусь? Чтоб предостеречь, чтоб, если Быков ошибется, нечаянно, конечно, чтоб вы того… чтоб не повторяли, и все такое.

— Это-то понятное дело, так бы сразу и говорил. Мы учимся на ошибках, у нас своя голова на всякий случай имеется. Потому, если Василь Быков правильно скажет, то мы так и сделаем, а если неправильно, то и не сделаем.

— Ну, видите, — говорю, — диалог, он чем хорош, тем, что всегда можно прийти к пониманию, к консенсусу даже, как некоторые утверждают, но нам с вами до консенсуса далеко еще.

Это я уже понял, что опасность миновала, и можно снова переходить в наступление.

— Про Позняка вашего, это вы мне бросьте. Лажал я его? Да если б вы меня лажали так, как я его лажал!

— Ну, наш Позняк! Это ты загнул, у нас вот Вячорка теперь, Чигирь. Какой он наш, это мы так, для красного словца, это когда ты нас разозлил, то мы тебе и припомнили, как ты… Ну ладно, кто старое помянет…

— Я и помяну. Вы ни тогда ни хрена не понимали, ни теперь не хотите. Беларусизация вам показалась ущемлением свободы, так вы с ней все свободы похерили. И не говорите мне, что это не вы, а они. Ну чисто греки малые! Те тоже от демократии — к тирании, и так без конца. Шушкевич им не нравился, и Позняк радикалом был! Тоже мне, радикал, да теперь каждый из вас радикальнее Позняка — и в отношении России, и в отношении мовы. Так что вы моего Позняка не трогайте. Я его не за то лажал, что он радикально играл, а за то, что по-дурацки отыгрывался.

— Ладно, дался тебе этот Позняк, дядя он тебе, что ли? Ты же про другое что-то говорил. Забудем разборку, среди своих чего не бывает?

— Разумеется. Так я про Аристотеля и его изобретения. Аналитику он изобрел, а с ней логику, или искусство правильного рассуждения. Мало найти человека и меру вещей, нужно, чтобы этот человек мог правильно рассуждать. То есть, кроме человека, нам еще и логика нужна. Логично?

— Логично. Мы ж так уже и сказали: «Быков, конечно, человек, но логика дороже».

— Точно. Что же из этого следует? А следует вот что. Вначале было Слово (Логос), и Слово было у Бога, и Слово было Бог (Иоанн, 1:1). И в Нем была жизнь, жизнь была свет человеков; И свет во тьме светит и тьма не объяла его (Иоанн, 1:4—5).

— Опять ты за свое! Нам что, теперь на проповедь настроиться, эрудицией твоей восхищаться или просто свалить с этой стороны баррикады? Ни первое, ни второе, ни третье нам не по душе. Ты уже достал. Видно ведь, уж если

ты чего решил, так выпьешь обязательно.

— Именно. Эрудицией восхищаться не надо, да и нечем. Многие из вас и покруче меня тут будут. Однако многовато вас тут. Так что собирайте свои цацки и валите отсюда, поскольку сейчас будет именно проповедь, не сойти мне с этого места.

— Нет проблем, свалим. Свалить мы всегда успеем. Жалко только вот времени, потерянного на все это, которое ты же у нас и отнимаешь. Мы-то ждали, что ты вот-вот к делу перейдешь. Поэтому ты сначала объясни, зачем тебе все это? Втюхивать все это нам, а потом разгонять? Имеем право, оно оплачено нашим терпением, выслушиванием/чтением твоих разглагольствований.

— Запросто. Еще страниц десять назад я собирался перейти к делу, начал оглядываться, считать, кто на этой стороне баррикады сгрудился. Матом и всякой фигней я многих разогнал, но все равно много осталось. Как же их дальше-то селектировать, думаю? Тест даже предложил, собеседование, помните? И начал собеседование, а вы уши развесили, зенки разули, про тест забыли. Вот и дошли до этой страницы. Так что сами виноваты. Мы обсудили, что есть человек, что в человеке Свет Его виден, что каждый человек свое кино снимать должен, и делать его должен хорошо, иначе чего с ним разговаривать, и без логики — чего с ним разговаривать? Да и что за человек без логики? Тьфу, так себе, человек. Не отличишь без логики Богданкевича от Баранкевича, Акулова от Шарецкого. Позняка с Лукашенко — и то спутаешь. Разбирайся потом, кто из них фашист, а кто и вовсе демократ. А теперь, когда вы поняли, что к чему, валите! Поскольку остался последний этап — проповедь. Кто выдержит, только тот и останется на этой сторо-

не баррикады. Однако лучше, по-хорошему, валите еще до проповеди. Очень надо мне кому попало проповеди читать. Это все равно, что жемчужины из сокровищницы мысли народов мира, о которой я уже говорил, перед кем попало метать.

— Ну, не можешь ты без оскорблений. Да с тобой даже Жихар в разведку не пойдет. А она женщина увлекающаяся, романтичная и доверчивая, с кем только в разведку не ходила. И правильно. Так тебе и надо! И мы с тобой в разведку не пойдем. Зануда ты!

Тут мнения разделились. Одни продолжают кричать: « Зануда!», другие: «Самозванец!»

— Хватит нам лапшу на уши вешать!

— Да по сравнению с ним, демагогом, Лукашенко просто Цицерон!

— Накостылять ему!

— Чего его слушать, пошли отсюда!

— Проповеди он нам еще читать будет!

В общем, правильно все так говорят.

— В общем, правильно все говорите, ну и что?

— Как это «ну и что»? — кричат. — Щас мы тебя…

— А, правда, ну и что? — это те, кто порассудительнее.

— Ну, надул он нас, так ведь сами виноваты! Чего сгрудились на этой стороне этой дурацкой баррикады? Он ведь и предупреждал. Накостылять бы, конечно, не мешало, так весь запал пропал. Раньше надо было, пока запал был. А теперь — валить надо отсюда!

Глава 6

Рефлексивная увертюра

Ряды стали несколько редеть. Но многие еще топчутся, в репе чешут, ждут чего-то, задумались. Лица отрешенные — рефлексия, похоже, началась. Ведь физиономия рефлектирующего субъекта не отражает напряженной работы мысли, физиономия как физиономия. Что там за ней кроется? Поди пойми! Но и угрозы от рефлектирующего субъекта я никакой не чувствую. Может, кто и чувствует, а я — нет. Нравятся мне рефлектирующие субъекты. Они, конечно, ни одному твоему слову не поверят, но и драться не станут. С Жихар некоторые шепчутся. Она их, кажется, посылает, не ко мне, нет. То ли к Бабайцеву, то ли так, вообще.

— Ну чего, — спрашиваю, — топчетесь? Что вы еще хотели бы знать, но боитесь спросить?

— Нам твое ерничанье уже до фонаря, — говорят. — Подумаем немного и пойдем себе. Мы просто смотрим на тебя и удивляемся. Вроде не дурак. У нас даже аллергии особой нет на то, что ты говоришь. Но откуда столько на-

глости и самомнения? Кина ты нам своего не крутил, так откуда мы знаем, какое ты кино делаешь? А потом, сначала — мат-перемат, а потом проповедь читать собираешься? Так ведь не делается. Не можем мы проповедь вперемешку с инвективами твоими слушать. Может быть, перед тем как разойтись по разные стороны, ты нам на некоторые вопросы ответишь?

— Отвечу, отчего ж не ответить. Я бы даже тем, кто на той стороне баррикады, на вопросы стал отвечать, и отвечал бы сколько надо, если бы и у них рефлексия началась. А уж вам как не ответить после того, что между нами было? Валяйте.

— Ну, навалять тебе мы после наваляем. В рефлексивном состоянии рука на человека не поднимается. Да и не было между нами ничего, так... Нас, во всяком случае, это ни к чему не обязывает. Если тебя это обязывает отвечать на наши вопросы — твоя забота. Как ты себе представляешь проповедь после того, что нагородил?

— А что вы имеете в виду?

— Да только две вещи мы и имеем в виду. Гордыню твою, жлобство и снобство. Это первая вещь. А вторая — слова для проповеди ну уж совсем неподходящие.

— Давайте со второй начнем, это проще, а первая, наоборот, там все сложнее, но и важнее. А про слова... Что слова? Это ж не Его Слово. Дело вовсе не в словах, а в категориях. Я ведь мыслю этими категориями. То есть, я вообще мыслю категориями. Понимаете ли вы, что это значит? Что такое категории и что значит — мыслить категориями?

— Ну, категории, это что-то из Канта. Аристотель там, Ленин, другие тоже, ты например, пользуются катего-

риями. В них какой-то смысл специальный вкладывается, содержание, понятия, дефиниции, то, се. Чего тут непонятного? Смысл мы вроде схватываем. А когда нет, так переспрашиваем. Ты даже объяснить можешь иногда, если не пошлешь.

— Так дело-то в том, что «объяснение» и «посылание» есть две стороны одной и той же медали в употреблении категорий. Категория и категоричность — это однокоренные слова, слышите корень? Категория — категоричность. Говорю я, например, «жопа», ладно, ладно... Говорю я, например, «диалог», и не слово говорю, а категорию использую. Так это значит, что я категорично имею в виду только диалог. Что значит «категорично имею в виду»? А это значит, что не «базар» имею в виду, не «дуэт», а «диалог». По понятию, значит, с дефиницией полной, в контексте, значит, Бубера, Бахтина, Библера на худой конец, и уж совсем на худой — Даля какого-нибудь там или Ожегова. Сказал я это и на вашу реакцию смотрю. И, в зависимости от реакции, у меня есть только три варианта продолжения своих действий, то есть именно категорично три, а не «сэмвосэм». И уж никак не один, как для тех, кто думает об этом или в контексте приличий, академических норм, или чтоб не обидеть кого.

— Да мы уже давно на тебя обижаться перестали, чего на тебя обижаться? Так каких же три варианта? Что-то мы не припомним, чтоб три.

— Да помните вы все. Вот, смотрите:

Если я вижу, что вы не въехали в понятие, не сечете контекста, Бубер-шмубер, вам по барабану — тогда я вам популярно объясняю: диалог, мол, это то, се, это вам не лишь бы што. Это первый вариант. Припоминаете? Такое

встречалось в нашей коммуникации? Отлично.

Второй вариант. Вижу, что все понятно, схвачено. Схвачено — калька с немецкого «begreifen»» — схватывать. Отсюда «Begriff» — понятие, то есть нечто схваченное и удерживаемое в коммуникации. А схвачено, так и хорошо, Бахтина вы можете не читать, но понятие иметь обязаны. Значит, спокойно продолжаем разворачивать мысль дальше. Понятно, да? Припоминаете, такое тоже не раз в нашей коммуникации встречалось. Чудненько.

Эти два варианта реагирования на употребление категорий в коммуникации широко распространены. Ими все пользовались и пользуются: лекторы общества «Знание», политики, училки — да все, короче. Но есть еще некоторые, которые обращают внимание не только на разворачивание своей собственной мысли, но стремятся мыслить вместе с другими. Они следят не только за своей мыслью, но за тем еще, мыслят ли собеседники. Не просто ли слушают, но мыслят ли? Зачем им это надо, спросите вы? Да, выродки они. Вот и я такой выродок. Я, например, называю это культурной политикой. Кто-то, может, по-другому это называет, а я — вот так. А о культурной политике я вам подробнее в другой раз расскажу. Или у Бабайцева спросите, он тут где-то среди вас ошивается, или у Абушенко, если трезвый еще.

Третий вариант. Это когда я вижу, что мысль схвачена, но вам на нее плевать. Вы все равно за свое цепляетесь и дурью маетесь. Не могу я спокойно смотреть, как с мыслью, в понятийной форме категорично предъявленной, так наплевательски обходятся. Мне не смешно, когда маляр негодный, здесь пачкает «Мадонну» Рафаэля. Про Рафаэля вы знаете? Здорово! А про Аристотеля с Кантом? Ах, тоже

знаете! Рафаэль вот «Мадонну» нарисовал, а что есть «Мадонна» Аристотеля с Кантом? Правильно, это понятия и категории. Так как же можно? Никто никого не принуждает любить Рафаэля, но и никто не позволит писать на его полотнах слова из трех и более букв. За этим бдят хранители древностей, сигнализацию в музеях установили, кое-где даже тапочки требуют надевать. А с категориями что? Они ж беззащитны, с одной стороны. Каждый может категорию извратить, если будет говорить «демократия», а иметь в виду «дерьмократия».

— Ты же сам со своим Аристотелем так поступаешь: говоря «демократия», имеешь в виду «охлократия».

— Так, да не так. За Аристотеля не отвечаю, у него свои разборки были. А я, если говорю «демократия», так и имею в виду демократию, а говоря «охлократия», имею в виду то, что Аристотель имел и в культуру ввел. Даже когда я говорю «дерьмократия», я имею в виду именно ее, поганую. Это я не демократию так ругаю, как некоторые, я так называю извращение демократии. Согласитесь, извращение демократии и сама демократия — это две большие разницы. Но в реальности встречается и первое, и второе. Так, значит, каждое по-своему и надо называть. Не надо называть демократию «дерьмократией», не надо и дерьмократию называть «демократией». Им обеим это так же обидно, как слону «буйволом» называться, а Баранкевичу «патриотом». Но ведь слон чем от Баранкевича отличается? Тем, что у него совесть есть, а у Баранкевича — ни стыда, ни совести. Поэтому слону обидно, а Баранкевичу нет. Ведь совесть — это такой орган, посредством которого нам больно, когда в мире что-то неладно. Нет такого органа — так мы и не чувствуем, не видим, не слышим, что в мире нелад-

но. Вот именно в этих случаях я и посылаю в задницу или куда подальше.

— Погоди, погоди, тут какая-то сложная связь. Подробнее, пожалуйста!

— Конечно. Третий вариант — это мое отношение к реакциям тех, с кем я разговариваю. Вот представьте, что у кого-то притуплен некий орган, пусть не совесть, а чего попроще — слух, скажем. А вам нужно от него чего-нибудь добиться, любви там или стакан воды чтоб подал. Вы ему раз говорите, два раза, а от него — как горох от стенки. Ваши действия? Ну конечно — на пальцах надо показать. То есть, вы обходите объективно присутствующую инвалидность, обходите ее тем путем, который может привести и к успеху, и к цели. Ведь что такое инвалид по слуху — это человек с ограниченными физическими возможностями. (Чувствуете, какая отличная категоризация получается?) Вот вы и обходите эти ограничения, и находите обходной путь. А дальше простота уже не помогает. Вот за стаканом воды, положим, вы и сами сходить можете, не фиг человека с ограниченными физическими возможностями, инвалида то есть, по пустякам гонять, оторвете свой зад от стула, с вас не убудет.

— Не заносись, ближе к делу.

— А если ограничены не физические возможности, а иные? Духовные, скажем.

— Это как? Ты же не психов имеешь в виду.

— Нет, конечно. Вот вы же не пишете на «Мадонне» матерные слова, усы ей не пририсовываете? Я имею в виду тех, кто на этой стороне баррикады. Вы этого не делаете почему?

— Ну, мы же культурные люди.

— Мне такого объяснения мало. Вот я думаю, что разные культурные люди не делают этого по разным причинам. Одни — потому что «ни-и-зя», сторож бдит, в ментовку загреметь можно. Это тоже культурные люди. Дикарь бескультурный, он ведь не знает, что в ментовку загреметь можно. Поэтому пятиклассников, когда в музей ведут, слегка окультуривают. «Ни-и-зя», говорят, некультурно это. А ментовка, это так, риторическая фигура, используемая в качестве окультуривающей категории. Есть еще разные причины. Может, кто-то и вообще усы рисовать не умеет. Ему стыдно, что не умеет, вот и не рисует. А вот другие не рисуют усов, потому что обалдевают от красоты. Прекрасное они чувствуют, немеют перед «Мадонной», рука у них от этого онемения не поднимется усы ей нарисовать. Они смутно догадываются, что это будет вовсе не прекрасно, а безобразно. Догадываются только потому, что не видели же они усов на «Мадонне» никогда, но и видеть не хотят. Культурные ли это люди? Безусловно. Но не более культурные, чем те, кто в ментовку загреметь не хочет.

— Ну ты сравнил, ну ты загнул! Да как же это можно сравнивать?

— Да можно, и не только это. Вот вы знаете, кто такой Дали?

— Ну да, из той же компании он, что и Рафаэль, и Быков.

— Во-во. А Леонардо наш, из Винчи?

— Ну и он тоже.

— А помните, как Сальвадор Дали свои усы Джоконде пририсовал? И некоторые немеют перед этой усатой Джокондой, как и перед леонардовской.

— Да, было такое, но ведь он не на леонардовской

«Джоконде» усы рисовал. Он ее аккуратненько перерисовал и уже потом...

— Ну да, то есть, он в воображении совместил эти вещи, тоже ведь культурный человек был. И не надо делать жупел из культуры. Она есть, и будет с нее. Я про другое, я про тех, кто прекрасное чувствует, и про тех, кто его не чувствует, но тоже могут быть культурными людьми. Улавливаете разницу? Вот и Дали своими усами говорит, что и безобразное может быть прекрасным. Просто почувствуйте разницу. Он к тем обращается, у кого это чувство есть. Но не то чтобы очень обостренное. Эпатаж это, говорят.

— Ну, это мы понимаем. В Европе все-таки живем.

— Поэтому ничего, если я вас в задницу пошлю разок-другой?

— И это все, что ты хотел этим сказать. Трам, та-рарам, мы-то думали, что ты что-то умное скажешь, чего мы не знаем. И чего мы с остальными не свалили раньше? Банальности твои выслушивать?

— Ладно, без пижонства. Про усы и «Мадонну» — я ж для примера. Именно потому, что вы это все понимаете. Потому вы и здесь, на этой стороне баррикады. Но вы не забыли, что мы про категории? А это дело тонкое, тут тоже чувство прекрасного необходимо, точнее, аналогичное чувству прекрасного чувство. Мы же про людей с ограниченными духовными возможностями, помните, да? Рамки держим, на примеры и аналогии не отвлекаемся. Ведь мышление и рефлексия — дело трудное...

— Так и давай про ограниченные духовные возможности.

— Не торопясь только. Дали с его дурацкими усами —

конечно, банальность, но это теперь, не всегда так было. Почти попса, хотя и не совсем. А вот Моцарт, помните, которому Сальери про маляра негодного рассказывал? Он ведь и без Дали слушал слепого скрипача и удовольствие получал, потому как у него абсолютный слух на прекрасное был. Он даже в скрипучей скрипке его слышал, пусть и с юмором, и все такое. А есть люди без такого слуха.

— Вот видишь! Мы ж и говорим, что ты не Моцарт. Тот слепого скрипача в задницу не посылал, не то что некоторые...

— Да я даже и не Байрон, и не летчик. Я другой. Но ведь за что Сальери Моцарта убил? За то, что Моцарт такую музыку писал, что даже слепых скрипачей и цыган кабацких это пронимало, а сам Сальери так не мог, да и никто другой не мог, кроме Моцарта.

— Потому что не надо алгеброй по гармонии, а то это как серпом...

— Вот-вот, и вы туда же. Это вы про серп очень тонко заметили, и про то, по чему серпом. Чувство прекрасного в вас просыпается.

— Так Пушкин же! Он все красиво изложил, не то что ты. Ты вообще, как тот Сальери, убийца и охальник.

— А я чего, я тоже стараюсь. А что Сальери? Ведь никто не доказал, что он убийца, а вот резон кое в чем имел. Так и вы мне дело не шейте, никого я не убивал. Я ведь только говорю, что если не можете гармонией, так алгеброй давайте. А мочить никого не надо. Но мы отвлекаемся. Итак, если не можете в лоб, надо по лбу. Глухому — на пальцах, слепому — наоборот. А тому, кто категории понять — понимает, а плевать на них хотел в силу отсутствия чувства прекрасного (ну вы понимаете уже, о чем я гово-

рю) или совести, например, так ему — по лбу, поскольку это он точно понимает.

— Это мы давно сообразили, и про тебя, и про других выродков. Но неужели вы, выродки, всерьез думаете, что таким образом это пресловутое «чувство прекрасного» пробудить можете?

— Ни в коем случае. Нет, не дураки же мы совсем. Мы просто стоим на страже чистоты категорий. Помните, я говорил, хотя вы с этим и не согласились, что культурным человеком можно быть и без чувства прекрасного. Ты, главное, «Мадонну» грязными руками не лапай! Категории чистые не опошляй, над ними Аристотель с Кантом трудились, а ты их лапаешь не задумываясь!

— И все?

— И все! Чтобы быть минимально культурным человеком, больше ничего и не требуется.

— Ни фига себе, ты, правда, думаешь, что все так просто?

— Конечно, просто. Ведь чем культура от мусорной свалки отличается?

— И чем же, Сальери ты недоделанный?

— Вот стояла посреди Рима свалка строительного мусора, ее варвары (барбары, по-ихнему) и Барбарини (это просто фамилия, семья такая в Риме была) на стройматериалы растаскивали. А теперь на этом месте Колизей стоит, и никто его уже на кирпичи не растаскивает. Как свалка мусора в Колизей превратилась? А очень просто. Ренессансные выродки на остатках римской славы табличку повесили: охраняется, мол, государством, за растаскивание в ментовку на столько-то суток или вообще руки повыдергиваем. И мента, соответ-

ственно, поставили. Он воров, если что — в кутузку, а пацанов бескультурных, которые еще читать не умеют, просто матом разгонял, поскольку они без злого умысла, а так, нечаянно, чего порушить могут, слово написать лишнее. И все. Так же и с категориями. Пока на них табличку не повесишь — охраняется, так сказать, преследуется по закону, авторская собственность, и все такое, — каждый будет таскать и лапать.

— На Колизей-то можно табличку повесить, а на категорию как? Это что же, запретить словами пользоваться?

— Да нет, пользоваться — пользуйтесь. Хочешь на Колизей смотреть — смотри, фотографируй, даже рисуй карикатуры. Хоть на «Мадонну» пародии рисуй, руками только не лапай и не опошляй. За опошление категорий в ментовку тоже, между прочим, гребут, но только злонамеренных, со взломом, так сказать, это не всех касается. Это уже свои философские и научные разборки. А остальных, как пацанов, матом разгоняют, чтоб не лапали, чтоб привыкали не лапать и другим рассказали, что не лапайте, а то тут дядька сильно матюгается. Так культура возникает. А без мата какая же культура? Вот в Риме Колизей стоял и стоит, а в Беларуси где Колизей? Где фара Витовта, где Несвиж, Бочейково? Во что Минск, Новогрудок, Полоцк превратили? Все, гады, на стройматериалы растащили. Слава великому Сталину, что Вильню лиетувисам отдал, хоть что-то сохранилось. Они, правда, тоже те еще. Написали на Вильне — «Буйвол», Вильнюс то есть, но зато ниже: «Охраняется суверенным государством». И стоит Вильня, и стоять будет, как Колизей. А досталась бы она беларусам? Была бы очередная свалка. Потому не только руины охранять надо, сначала надо научиться охранять чистоту категорий.

— С этим понятно. Значит, ты только хранитель древностей, сторож только, полупьяный?

— Вы на что намекаете? Кажется, вы меня обидеть хотите, я только пока не понимаю как и за что? Ведь сторож — это звучит гордо, не менее почетная профессия, чем другие. А что касается полупьяного, так я ж за свои, к вам в карман не лезу.

— Ты правильно все понял. Сторожу — сторожево, с него какой спрос? Чтоб не лапали, и все.

— Точно, обижаете! Ну дальше?

— Это мы ко второму вопросу подходим, не забыл еще? Про гордыню и самомнение? Проповедь полупьяного сторожа — ха-ха! Сиди уж, смали свои цигарки! Проповеди он читать будет!

— Ах вот вы о чем? А с чего вы взяли, что я только и исключительно сторож? Это хоть и почетно, но я кой на что еще претендую.

— Претендуй, претендуй. Мы, конечно, Канта наизусть не знаем. У Аристотеля и Ленина всякое встретить можно. Но вот думаем, что Кант не употреблял и не вводил таких категорий, как у тебя. Не в глаз ведь и не в бровь. А куда ты там с Пушкиным соломинкой тыкал?

— Ну не я, а Пушкин (а может, и не он, ручаться не буду). И потом, если соломинкой, то, конечно, хвастаться нечем, а вот если бревном…

— Вот видишь, как ты увлекся сразу этими категориями, вот ты так всегда! Чем у тебя голова забита? Выпить, бревном бы куда ткнуть. Можно ли такой головой что-нибудь путное сделать?

— Далась вам моя голова и прочие части тела. Да у меня и живот, и ниже живота разные органы присутству-

ют — вполне раблезианская конструкция у моего тела. Голова тут совершенно ни при чем, я же вам человеческим языком сказал — я мыслю категориями, а не головой. Вы мне отвечали, что это понятно, снова дурь какая-то?

— У тебя у самого дурь. Как это не головой, а чем же?

— Да категориями. Не головой, а ка-те-го-ри-я-ми! Чего тут непонятно?

— Кончай стебаться, языковые игры тут устроил. Мыслить категориями и головой — это понятно, это бывает, бывает головой без категорий — тоже понятно. Но мыслить не головой, а чем-то там, это непонятно, поскольку такого не бывает.

— Сообразил. Вы, коллеги, абсолютно не правы. Все наоборот, категориями мыслить можно, а головой сложно. Может, и можно, не знаю, не пробовал. Вот гончар месит глину, круг вращает, а руками мыслит. От этого мышления красота происходит, керамика там всякая, амфоры, свистульки. Это я понимаю. Руки и глина, глина и руки. Их контакт, когда они друг друга ласкают, — это таинство, это почти как... Ладно, мат себя исчерпал. Голова у гончара для того, чтоб видеть, что его руки делают, форму, огонь, пылающий в сосуде, и прочее. Да там, в голове, в памяти еще всякие нормы записаны, каноны, материаловедение и прочая дребедень — все, что при создании сосуда потребоваться может. То есть, голова вполне уместна в гончарном деле, иногда без нее даже и не обойтись, а вот без рук гончар — как без рук. Поскольку руками он мыслит. Рафаэль тоже так же. А вы попробуйте изваять сосуд головой, без рук то есть. Я пробовал, ничего не получается. Руками можно, головой нельзя.

— Софистика! Демагогия!

— Заткнитесь на минутку и послушайте, что умные люди говорят. Так вот, в нашем деле голова, конечно, не помеха. Но одной головой ничего не сделаешь. Категориями можно, головой нельзя. Я мыслю категориями, это как гончар или скульптор мыслит руками, а хирург или сапер — кончиками пальцев.

— Ну, с грамматической стороны это можно понять. Хотя ты зря на нас ругаешься, ты же сразу этого не говорил. Но в голове это с трудом укладывается.

— Так голова же… Далась вам теперь уже своя голова. Я им про категории, а они мне про голову! А что, без головы вы не можете?

— Не можем.

— Ну живут же беларусы. Уже восемьдесят с хвостиком лет живут. Голова в Москве, а они тут. И ничего.

— Не ерничай, устали уже.

— Согласен. Вопрос правильно сформулируйте.

— А как это — правильно?

— А вы спрашивайте про категории, а не про голову. Вот думайте себе так: «Тут некий чудак утверждает, что мыслит категориями, а не головой». Вроде бы дурь, как сначала показалось. Потом, через басню про руки гончара уяснили, схватили, что формально так выразиться можно. Но до понимания еще далеко. Да и за голову обидно. Вы ж в нее и кушать, и думать ею привыкли. Но вы формально, без обиды за голову, она-то у вас на месте останется, спросите так, на всякий случай: «А категории где?» Вот руки, понятно где. У гончара на месте, поэтому он сосуды красивые делать может, а у тех, у кого они не из того места растут, те не могут. Так что вопрос «где?» вполне уместен. Только на

грубость не нарывайтесь. Не спрашивайте меня риторически типа: «А категории, они, по-твоему, не в голове, что ли?» Чтоб потом улыбаться по-дурацки так, по-шукшински: «Вот, срезали!» Ясно же, куда я пошлю вас за такую риторику. Вы меня просто, задумчиво так спросите, рефлексивно: «А категории, они где?» Тогда я вам спокойно и отвечу: «В коммуникации они. Где ж им еще быть, как не в коммуникации? В диалоге разве что? Так ведь диалог — это вид коммуникации. Значит, больше негде им быть, кроме как в коммуникации». Вот как я вам тогда отвечу.

— А что же тогда в голове?

(Это, заметьте, не вы спрашиваете, это я понарошку. Сам за вас спрашиваю. Поскольку вы либо задумались после моего ответа, либо вас уже давно ветром сдуло с моей стороны баррикады. Потому сам спросил и отвечаю дальше).

— Что у вас в голове, не знаю. Да и как я могу знать, что у вас в голове? Чужая голова — потемки. У меня и у самого голова не всегда ясная, но я еще помню, что там. Образы разные, память забита всяким барахлом. Способности там разные — музыку слушать, голоса человеческие, числа складывать и вычитать. Еще фобии, архетипы, установки, грамматика, у некоторых даже и логика. В общем, фантики.

— Ну если логика, так и категории должны быть?

— Они вроде бы и есть, да не совсем они. Вот, скажем, пишу я сейчас в редакторе «Word», а он, падла, мне слова красным или зеленым цветом подчеркивает. Напишу «реникса»[1] — подчеркнет красной волнистой линией. Я у него спрашиваю: «Что тебе не нравится?» А он мне: «Нет такого слова в словаре». Словарь у него есть, видите ли, так на этом основании он мне указывать будет? Молчи уж, ма-

шина безмозглая! У него даже тезаурус есть. А уж когда он грамматику проверять начнет, тут просто со смеху со стула упасть можно. Употребишь, бывало, какую-нибудь категорию или слова не так согласуешь, а он подчеркнет всю фразу зелененьким и советует подумать, допустимо ли употреблять вульгаризмы в умном тексте. Прикидывается, значит, что может отличить умный текст от вульгарного. Ошибки грамматические и стилистические ловит. А вот проверим: «Идет дождь, но я с этим не согласен». Ага, и не просек! Слабо. А вот еще: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков». (Иоанн, 1:4). Видите, видите, подчеркивает «человеков», на что это похоже? Он же Библию править пытается. Витгенштейна он не понимает, и имени такого не знает, потому и не трогает, а Библию трогает. А какое право имеет? Дурак, одно слово. Вот так же и с головой. Там много чего есть. Даже тезаурус с как бы категориями, но самих категорий нет. Там только словоформы и все такое. Вот не знает голова, что такое куздра, тем более глокая. Не знает, что она бодлануть может, если что не так. А вот проспрягать глагол может. Я бодлаю, ты бодлаешь, она, куздра то есть, бодлает, мы бодлаем. И так без конца можем бодлать[2]. Как некоторые эксперты в диалоге общественно-политических сил Беларуси. Только толку-то от этого?

[1] Чепуха, то есть. Учитель на сочинении ученика написал «*чепуха*», а ученик прочитал «*renyxa*».

[2] Бодлать, может, и не бодланем, но вскудрючить можем (см. Щерба: «Глокая куздра, штеко бодланула бокра, и кудрячит бокренка»). На что следует обратить внимание? А на то, что высказывание Щербы куда осмысленнее, чем приведенное выше Витгенштейна.

— Ну, разошелся, сам же говорил, что грамматика полезна.

— Конечно, полезна, но я еще не закончил. Вот скажу я, бывало, так: «Давайте займемся симультанированием сукцессивного ряда», — и всех коробить начинает (вот и «Word» тоже морщится), потому что слов таких не знают, хотя каждый день этим занимаются не задумываясь. А скажу другое: «Давайте помыслим с вами о ...» — и никого не коробит, слова знакомые, дело, казалось бы, привычное, все делают вид, что идут мне навстречу. А тут уже меня коробит. Я же мышление имел в виду, а вовсе не то, что они сейчас демонстрируют. Как машина, «Word» какой-нибудь. И невозможно становится с ними разговаривать, с «Word»'ом вот тоже не могу разговаривать, писать в нем — пишу, а разговаривать — нет, увольте. Нету здесь категорий.

— Все равно не понятно. Ясно уже, что ты в головах находишь. После всего услышанного, вообще непонятно, как ты разговаривать можешь, диалог там, полилог. Вот и с нами тоже. За всех, конечно, ручаться нельзя, но в головах полный кавардак. И вроде бы все-таки разговариваешь? Или нам только кажется? Может быть, ты с нами, как с «Word»'ом , работаешь. И работа такая зомбированием называться должна. Вон Быков, другой, Геннадий который, он тут заглядывал на нашу сторону баррикады, но слинял вовремя. И линял, между прочим, именно со словами «зомбирование», и еще с чем-то не совсем цензурным в твой адрес и адрес Жихар твоей.

— Про зомбирование — это к Подголу, а я разговариваю, но ведь не с головами я разговариваю, а с людьми, с человеками. А человек — это не одна голова и прочие ана-

томические подробности, и даже не только программа типа «Word»'а в голове. Человек ведь, он по образу и подобию Его. В человеческих глазах свет Его отражается. Я ж, как Диоген с фонарем по Минску носился, чтобы свет этот обнаружить. Вон сколько вас тут собралось. Некоторые даже на Быкова, Василя, я хочу сказать, похожи. Нет, с вами я разговариваю. Про зомбирование я читал, тренировался даже немножко ради любопытства. Но заниматься этим? Нет, я бы себя уважать перестал. Да и Он не хочет, чтобы люди этим занимались, а я что, не человек что ли?

— Наверное, не врешь, нет такого ощущения. Но как же тогда возможен разговор между людьми, коммуникация, как ты выражаешься, и диалог, чтоб еще и мыслили все категориями, которых в головах-то ни у кого нет?

— Давайте разбираться дальше. Вот как вы себе диалог и разговор представляете. Две головы, два рта, четыре уха. Уставятся эти головы друг на друга, из одной головы через рот вытекает, в другую через уши втекает, потом наоборот. Так, что ли?

— Ну, если не утрировать, то примерно так.

— Тогда напрягитесь и медленно, аккуратненько-аккуратненько двинемся дальше. Представим себя наблюдателями диалога со стороны, как зрители или теоретики. Готовы?

— Ну как зрители, можно? Как теоретики — уже опасаемся. С твоими категориями и понятиями свяжешься, шарики за ролики заходят, тут уж нам не до теоретизирования.

— Если с категориями, так это одно и то же. Теоретик — это древнегреческий театральный жаргон; не вдаваясь в подробности, можно сказать, что теоретик это где-то

и есть зритель. Упоминавшийся Аристофан или Эсхил, скажем, — авторы, еще несколько актеров-акторов, от слова «акт» — действие, остальные — теоретики (зрители), от слова «теория» — пожертвование государства тем, кто за входной билет заплатить не мог. Это ж мы теперь хочем — ходим в театр, не хочем — не ходим. А афиняне были обязаны, это был культ, в прямом значении этой категории, но это, впрочем, к делу не относится.

— Так и не загружай, просил представить себя зрителями, мы уже представляем. А ты опять за свое.

— Итак, сидим мы с вами в партере и наблюдаем диалог. Некий мавр, красавец, темпераментный весь из себя, грозно спрашивает свою собеседницу: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» Вопрос, в общем, серьезный, и сам ребром, и подтекст в нем слышится. Не удивительно, что собеседница задумалась над ответом. Держит паузу, правилами это допускается. А пока Дездемона держит паузу, мы с вами, как теоретики, выясним, а что она ответить может? Свободна ли она в ответе, может ли она сказать, например: «Брось ты эти глупости, Отелло, давай лучше переспи со мной». Правильно, не может. Почему не может? А потому что Шекспир, скажете вы. Конечно, Шекспир, а на него замахиваться — сами знаете как. Вон я даже и не пытался, а так, «Берегись автомобиля» вспомнил, так вы мне чуть не накостыляли. Значит, она должна сказать то, что должна сказать. Но ведь не видим же мы Шекспира на сцене?

— А зачем он там, его там быть не должно. Он свою бессмертную трагедию написал и умыл руки.

— Точно, и мы никому не позволим его бессмертную трагедию поганить. А тут Дездемона головой своей вертит,

чувствует: не долго ей на плечах торчать осталось, глазами хлопает, слова, кажется, забыла. Бывает такое?

— Бывает.

— Пауза затягивается. Что делать? Может ли Дездемона из своей головки что-то там вытащить и дать Отелле адекватный отпор?

— А на такой случай в театре суфлер предусмотрен. Не фиг из головы выдумывать, суфлера надо слушать.

— Вот и я ж вам про то же говорю. Не фиг из головы выдумывать. Забыл реплику, спроси суфлера. Ведь вы на сцене не одни, тут еще Шекспир незримо присутствует. Без Шекспира неизвестно, чем бы там у них дело закончилось. Помирились бы и жили счастливо. А с Шекспиром — кранты. В морг, значит, в морг.

— Так это ж театр, это понарошку, с одной стороны. С другой стороны, есть действующие лица, и исполнители есть этих действующих лиц. Они же играют, то есть исполнители играют действующих лиц, исполнители-то живы останутся, это действующих лиц — в морг, а потом на кладбище. Ты жизнь-то с театром не путай.

— Шекспира на вас нет. Он бы вам сказал в этом месте, что вся жизнь — театр, и все люди — и мужчины, и женщины — играют в нем каждый свою роль, какая кому отведена.

— Это мы знаем, не ты один Шекспира читал.

— Дался вам этот Шекспир. Я как раз не Шекспира вам пересказываю, а совсем другую пьесу. Я еще и первую Книгу читаю, исходник, так сказать, с которой и Шекспир, и Быков списывают. И правильно делают, нет в этом плагиата. Сечете, что утверждается? Есть действующие лица, и есть исполнители. У исполнителей может быть своя голо-

ва на плечах, а у действующих лиц есть текст Шекспира. Актриса, может, и не прочь бы с мавром переспать, а Дездемоне предписано умереть, и точка. Вот если бы Шекспира не было, тогда — пожалуйста. А он есть и все видит. Видит, ну хотя бы глазами суфлера в будке и нашими с вами, в партере. Ясно ли это?

— Ну, ясно. Любишь ты все запудривать, затягивать. Но мы уже привыкли, можем даже наперед догадаться, что ты дальше скажешь.

— Вот как интересно! Не уж-то уже догадываетесь, что я дальше скажу?

— Догадываемся. Ты сейчас начнешь…

— Стоп, стоп! Мы же с вами пьесу смотрим, а вам нравится смотреть пьесу, когда сосед бубнит под ухом: «А она щас… а он ей как…»? Хоть вы тоже люди образованные и пьесу не первый раз смотрите. Не нравится? И правильно. Ведь интересны еще и паузы театральные, и мастерство актеров, катарсис собственный, экстаз.

— Ага, тебя сейчас на новую басню занесет. «Поэтику» Аристотеля мы, может, тоже читали, пусть и в пересказах. Ты еще эту басню не закончил, не отвлекайся. Хоть мы уже и догадываемся о продолжении пьесы, но ведь в самом деле интересно, как ты ее исполнишь.

— То-то же! Но я не на басню новую отвлечься хотел, а на эпохе, рефлексию, по-нашему говоря. А это вещь совершенно необходимая, и отлагательства не терпит, раз уж приспичило, то — либо эпохе, либо все кончено. А чтоб басню продолжить, за этим дело не станет. Вот скажите, откуда у вас такая антиципация или апперцепция?

— Ты проще, без матерных выражений спроси. Может, и ответим.

— Я спрашиваю, как это вы предвидите, что я дальше говорить собираюсь?

— Ну, логика, наверное, законы жанра, намеки твои тоже...

— Отлично, но мало. Логики точно мало. Вот у Дездемоны, по логике, есть варианты ответов: 1. Да, молилась. 2. Нет, не молилась. 3. Затрудняюсь ответить. 4. А пошел ты...! И все. Остальное — неинтересные разновидности, диктуемые, в том числе, и законами жанра. А намеки? Их еще услышать надо.

— А что тут трудного? Вот ты про Книгу сказал, откуда Шекспир списывает. Имеющий уши да и услышит.

— Ага, значит, в Книгу иногда заглядываете?

— Ну, заглядывали.

— А где она, есть ли у кого прямо здесь?

— Ну, прямо здесь, может, и нет, но вообще есть.

— А если Книга вообще есть, то как же в разговоре всякую херню нести можно?

— Мы-то уже и поняли, что нельзя. Давно уже не несем.

— И правильно. А если я скажу, что антиципация и апперцепция в диалоге возможны, поскольку есть у нас с вами единство этой самой апперцепции, трансцендентальное, так сказать, единство? И представить его можно в виде книги, или Книги, которой, хотя и нет под рукой в каждый конкретный момент времени, но вообще она есть. Как Шекспир — на сцене его нет, но вообще есть, незримо присутствует и ахинею Дездемоне нести не позволяет. Согласитесь ли?

— Допустим, только пока, а как оно на самом деле — не знаем.

— Пока что и достаточно. А если вы такое принци-

пиально допустить можете, то тогда можете понять и такую точку зрения, при которой нет принципиальных различий между диалогом в жизни и диалогом на сцене. Можете?

— Наверное, можем. Только басню уже подзабыли слегка, от твоего эпохе и рефлексии. Ты напомни, и если это возможно, без художественного свиста, а в чистом виде. С категориями там, понятиями.

— Напрасно вы думаете, что так проще будет, но я с вами солидарен, что правильнее. Потому по-прежнему буду чередовать басни с категориями и понятиями. Если у нас с вами рефлексия уже есть как способность и мы ею, как эпохе, технически пользоваться можем, то не заблудимся. Напомню про действующих лиц и исполнителей. Когда мы рассматриваем разговор двух и более людей, этот момент обязательно надо учитывать. Внешне мы видим двух людей, но уже знаем, что они как бы удвоены или раздвоены. Итого — четыре элемента обязательны для диалога. Одно действующее лицо и другое, а также, соответственно, исполнители упомянутых лиц.

— А как же их различать-то? На сцене просто, а в жизни? Хотя и на сцене различать не всем просто, это только культурным людям дано, дети же этому еще учиться должны. А в некоторых культурах театра вообще нет. Вон как Борхес рассказывал про перевод «Поэтики» аристотелевской на арабский язык. Хохма.

— А не надо их различать. Об этом помнить надо, и все, а различать другое надо.

— С тобой не соскучишься, опять новые категории, мы и за имеющимися следить еле-еле успеваем.

— Так ведь успеваете. Те, кто не успевают, уже давно

свалили. Оглянитесь, как мало нас на этой стороне баррикады осталось!

— Так ты еще и про баррикаду помнишь? Мы думали, что давно забыл. Сами только краешком сознания помним, увлеклись. Ждем, когда закончишь, нам же тебе еще накостылять надо было.

— Ну, рамки-то я держу. О личной безопасности пекусь не меньше, чем о диалоге. И вы держите. Накостылять вы мне хотели, но уже не хотите, прислушайтесь к себе. Времена глаголов не только при правописании важны. Чем меньше нас остается по эту сторону баррикады, тем здесь безопаснее и комфортнее. И диалог серьезнее. Ну где вы видели на той стороне баррикады такой замечательный диалог, какой у нас получается? Вы-то хоть головой думать пробовали, а они чем думают? Они там не то что диалог, Конституции нормальной принять не могут. И не смогут (будущее время глагола). Вот мы тут закончим и все для них сделаем. Не пропадать же им там, сограждане все же. И баррикаду разберем, всему свое время.

— Ладно, ладно. Так, говоришь, различать их не надо, но помнить об этом надо, а различать надо что-то другое. Вот про это и рассказывай.

— Так я уже рассказал почти.

— Когда? Заснули мы, что ли?

— Ну, не рассказал, а продемонстрировал. Во, смотрите, вернемся к только что состоявшемуся куску разговора. Мы уже давно не касались диалога, конституционных противоречий, а ведь помним. Сами все больше про Аристотеля, Дездемону, категории и прочее, а диалог помним, 22-й пункт Стамбульской декларации вовек не забудем. Потому что рамки, рефлексия и вообще мышление. Цель еще у нас

есть, может у каждого своя, но есть. То есть, помним, но не различаем, на какой, например, стороне баррикады Шекспир с Аристотелем, а различаем их аргументы, понятия и категории. Так же и здесь. Не надо нам различать действующих лиц и исполнителей, когда мы диалог или коммуникацию рассматриваем; в диалоге, напоминаю, два только участника. А помнить об этом надо, чтобы не путать отсебятину актрисы, играющей Дездемону, и текст Шекспира. Баранкевич вот — тоже мужчина видный, может, ему женщину хочется, а тут Вик или даже страшно оппозиционный Федута. Ему хочется сказать: «Федута, а давай по пиву, а потом по бабам!» Ну где там! Он должен реплики произносить, с суфлером их сверять. Видите его суфлера?

— Ты Лукашенко имеешь в виду?

— Нет, все ведь сложнее. Лукашенко поет под ту же дудку, что и Баранкевич.

— А где же эта дудка и где суфлер?

— Ну, некоторые это менталитетом называют, другие архетипами или коллективным бессознательным. Идолами рода, пещеры, рынка, театра. Не думайте, что идолов Подгол первым придумал. Списал, как все нормальные люди делают, с книги, другим написанной. И это все, заметьте, в диалоге присутствует.

— Так давай мы все, что в диалоге присутствует, перечислим, чтоб не путаться. Первое — действующие лица. Второе — исполнители. Третье — менталитет исполнителей. Четвертое…

— Нет, коллеги. Вынужден вас перебить.

— Всех не перебьешь, хоть нас и не много на этой стороне баррикады осталось. Скорее уж мы тебя.

— Шутить изволите?

— А с тобой иначе нельзя.

— И правильно. И то правильно, что нельзя. Но правильно также и то, что без юмора и иронии никакого мышления и рефлексии не бывает, и, как я вам дальше расскажу, не бывает и диалога.

— Что, и в диалоге о конституционных противоречиях нельзя?

— И в нем нельзя. Ведь конституционные противоречия и возникают только у тех, кто имеет страшно серьезное выражение лица. Хотя бы у барона Мюнхгаузена спросите. Или у Умберто Эко. Нацепят некоторые серьезную маску на морду лица и думают, что им все можно. И конституционные противоречия устраивать, и не замечать потом этих противоречий.

— Хорошо, хорошо. К этому ты еще вернешься, мы рамки держим, не забыли, что обещал. А пока ты нас перебил на интересном месте, когда мы про четвертое в понятии диалога говорили.

— Так я же потому и перебил, что нет четвертого в диалоге, да и вообще, вы все не так посчитали.

— Тогда сам считай.

— Ну вот. Про диалог нужно знать, что в диалоге есть. Один участник — это раз. Второй участник — это два. Единство апперцепции — это три. И все.

— Как все? А действующие лица, а исполнители, а суфлер? Зрители, наконец. На фиг ты это все приплетал?

— А чтоб помнить и понимать.

— Ну темнило! Как же это понимать-то? Даже наоборот, как же без этого-то понимать?

— Вот я и говорю, без этого ничего не понять, поэтому и надо об этом помнить.

— И как же это, отдельно помнить, отдельно понимать, и еще отдельно знать, что в диалоге есть только раз, два, три и все?

— Да вы же все умеете. Вот смотрите. Я иду вам навстречу и буду считать дальше все, что мы можем в якобы диалоге увидеть: у каждого участника по два уха — это уже четыре, пять, шесть и семь. По десять пальцев на каждого, которыми они друг другу в волосья вцепиться могут, — это восемь, девять...

— Понятно, а...

— Не перебивайте, я же еще волосья не сосчитал, хотя у некоторых и считать-то нечего.

— Во, блин! Это же несущественно, что ты ерничаешь опять?

— А именно потому, что для знания о диалоге многое несущественно, а вот чтобы понимать диалог, тут, наоборот, многое требуется, и обо всем этом помнить надобно. Причем помнить и теоретикам-зрителям, и участникам.

— Ну наворотил категорий! Ты на примере поясни.

— Я же предупреждал, что без басен обойтись трудно, особенно в понимании. Можно и одними логическими конструкциями обойтись, но это долго. Это как муху прихлопнуть: все знают, как это делается, и показать могут. А попробуйте это математически выразить? Расчеты потребуются не меньшие, чем для расчета траектории баллистической ракеты для поражения движущейся мишени.

— Не тяни.

— Я и не тяну, меня Крупник уже за это била, у вас на глазах, между прочим. А теперь вот руки не распускает больше. Может, и не поняла еще, но руки уже при себе

держит. Так и вы терпите. Так о чем это мы? Ах да, комедия дель арте!

— Какая еще комедия? Не было никакой комедии. Трагедий нам шекспировских мало, так он еще комедию приплести хочет.

— Не было, так будет. Без этого понять ничего нельзя. А я даже и не спрашиваю: хотите вы понимать чего или нехотите. Не хотите — сваливайте, на той стороне баррикады вам всегда рады будут.

— И свалим, там приличные люди, как выясняется, не то что здесь.

— Скатертью дорога, а может, и земля пухом. Я Жихар с Крупник все расскажу, и довольно с меня.

— Ага, даже и Бабайцева удержать не сможешь.

— Вы за Бабайцева не беспокойтесь. Он даже если и свалит, то с той стороны баррикады подслушивать будет. А если и все свалят, так я и сам себе расскажу. Помните, я уже говорил и всегда готов.

— Ладно. Ты, наверное, леденцов ментоловых объелся. К маме — так к маме. Надо — так надо. Разыгрывай дальше свою комедию.

— Так уже почти, это ж как в дель арте. Там тоже все друг с другом разговаривают, потом еще сами с собой, потом на публику играют специально и импровизируют безбожно, поскольку тексты уж больно архаичные, репертуар десятилетиями не меняется.

— Что это все значит?

— А то и значит. Мы с вами на трагедию Вильяма нашего Шекспира ходили? Ходили. Так там же текст бессмертный. Там актриса себе ничего не позволяет лишнего. Зачесалось у нее, скажем, кошачье место. Так она себе

не позволит сказать «Отелло, милый, почеши мне спинку, а я тебе потом все расскажу, молилась ли я на ночь». Нет, она так ни за что не сделает. Она суфлера мужественно выслушает и умрет, как подобает гордой венецианке. Не-то с Тартальей и прочими канальями из комедии масок и разных положений. Они, например, берут палку, чтоб партнера поколотить, и громко говорят: «Щас я его поколочу!» Но только они это не тому говорят, кого бить будут, хоть и очень громко говорят. Они это как бы про себя говорят. Но только как бы для себя, а на самом деле — для публики. А тот, другой, Панталоне, например, как бы и не слышит, он в это время какую-то агитку на злобу дня публике рассказывает, чтобы ей смешней было. Поскольку текст старый, публика эту пьесу миллион раз видела, приходится. Жалкое представление о таком театре вы можете получить, посмотрев что-нибудь из Вахтангова там, или Гоцци. И никакого представления вы об этом уже не получите, если будете смотреть только пьесы Островского, особенно в постановке Станиславского. Но это мелочи. Вот что важно, так это вопрос, что больше на жизнь похоже, какой из театров реалистичнее? Не буду, не буду я от вас ответа требовать! Ясно же, что подставка, а зачем мне вас подставлять? Мы же всерьез разговариваем, потому сам и отвечаю — правильно, комедия дель арте гораздо реалистичнее отображает диалог, чем все Шекспиры со Станиславскими и Чеховым в придачу. Хотя у Шекспира комедии порой ближе к дель арте, чем к собственным трагедиям. Но не будем влезать в тонкости реализма и символизма в театре[3].

— Ну ты нагородил!

— А чего, что-нибудь не понятно? Так я объясню.

— Нет уж! От твоих объяснений ничего яснее не становится.

— Да бросьте! Вы же это все можете. Сходите хоть раз в театр, на комедию дель арте. Сходите. Нет, на «Отелло» тоже можно, но там все засимволизировано слишком. Там никто масок к лицу не подносит, предполагается, что

[3] Вижу, еще не достаточно я все разложил. Вот дальше. Вообще все упростим. Персонажи комедии дель арте все в масках. Дадим эти маски им в руки на палочках, как в еще более древнем афинском театре. Поехали, выделяем **жирным шрифтом** текст на сцене, а *курсивом* — мой закадровый. *Персонаж А подносит маску к лицу и поворачивается в ней к персонажу Б.* **Ты прохвост!** *Отводит маску от лица, поднимает глаза вверх:* **О, Святой Гомерициий, помоги мне его поколотить!** *Затем, опустив палку маской вниз и повернувшись к публике:* **Сейчас я ему задам, как вчера сеньор Брунулески вмазал Пьетро, старшему сыну кондотьера Помпанелли, застукав его с косоглазой своей племянницей Амаласунтой в патио собственного дома, спрятавшимися за бочкой прокисшего пьемонтского, поскольку в этом доме иного не держат. Ха-ха.** *Снова поднимает маску к лицу, подмигивает под маской Б, что должно означать «Отодвинься от края сцены, чтоб мы нечаянно не свалились». И орет благим матом:* **Поколочу!**

Что же из всего этого слышит несчастный персонаж Б? Предполагается, что он из этого всего слышит только: **Ты прохвост! Поколочу!**

Что слышит актер, играющий Б, а публика слышать не должна? То, что нужно разместиться поудобнее на сцене.

Что слышит Святой Гомерициий? Только то, что ему положено слышать — не про косоглазую же Амаласунту. Это ему совсем не интересно.

А что же слышит публика? А она весь этот бред должна выслушивать. Вот смотрите: **Ты прохвост! О, Святой Гомерициий, помоги мне его поколотить! Сейчас я ему задам, как вчера сеньор Брунулески вмазал Пьетро, старшему сыну кондотьера Помпанелли, застукав его с косоглазой своей племянницей Амаласунтой в патио собственного дома, спрятавшимися за бочкой прокисшего пьемонтского, поскольку в этом доме иного не держат. Ха-ха. Поко-**

зритель уже достаточно подготовлен и все необходимые операции понимания в уме производит.

— То есть, в голове у себя?

— Да нет, это мы уже разбирали. Не в голове, а в уме, в некоторых головах ведь ума может и не быть. Шекспир рассчитан на людей с умом. А вот комедия дель арте пред-

лочу! А что же интересует во всем этом публику? Да только вчерашняя сплетня про Пьетро и Амаласунту, поскольку никакого Святого Гомериция в святках нет, а то, что А побьет Б, так это каждый день в представлении повторяется. Представляете, какой способностью к рефлексии должна обладать публика в театре дель арте? Но ведь так и в жизни. Публика должна понимать следующее. Имеют место пять совершенно разных диалогов — не один, а пять: 1) Действующее лицо А с действующим лицом Б; 2) Исполнитель роли А с исполнителем роли Б; 3) Действующее лицо А с виртуальным Гомерицием, то есть с самим собой; 4) Действующее лицо А с публикой; 5) Театр (авторы и актеры) с публикой. Вот такова волшебная сила искусства. Это уже Шекспир и Станиславский свели все это многообразие к минимуму — к диалогам на сцене и к диалогу автора с публикой посредством актеров.

Хорошо хоть до Станиславского Козьма Прутков был! А у него дед.

В «Гисторических материалах Федота Кузьмича Пруткова (деда)» персонаж хотел соблазнить молодую супругу хозяина дома и придумал, что за столом он громко скажет для всех: «Я еду на свою мызу». И тихонечко, для вожделенной скромницы: «Пойдем на антресоли». Но все перепутал и, про мызу он сказал тихонько, а потом, целуя руку дамы, громко пригласил: «Пойдем на антресоли!» Понятное дело, вышел конфуз. А почему? По причине потери рефлексии и слабости памяти.

Прошу поэтому всех: знайте, помните и понимайте. И главное, рефлектируйте, что означает — не путайте, где вы помните, где знаете, а где понимаете. А то знаете, как бывает? Здесь — помню, здесь — не помню. Знаю же, что некто президент в реальности, а в действительности — нет, но не понимаю, как это возможно, как это публика терпит? Но знаю. И знаю же этого некто как облупленного, но послушаю в диалоге — и нехрена не понимаю. Так мало того. Не только не понимаю, но уже и непомню — ни как звать, ни кто такой. Ну и всякие прочие неприятности от этой путаницы случиться могут.

полагает только зрителей с пониманием, ну и с памятью. А вот в театр кабуки можете не ходить, там символизм другой, зачем себе мозги пудрить?

— С тобой поговоришь, любой театр обрыднет, какие там кабуки?

— Не, театр это здорово, вот диалог общественно-политических сил, это, в самом деле, брыдкае зрелище. Или лучше я по-славянски скажу — позорище. Вот именно так это и называется. Не відовішча, не зрелище, а прама на чыстам славянскам языке — позор и позорище. Там никто не понимает, кому он говорит, что говорит. Кто он сам в этот момент, когда говорит, в маске он говорит или сам от себя, а может, уже маска сама заговорила, и сама с собою говорит…

— А может ты просто тупой?

— Я-я-а тупой?

— Ну-ну, ты ж сам про себя так говорил.

— Так я ж с гордостью это говорил. Категория у меня такая. Я в это смысл вкладывал, специальный. Я же хочу, чтоб и вы, так же как и я, тупо раскладывали. Вот маска, а вот исполнитель роли в маске. Вот он текст выученный читает, а вот он отсебятину порет. Вот текст переврал. А вот в нем совесть заговорила, и он как следует роль играть начал. В программку чтоб заглядывали — а кто это сегодня так бездарно играет? — и так далее.

— Мы, в самом деле, немножко другой смысл в это вкладывали. Мы хотели спросить. Вот ты в дель арте разбираешься, в греках там, в Шекспире, а в кабуки, может, и нет?

— Ну, не стану врать.

— Так, может быть, диалог в Беларуси идет по символике кабуки. Или по какой другой, а ты этого не понимаешь?

— Такого не может быть. Диалог — он и в кабуки диалог. Просто маски там очень особые — грим, таким толстым слоем наложенный, что лица не видно. Зритель контексты другие домысливать должен вместо декораций. Символика и язык другие. А так — те же участники и та же книга в качестве единства апперцепции. Кабуки, наверное, по-своему совершенен. О, если бы в Беларуси кабуки был! То есть, он был. Батлейка, там Его рождество показывали. Помните, я вам про царей в хлеву рассказывал. И на злобу дня там не хуже, чем в дель арте. Только где оно, под развалинами какого Козлолея погребено? А сейчас? Одно позорище и осталось.

— Как и театр весь?

— Ну не весь, наверное. Есть альтернативный там, перпендикулярный. Дударев, опять же. Только кто ж нынче Дударева слушает? Елизарьева, Григалюноса там, Динова? Про Пинигина и вовсе молчу, выперли, не уберегли, да и кому он тут сдался. Сплошной театр одного актера, кукольная комедия с марионетками. Я ж вам про кино рассказывал, про Вайду с Быковым. Допытывался: любите ли вы хорошее кино. Или вам — лишь бы было?

— Так, значит, есть в Беларуси хорошее кино?

— Ну есть, в принципе… Но диалог ваш мне все равно не нравится. Низэнько что-то у нас хорошее кино летает. Вы меня на квасном патриотизме не ловите! Это русские хай сабе по балету Америку догоняют и перегоняют. Сначала бы свою Федерацию закрыли, да слегка почистили, а потом уж па-де-де французские вытанцовывали бы. Может, лет через сто и современный танец бы освоили.

— Опять погнал. Какая же связь все-таки у кина хорошего с диалогом? Что, Дударева в диалог послать, что ли?

Быкова? Ведь не так же прямолинейно тебя понимать?

— Дударева, конечно, никуда посылать не надо, он и сам кого надо туда пошлет. А диалог общественно-политический он в гробу видал. В чем-то он по-своему прав, а в чем-то и не прав. Потому что шире смотреть надо. Он как бы и смотрит шире, а все равно не прав.

— Ладно, про эту туфту ты потом расскажешь, а сейчас давай назад. Так какая же связь между хорошим кином и всем остальным? Эстетические суждения у тебя, прямо скажем, странные. Да и вообще, откуда ты свои суждения берешь?

— На этот счет Кант «Критику способности суждения» написал. А там...

— Слушай, Крупник нам твоя — не указ. Мы с нее пример брать не будем. Еще раз Канта или другую какую комедию начнешь травить, пришьем без сожалений. По делу давай.

— А как же я вам без Канта расскажу, откуда суждения берутся? Я ж там их беру. Вы меня просто в неловкое положение ставите.

— Мы уже это усвоили, откуда твои суждения берутся, из трансцендентального с Кантом единства апперцепции, из книги и из Книги. Из последней ты еще проповедь нам собирался читать[4]. Но это все касается

[4] «Это невозможно», — наконец-то выдавил из себя хоть что-то Бабайцев. Это, между прочим, знаменитый интеллектуальный эколог. То есть, не умный эколог, как может показаться на слух, нет, он, скорее, эколог интеллекта, то есть специалист по интеллектуальной экологии. Опять же, не подумайте, он не неумный, это я так выразился неудачно, а вообще-то, он... Блин, запутался совсем, впрочем, я с ним отдельно разберусь.

категорий, которыми ты мыслишь, а без них — не можешь. Тоже ведь своего рода человек с ограниченными возможностями, инвалид, так сказать: все могут, а — не может.

— Спасибо, что наконец заметили! А сколько раз я вам намекал, что я выродок, урод, тупой. Ну, говорил?

— Ну, говорил. Мы ж тогда думали, что это так, метафорически.

— Конечно, метафорИчески! Я же вам говорил, что мыслю категориями. Другие вот руками, некоторые даже головой пытались, я — категориями, а вы — метафорИчески? Да мне, может, пенсия по инвалидности полагается. Или — на худой конец — в кунсткамеру, как урода. Но раз вы знаете про мои ограниченные возможности, так и спрашивайте соответственно. Спросили, откуда я суждения беру, я и стал отвечать, как тупой: из тумбочки (чтоб не поминать Канта лишний раз) и беру.

— Да, согласны, некорректно спрошено. Мы еще подумаем, а пока на часть того вопроса ответь, на ту, что проще формулируется. Ведь про Дударева Кант ничего не писал, откуда ты взял, что Дударев хорошее кино делает? Опять же, не в Каннах тебе это, наверное, сказали? И как ты Дударева в это все вкручиваешь, если на диалог его посылать не надо?

— Ну, на всякое кино — свои Канны, это — во-первых. Во-вторых, речь ведь не столько о Дудареве, сколько о нашем отношении к Дудареву. Дударев ведь и сам в диалоге херню нести не будет, если что — будет молчать, как рыба об лед. Помните, как Дездемона, девочка наша несчастная, паузу держала, но херню не несла. Почему Дударев молчать будет как Дездемона, а совсем не так будет молчать Дударев,

как Зоя Космодемьянская? Чувствуете ли, каким разным смыслом наполнено это молчание. Найдите, раскопайте в себе «чувство прекрасного» (это мы уже проходили) и услышьте молчание Дударева и Дездемоны. Или в вас способно пробудиться только чувство сострадания к героической комсомолке? В диалоге чувство, которым вы слышите молчание Зои Космодемьянской, вам не поможет. Принципиально монологично это молчание, а в диалоге, напротив, нет совершенно места подвигу. Принципиально по-разному молчали и умерли Дездемона и Зоя Космодемьянская. Усекли, о чем я тут говорю? Ведь не лишены же вы ни чувства сострадания, ни чувства прекрасного.

— Да, не лишены ни того, ни другого. Мы и раньше это говорили, когда ты изображал крокодильи слезы по Дездемоне.

— Тогда я спрашиваю: что общего у наших виртуальных Дударева и Дездемоны и чем они отличаются от Зои Космодемьянской? И отвечаю вам: общее у них — это книги, в которых они вычитывают то, что могут и должны говорить, и в том числе, книги самого Дударева в эту категорию входят. И отличаются они от Зои Космодемьянской именно этими книгами, которые в детстве читали и которые в каждом диалоге у них перед глазами.

— Ну, с Дездемоны какой спрос, а Дударев и без тебя за себя отвечать может. Скорее всего, ты наврал про него все. А вот ты, значит, все суждения списываешь где-то? Сам-то, видимо, ничего не можешь? Да и списываешь все с искажениями и собственными измышлизмами.

— Значит, с измышлизмами?

— Конечно! То, что в твоих суждениях узнается, так извращено, что авторы, наверное, в гробу ворочаются.

— Так ведь если измышлизмы встречаются, то я и сам кое-что могу? А вы говорите — «ничего».

— Можешь «Мадонне» усы пририсовывать!

— Ну и что, Сальвадору Дали можно, а мне нельзя?

— Да, может, ты и про Дали все наврал?

— Да не вру я ничего, просто классическое наследие творчески обрабатываю.

Ведет меня. Лица перед глазами плывут. Уже плохо соображаю, что говорю, зачем и кому. Что-то важное я упустил, просмотрел, недопонял. Ищу в толпе лица Бабайцева, Крупник и Жихар. Осуждение на их лицах читается, а может, и сочувствия немножко. Но помощи от них, похоже, не дождешься. «Помогите, — телепатирую, — несет меня поток сознания в пучину бессознательного!» Чувствую себя Кандидом в Лесу. Схватился за свои категории, как Кандид за скальпель. От мертвяков отбиться — отобьюсь, а с лиловым туманом над головой что делать, с неконтролируемым потоком сознания? С каждой новой басней думаю, что до Города уже рукой подать. Выйти только и — прямо до Города через тростники, от хлебной лужи направо, а там — через деревню, что грибами заросла. Бродила только не забыть побольше захватить. В Котлован бы только не свалиться, Город бы с Чевенгуром не перепутать. Тут проводник нужен. «Колченог, — говорю, — будь моим Вергилием. Веди меня в Город! Поведешь? Завтра с утра встанем, Наву возьмем и прямо на Выселки, а потом в Город! Пойдем?» Вергилий тогу поправил и говорит: «Отчего ж не пойти, пойдем. Бродила вот только запасем с вечера, встанем и пойдем. На Выселки прямо и направимся, а там и Замок виден. Мы в Замке перекусим — и дальше, от

Котлована налево — и Чевенгур перед нами». Перебиваю его, пока еще остатки рассудка сохраняются: «Нет, — говорю, — Дон Хенаро, не надо нам в Замок, и в Чевенгур не надо, нам в Город надо, в Икстлен в крайнем случае». «Ты, Молчун, уж молчи лучше, а то вот и Беатриче на тебя жалуется. Чевенгур ведь!.. О, этот дивный новый мир!» Грибов он, что ли, переел, мескалито обшмыгался? А может, наоборот, это я съел чего-нибудь не того? Испарениями Мордора надышался? «О, Элберет! Гилтониэль! — ору, — Гэндальф, зачем ты меня оставил?» Вижу, пробирается ко мне сквозь толпу, в своем звездном колпаке, далеко только еще.

— Чего орешь?

Вопрос возвращает меня из полета.

— Это я не вам, это я о своем.

— Глюки начались? Этого следовало ожидать.

— Много вы понимаете!

— Мы чего понимаем, то понимаем. Ты-то сам чего понимаешь? Классическое наследие извращать — тут большого ума не надо. А вот ты сам-то кино делать умеешь? Чего ты тут нам про других рассказываешь?

— Ну, кино — не кино, я вот тут пьесу написал, трилогию даже задумал.

— Так покажи!

— А она уже идет, вон там, за баррикадой.

(Все поворачивают головы в сторону баррикады.)

— Там же митусня какая-то!

— Это они пантомиму разыгрывают, балет такой, это жанр без слов.

— А чего ж ты написал тогда?

— Ко всякому балету либретто прилагается, чтоб по-

нимать, о чем пляшут. Либретто в программке записано. Вы рассаживаетесь, оркестр увертюру играет, железный занавес поднимается, и начинается действие. Вот вам программка, вы в нее по ходу действия заглядывайте, чтоб понимать, что происходит (см. приложение 3. Пьеса).

Пока все смотрят спектакль, я могу перевести дух. Где там Гэндальф? А вовсе это и не он спешит ко мне на помощь, а все те же Бабайцев, Крупник и Жихар. Что-то будет!

(Дальше ход сюжета как бы раздваивается, кто-то смотрит Пьесу, а я разговариваю. Каждый может выбрать: читать ли ему Пьесу, слушать ли мой разговор с Б., К. и Ж., или просто подумать за жизнь.)

Бабайцев: Тяжело?

Крупник: Ты пошел по второму кругу, выдыхаешься.

Жихар: Ты сейчас начнешь им льстить, заискивать перед ними.

Я: Так что же мне делать?

К.: Остановись пока. Что ты вообще хотел сделать?

Я: Хотел изложить порядок ведения диалога.

К.: Во-первых, это делается не так, не в таком жанре.

Б.: Во-вторых, почему бы тебе этого и не сделать?

Я: Я ведь даже и сказал почему. Я не могу изложить схему диалога лишь бы кому. Мне нужно их подготовить. Добиться готовности понимать. Ввести их в нужное состояние.

Ж.: Зомбируешь, значит.

Я: Нет, я только...

Ж.: Слушай, а может, ты сам не знаешь схемы? Тебе нечего рассказывать.

Я: Успокойтесь, схема уже изложена. Она в другом файле.

К.: Ты хочешь сказать, что все уже изложил?

Я.: Да.

К.: Так чего ж тянешь?

Я: Я не могу. Не поймут.

Ж.: Как, откуда ты это видишь?

Я: Я не вижу их глаз.

Б.: Но это же глупости.

Я: Может быть.

Ж.: Так брось это дело!

Я.: Я уже раздал много обещаний. Может, хоть что-то выполнить?

К.: Кто об этом помнит?

Б.: Он не может, он попал в ловушку кантовской трактовки Просвещения. Публичное предъявление разума, совершеннолетие и т. д.

Ж.: От данных нам обещаний мы тебя освобождаем. В тот файл сами заглянем, если тебе это надо.

К.: А по-моему, ты уже все выполнил или почти все. Основные понятия ввел, требования изложил, техники продемонстрировал. Ну, не рассказал несколько обещанных басен — так это мелочи.

Б.: Он еще создал ожидание, что его поколотят. Ты этого ждешь?

Я: Пошли бы вы в задницу!

К.: Ладно, доставай из файла схему. Вместе подумаем, как ее ввернуть.

Ж.: А пока распусти собравшихся.

Я: Да как же я их распущу?

Б.: Действительно, они же еще помнят про обещанную проповедь.

Я: Проповедь я уже рассказал.

Ж.: Если подумать, то — да.

Б.: С другой стороны — нет. Тут дело принципа. Ты же не знаешь, как читаются современные проповеди. Здесь тебе не камни Беды Достопочтенного. Это тебе не птицам проповедовать, как Франциск. Здесь беларусы собрались.

Я: Вот точно, прочту проповедь, и пусть идут себе!

Ж.: Идиот! Какая же это тогда проповедь? Это отмазка, ФДП это, а не проповедь. После проповеди идут «не себе», а туда, куда надо.

К.: А ведь верно.

Я: Да, верно. Значит, у меня не получилось.

Б., К., Ж.: Слабак. Пацан. Все-таки не можешь!

Я.: Сделайте лучше.

К. А может, ты прав?

Я: В чем?

К.: Что они не готовы, не понимают.

Ж.: Глупости. Назначение проповеди именно в том, чтобы подготовить. Вот остальное, это уже не твоя забота, а Его.

Я: Пожалуй.

К.: Твоя проблема в том, что ты хочешь все сделать сам. А один и тот же человек не должен и проповедь читать, и схему давать. Ты не оставляешь никому никакой свободы.

Я: Вранье.

Ж.: Нет, не вранье. Вот, например, мы настолько свободны, насколько избавлены от тебя, насколько можем тебя послать.

Я: Врете. Как только вы меня посылаете, освобождаетесь от меня, то сразу попадаете в лапы еще большей несвободы.

К.: Отчасти ты прав, хотя это касается в большей части именно Жихар с ее суетой. Но и меня тоже.

Б.: Даже если бы это и меня касалось (с чем я не согласен), те-то этого не знают. Для них от тебя исходит только угроза несвободы.

Ж.: Если они так чувствуют, значит, так оно и есть.

К.: Но мы ушли в сторону, не в этом же корень проблемы, а в том, что он не может прочесть проповедь. Хотя почему ты решил, что должен?

Б.: Публичное предъявление разума — раз. Современная форма предъявления как единственно возможная — два. Он сам себе придумывает проблемы, а потом сочиняет, что это вызов ему такой.

К.: Но ведь можно себе представить такой вызов.

Ж.: Конечно. Только задача не имеет решения.

Б.: Так он же в своем воображаемом мире живет. А там, как у Стругацких, положено интересоваться только задачами, которые не имеют решения. Как же, станет он заниматься задачами, у которых есть решение!

К.: А почему вы уже решили, что эта задача не имеет решения? Вот Алексиевич вроде бы решала аналогичную задачу, только там не проповедь, а «Чернобыльская молитва».

Ж.: Ну, молитва — это молитва, а проповедь — это проповедь. Молитва — это от нас к Нему, и за нас, или за кого-то. Это совсем другое дело. Тут соучастия не требуется. Да и молитва ли там получилась? А проповедь — это от Него через нас к кому-то. Тут без соучастия никак.

Я: Меня вы уже и не спрашиваете?

Ж.: А чего у тебя спрашивать?

Б.: Нет же у тебя решения.

К.: А может, спросим? Не совсем же он отлетел.

Я: Да, спросите, спросите!

Ж.: А о чем его спрашивать-то?

Б.: Давайте попробуем. Вот скажи, в чем структура момента?

Я: Попроще чего-нибудь не можешь спросить?

Б.: Могу. Но ты же все равно не ответишь.

Я.: А если и не отвечу? Думать зато буду.

К.: Думать не вредно, но ты же в ситуацию вляпался не думая.

Я: Потому что это иначе не делается. Создаешь себе ситуацию... нет, вру. Ситуацию выбираешь, а не создаешь. Она не нами создается, она либо из хаоса возникает, либо Им для нас создается. Вот выбираешь, значит, ситуацию и вляпываешься в нее по уши, ничего раньше времени не понимая. Потом выкручиваешься, напрягая все, на что способен, выкрутишься — хорошо, нет — так тебе и надо, сам дурак. А уж когда выкрутишься, тогда и эпохе тебе, и рефлексия. Только тут и можно восстановить и структуру момента, и действия свои, и смысл всего происходящего.

Ж.: Интересно, что ты несешь? Ведь если ситуация Им для тебя создана, чего ты выбирать можешь? Раз для тебя, то и выбора у тебя нет.

Я.: А его и нет. В этом же и ситуация. Но ошибиться все же можно, и даже очень легко. Мы часто оказываемся в ситуациях, не для нас созданных, а от своих бежим. А Он нам — снисходительно другую ситуацию, а мы опять за свое. А Он...

Б.: Тормози! Здесь тебе не там.

К.: А ты, вообще, в своей ситуации?

Я.: Почем я знаю, может и в Мэри-Эннинoй.

К.: Ты себя с Алисой не равняй, та не знала, в своем она уме или в Мэри-Эннином. А ты, вроде, в своем еще. Из ситуации мы тебя, если и не вытащим, так хоть обсудить сможем что и как. А если ты еще и не в своем уме, то в общем — как с твоей Дездемоной — кранты.

Б.: Так и посмотрим. Выкрутится из ситуации — так и хорошо, а нет — так и все ясно.

Я: И ты, Бабайцев! И ты — Брут! И вы обе тоже, а может, еще и брутальнее. Так я и знал, что помощи от вас не дождешься.

Б.: А я чего? Я тебе добра желаю.

К.: Мы тебе того желаем, чего ты сам себе желаешь.

Я: Спасибо вам на добром слове.

К.: Ладно, чего делать-то?

Ж.: А я буду работать еще больше!

Б.: Ты цитируешь или всерьез?

Ж.: И так, и так правильно.

Б.: А ведь тут не надо работать, тут думать надо.

Ж.: Вот пусть он сам и думает.

К.: А ты как тут тогда оказалась?

Ж.: С вами за компанию.

Б.: Это иллюзия. С такой установкой ты должна быть на той стороне его идиотской баррикады.

Ж.: Да нет. Я в сторонах баррикады хорошо ориентируюсь.

К.: Тогда вызов и тебя касается.

Я: Мой вызов. Никого больше это не касается.

Б.: Снова один хочешь остаться?

Я: Не привыкать.

Ж.: Ладно, это я так. У меня дел по горло, а я тут всяких козлов должна из ступора выводить.

К.: Хватит препираться. Делать-то чего?

Я: А никто и не знает. И я не знаю, и вы не знаете.

Ж.: А Он знает.

Я: Он знает, но Он здесь больше не живет. Приземлялся однажды в Гародне, а больше — нет.

Ж.: Так в этом же вся и проблема.

Я.: Нет, это решение проблемы, причем не в нашу пользу.

Б.: Я ж и говорю, задача не имеет решения. В твоей постановке проблемы, по крайней мере.

К.: Неправильно, Он всегда оставляет шанс, так написано, во всяком случае.

Я: Да, если не предопределено по-другому.

Б.: Так не нам же это решать.

Ж.: Не нам решать, но работать надо не сомневаясь.

Я: Конечно. Работать надо не сомневаясь, даже неработать, а жить. Работать, не сомневаясь, нельзя.

Ж.: Да, конечно, жить, а не работать, я не совсем точно выразилась.

Я: Вот! И проверять, и выяснять.

Б.: Чего проверять-то, выяснять?

Я: А как оно на самом деле.

К.: Как же это возможно, что за бред? От тебя ли такие слова — «на самом деле»?

Я: Ага, Жихар можно неточно выражаться, а мне нельзя? Я хотел сказать, что надо выяснить, не может ли Он еще раз здесь приземлиться.

Б.: И как же ты это выяснишь?

Я: А Он сам схему дал.

Б.: Он-то дал, но ты же... Я хочу сказать, что ты все равно не знаешь, как современная проповедь на этом именно аэродроме читается.

Я: Не знаю. Но, деваться некуда.

К.: Ты только время больше не тяни. Не жди, что кто-то будет готов больше, чем уже.

Я: Хорошо, я только сам соберусь с духом.

К.: Так уже времени нет, вон — спектакль кончился.

Я: Ну, с Богом!

Глава 7

И стал свет

Все жмурятся с непривычки, руками прикрываются. Никто ничего не говорит.

— Ну что, — спрашиваю, — как вам перформанс?

— А что ты от нас хочешь? Оваций?

— Зачем мне ваши овации? Так, обсудим.

— Чего обсуждать? То, что понятно, так и без этого было понятно, а что непонятно, так с этим и вовсе не поймешь. И скажи, чтоб выключили этот свет, смотреть невозможно — не видно ничего.

— Не могу. Нет у меня таких полномочий. Да и вы же читали в программке — осветителя ищут. Кому я скажу?

— Так ведь кто-то же включил.

— И ясно кто.

— Значит, и выключить может.

— Напрасно вы так. Сказано же в эпилоге: «И тьма не объяла его».

— Ах, вот ты о чем.

— Я все время именно об этом. Но вы-то следите за

своей речью. Свет дали. А вы говорите — «не видно ничего».

— А ты-то сам все видишь, что ли?

— Не могу с уверенностью сказать, что все, но свет вижу, а остальное, как мираж — то ли есть, то ли нет.

— Значит, и ты такой же, как мы, только выпендриваешься.

— Одно только различие есть. Я не хочу, чтоб свет выключали.

— Но он же и тебе глаза режет?

— Ничего, к этому привыкнуть можно. А вот тени всякие и пачвары — разлетелись. И это хорошо.

— Может, и разлетелись, может, и хорошо, вот глаза привыкнут — сами посмотрим.

— Отлично. Пока ваши глаза привыкают, у меня к вам вопрос. А слабо список кораблей прочесть до половины?

— Каких еще кораблей?

— Ну в пьесе, помните? «В стране, где список кораблей прочесть до середины способен далеко не каждый, а может, и вообще никто».

— А что это значит? Опять кабуки какие-то. Сам сочинил, сам и объясняй! Плохая у тебя пьеса получилась, если в ней шарады разгадывать надо.

— Да ладно вам, все пьесы немножко кабуки. Список или каталог кораблей — это вторая песнь «Илиады», сочинения заслуженного деятеля искусств Древней Греции Гомера. Глава длинная, там перечисляются отряды, снаряженные басилевсами разных частей Греции в поход на Трою, и идет подсчет кораблей, на которые их грузили. Действия никакого, этакий репортаж с нудного военного парада, интрига если и есть, то понятна только современ-

никам Агамемнона. Кто там первым назван, кто в середине, кто в конце, кому из царей больше строчек уделено. Обиды, в общем, мелочного честолюбия. Уже даже и грекам классической эпохи это было неинтересно. А для нас, так нет лучшего средства от бессонницы. Прочтешь пару страниц — и крепкий сон, и сновидения на эпическую тему гарантированы. Вот и Мандельштам так пишет: «Бессонница. Гомер. Тугие паруса. Я список кораблей прочел до середины». Нормальный человек засыпает на второй странице, но чаще на первой. А этот до середины прочел, с чего бы это? Конечно, если нашмыгаться кофеином, или адреналина в крови переизбыток, тогда понятно, а так? Так вот, это вопрос из теста: можешь прочитать список кораблей до половины — оставайся на этой стороне баррикады, нет — так вали отсюда.

— Разогнались, побежим Гомера читать! В стране бардак, диалог никак не наладится. Демократические институты не утверждаются должным образом, никто не сотрудничает в выполнении и в преодолении. Сам плел про 22-й пункт Декларации, про конституционные противоречия, а тут? Гомера читайте! Ну ты даешь!

— А почему вы решили, что без Гомера можно утвердить демократические институты в стране?

— А ты почему решил, что с Гомером можно?

— Вообще-то, точно я не знаю. Но без Гомера уже пробовали — ничего не получается, а с Гомером еще не пробовали. Может, стоит?

— Так много тех, без кого не пробовали, что ж теперь всех читать? Почему только Гомер, а не, скажем, Эразм с его «Похвалой глупости»?

— Вот и я говорю, Гомер — Гомером. Но надо пробо-

вать! Вот Данте, пройдя жизнь до половины, такой Ренессанс закрутил, что любо-дорого, почти как демократические институты. И Мандельштам список кораблей прочел до середины и не заснул. Ведь это тоже чего-нибудь да стоит? Это он, может быть, силой разума сон превозмог, а значит, чудовищ и пачвар рождать не начал. А кто не прочтет, тот сможет плодить пачвар в больших количествах.

— Это, стало быть, ты таким образом наличие разума у нас проверить хочешь?

— Некоторым образом. Не по IQ же мне вас прогонять, глупости это. Вот в Минске какая-то дурацкая организация нашла кучу людей с IQ больше 140 очков, но ненужны они на этой стороне баррикады, если правильных книг не читали. И в группе № 4 диалога общественно-политических сил, которая собирается по теме «Стратегия развития гражданского общества», никто ни одной книжки про гражданское общество не прочел, а рассуждают. Я прихожу туда и вижу, как призрак коммунизма по аудитории бродит, кандалами бренчит, весь колючей проволокой обвешенный. Просто триллер какой-то. Все сидят, обсуждают мирно, а меня жуть пробирает. Я в уголок зажмусь, дрожу и жалею, что карандаш у меня не из осины сделан. А остальным хоть бы хны! «Вы не видите, что ли, — спрашиваю, — что комната полна призраков?» А они потешаются. «Нормально все, — говорят. — Это же мы так представляем себе гражданское общество». Нельзя так! «Вы, — говорю, — Поппера почитайте, Монтескье». А им это надо? «Не надо нам этого, — говорят, — мы и сами все придумаем, воображение у нас богатое». Я думаю, может, дураки они все? Но нет, IQ у них, может, и не 140, но выше 100 точно, за редким исключением —

доктора, кандидаты — не дебилы, в общем. В чем дело, думаю? Дам-ка я им 22-й пункт Стамбульской декларации почитать. Даю — засыпают на середине первого предложения, ну вы помните, оно длинное. Не то чтобы совсем засыпают. Так... в трансе особом пребывают, разум спит, а тела шевелятся, голова на шее вертится, над головой — аура менталитетная. А из той ауры пачвары стадами выплывают и весь эфир заполняют. И некуда деться от этих монстров. А Подгол их пересчитывает, инвентарные номера присваивает, классифицирует. Вот эта пачвара — разбуральнік, а эта — ствaральнік, эта — зомбирует на смерть, а эта будет наш дом — Беларусь — ахоўваць. «Подгол, — говорю я ему, — кинь дурное! Не может пачвара наш дом — Беларусь — охранять. Не должны люди жить в одном доме с полтергейстом. Не по-христиански это!» А ему что? Он Юнга начитался, еще кого-то там. И людей уже не видит и не слышит. Ему с пачварами и полтергейстами интереснее.

— А что, Юнга не надо читать? Приличный, говорят, был психоаналитик или аналитический психолог, как его там обзывают?

— Может, и надо, только ведь чтобы Юнга и еще некоторых читать, подготовка соответствующая нужна. Ведь чтобы это прочитать и не сбрендить, нужно список кораблей хотя бы до середины осилить, хоть раз в жизни.

— Что ты заладил — Гомер, Шекспир, Быков, Дударев? Неужели же это самое главное, неужели на этом свет клином сошелся? Когда его, кстати, выключат? Никак привыкнуть не можем.

— Нет, свет клином не на них сходится. Свет вообще не сходится, а расходится. Вот и на Беларусь уже немнож-

ко светит. Вы только не жмурьтесь и не ворчите. Свет от Него расходится, и в этом свете Быков есть, а пачвар, зомби и полтергейстов нету. Не могут они при свете. Вот вы выбирайте — либо Быков, либо пачвара коммунизма по Беларуси бродить будет. А Гомер — это так, чтоб разум незаснул, чтобы вы от света не жмурились. К нему не только глаза привыкнуть должны. Это ж полусонный разум от света этого слепнет.

— А ведь действительно! Сколько мы тут торчим, на этой стороне баррикады, а ни одной пачвары пока сюда незалетело, если, конечно, тебя за таковую не считать. Хотя похож временами очень. Так кто же ты?

— А как я вам на это ответить могу?

— А как думаешь, так и скажи.

— Пустое это. Не у меня об этом спрашивать надо и не про меня. Что вы все ходите вокруг да около? Гомер, Шекспир... А о главном и не думаете, и не спрашиваете.

— Так потому и не спрашиваем, что догадываемся: не у тебя об этом спрашивать надо. А у кого — неизвестно.

— Почему же неизвестно? У Него и спрашивать надо.

— А не умеем мы с Ним разговаривать.

— А вам и не надо, Он сам с вами заговорит.

— Чего же до сих пор не заговорил?

— Откуда вы знаете, что не заговорил?

— Потому и знаем, что не слышим мы Его.

— В том-то все и дело, что не слышите. Как же вы можете думать, что знаете, если не слышите? Не слышите, так и не думайте, что знаете, а так и думайте: «Не знаем». Но подумайте также, что ведь можем узнать, можем знать.

— Что мы знать-то можем?

— Вы можете знать, что Он есть.

— Ну, допустим, знаем, что Он есть, и что?

— А то, что если вы только допускаете это, что Он есть, то вы уже не можете жить так, как будто бы Его нет. Ведь если Он есть, то вы уже не только кое-что можете. Например, можете знать. И если Он есть, то вы уже и кое-что должны. Например, должны знать, что если Он есть, то это важно. Об этом тогда нельзя не знать. Ведь если Он есть, то ничего важнее этого быть не может. Ведь, по сравнению с этим, все остальное, что есть — мелочи несущественные. Эти мелочи еще чего-нибудь бы и стоили сами по себе, но только если бы Его не было.

— Ты что, проповедь уже начал?

— Нет еще, я пока только рассуждаю. Ведь вы к рассуждению уже привыкли. А вот к свету — еще нет. Как же можно в такой ситуации проповедовать?

— Так ты начинай, а там, глядишь, и привыкнем.

— Легко и просто у вас все получается. А я не могу так. Ведь я и имени-то Его не произнес перед вами ни разу, потому что Он не велел делать этого всуе. А можем ли мы сейчас сказать, что эта суетность позади, что уже пора, что можно уже?

— Может, и могли бы мы такое сказать, но как же мы это знать можем?

— Вот видите. Это если Его нет, то все можно, а если Он есть, то многое можно (можно больше, чем когда Его нет). Но многое и нельзя. Он ведь только тогда и начинает с нами разговаривать, когда мы сомневаемся: а можно ли то-то и то-то.

— Значит, как только мы засомневаемся — что можно, а чего нельзя, Он с нами и заговорит?

— Может, заговорит, но только этого мало. Многие так думали и сомневались, но Он с ними все равно говорить не стал.

— А почему не стал?

— Сказать достоверно не могу, но догадываюсь, что Он не стал с ними говорить, потому что они так были погружены в свои думы и сомнения, что все равно бы его не услышали. Он будет говорить только с теми, кто его слышать может.

— Погоди, ты же раньше сказал, что Он сам решает, с кем заговорить. А тут и от нас, оказывается, что-то зависит?

— Да я так вам и сказал. Откуда вы знаете, что Он с вами не говорит, если вы не слышите? Он с вами тоже говорит, но вы не слышите Его, как те, кто слышит только свои собственные размышления и сомнения, шумный такой органчик в своей голове. Понимаете ли, что это значит?

— Трудно это понять.

— Нет, просто. Если Он есть, а вы не знаете этого, а только допускаете, что, может быть, Он есть, то вы еще много чего не знаете, не можете знать. Например, вы не можете знать, вы ли это? То есть, вы — это вы? Если Он есть, то Он только и знает, кто вы.

— Как это?

— Вот, помните, я вам про Павла рассказывал. А Павел не всегда Павлом был, он был сначала Савлом, а про то, что он Павел, только Он мог знать. А однажды Он спросил: «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?» (Деяния, 9:4) Ведь не обратился же Он к нему по имени Павел, поскольку Савл не знал этого имени. А знаете ли вы имя свое? Он, может, давно к вам обращается, а вы не откликаетесь, как будто

бы и не к вам вовсе обращаются. И не слышите, и не знаете, и не получается поэтому у вас ничего.

— А разве такое возможно? Если Он к нам по имени обратится, мы узнаем имя свое. Но не может же Он нас чужим именем называть. Ты же только что рассказал, что не стал он Савла Павлом называть, пока тот не знал своего имени. Если Он есть, он не может так путаться.

— Он — нет. А вы можете. Проверим. Поднимитесь на баррикаду и позовите: «Беларусы!» Громче зовите. Ну что, многие откликнулись? А теперь еще раз: «Христиане!» Каков эффект? То-то же. А теперь по-другому. Крикните: «Товарищи!» Все ли уже понятно? Если нет, то спросите тех, кто не откликнулся на два первых имени: «Вы что, нерусские?» Что они там вам отвечают? Вот так вот. А вы говорите, что Он с вами не разговаривает? Он разговаривает, только вы не слышите и не знаете, что это к вам относится. Думаете, так, шум какой-то...

— Да, дела! Что же ты нам про Гомера-то все, а не про то, что важно?

— А кто вам сказал, что я про Гомера?

— ???

— Я про Него. А вы не слышите. Потому и не участвуете в утверждении и выполнении. Не способствуете преодолению, не уважаете верховенство закона, я уж не говорю про Его Закон. Как будто бы не к вам это относится, а к пачварам каким-то, что в пьесе по сцене носились. Спектакль-то давно окончился, и свет теперь на вас направлен. Не выдерживают пачвары этого света, да и люди многие жмурятся.

— Но мы же думали, что ОБСЕ это говорит.

— Так ОБСЕ это и говорит, но если вы Его не слы-

шите, как же ОБСЕ-то услышать можно? Ведь и ОБСЕ, и Шекспир, и Быков тогда и только тогда дело говорят, если это в Его Книге прочитано. Тогда это и услышать надо, и сделать, как сказано. Если они говорят то, чего нет в Книге Его, то это можно не слушать, а уж делать и подавно ненадо.

— Так что, и Он всегда третий в диалоге?

— Да, но Первым. Если Он есть — то все остальное, что есть, вторично по отношению к Нему.

— А мы не знали и не слышали. Сколько же ошибок наделано?

— Да, много.

— Как же быть?

— А ничего страшного. Если Он есть, это поправимо. Ошибки наши — вообще мелочи. Он и грехи прощает. А про ошибки я тут много наговорил.

— Так мы же и это не так слышали, наверное...

— Это-то вообще — мелочи. Я и повторить могу, с меня не убудет. А в приложениях я рассказал, как эти ошибки исправлять надо. Только вы к этому всерьез относитесь, по Книге проверяйте, а то мало ли что.

— Да, повторять, конечно, не надо. Мы сами вспомним, ты только напомни, что помнить надо. Так, на всякий случай, чтоб не забыть чего.

— Конечно. Я коротко, помнить совсем немного нужно. **Он Бог. Бог есть. Он всегда третий в диалоге и Первый. Он «Альфа и Омега, начало и конец, первый и последний»** (Откровение, 22:13). Вот и все, что нужно помнить всегда и везде.

— Это и была твоя проповедь?

— Нет еще.

— Что же после этого еще можно сказать?

— То, что сказано, и есть исчерпывающее содержание любой проповеди, но есть еще и каждая отдельная проповедь. А каждая отдельная проповедь всегда по случаю, для конкретной ситуации. И конкретная проповедь исполняется неким автором. В ней важно, кто произносит, как, кому, в какой ситуации. В определенном смысле моя проповедь началась с первых слов этого текста. А надо начинать всегда с Его Слова. И это Слово должно быть уместным здесь и сейчас. В этой стране и в этой ситуации. Поэтому все сказанное было только предисловием.

— Так начинай!

— Итак, «бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет» (Матфей, 24:42). Бодрствуйте, говорите и поступайте разумно. Проверяйте все, что говорите и делаете, на разумность и соответствие тому, как должно, а не так, как может взбрести в голову. А взбрести может всякое, и это часто случается. Сон разума может рождать чудовищ. Есть еще и советчики-лжецы, и лжепророки. Не надо их слушать. Придет Он, и будет очень стыдно, и поздно будет исправлять что-либо. Лучше бодрствовать, и в каждый момент быть готовыми к Его приходу. А как же без Него быть разумными? Как проверить то, что говорим и делаем, на разумность? Нужно у Него и спрашивать, с ним советоваться. Совет с Ним — это и гарантия разумности, и нечто большее. Христос принес в мир любовь. «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор., 13:13). И все. Больше ничего и не надо. Разумно это — советоваться с Ним, а посовето-

вавшись, нельзя поступать иначе, кроме как по любви. Нельзя — значит, принципиально невозможно. Да как же советоваться с Ним, когда Он еще не пришел? Очень просто, Он всегда там, где двое собрались во имя Его. И это диалог. Собирайтесь по двое и больше, собирайтесь во имя Его. А зачем еще? Все остальное — вторично. И все, что эти двое говорят, все, что желают друг другу и делают, с Ним сверяют. И тогда все получится. «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечереть с ним, и он со Мною» (Откровение, 3:20). Слышите? Нам стучат. Давно уже стучат. Нам стучат, а не кому-то.

Приложения и комментарии

Присутствие примечаний к тексту, возможно, требует пояснений. Авторство текста известно, и автор жив, как бы это ни противоречило некрологу Ролана Барта. В некотором смысле он, конечно, прав. Но что делать с феноменальностью? Я не знаю. И это обидно. Если бы я был Валентином Акудовичем и меня не было — все было бы куда проще. Но я не могу избавиться от навязчивого ощущения, что я есть. И с этим нужно что-то делать. А что — хрен его знает! Вообще, что делать с тем, что есть? Причем просто есть — и все, есть оно и никого не трогает. Более того: есть — и хочет, чтобы его оставили в покое, но само же нетерпит этого покоя. В этом нет даже никакого противоречия, а так — полная невнятность. Что, вообще, делает то, что только есть и ничего больше не делает? Мне кажется, что я знаю — оно обнаруживает свое присутствие. Как комар, проникающий сквозь любую сетку, если и не кусает, то противнейше зудит. Я понимаю, что автор и я — это разные вещи. Некоторые могут подумать, что написал этот текст Мацкевич. Это не совсем так, хотя я и имел к этому прямое отношение. Я был орудием автора при написании. Почему я так думаю? Не пижонство ли это? Нет, и у меня есть свидетели. Этот текст стал обнародоваться после того,

как были написаны первые шесть страниц. 5 июня текст был начат, и к вечеру эти страницы попали к читателям. Затем он дополнялся и изменялся день ото дня, а я разговаривал с читателями. Некоторым я даже рассказывал, что, по моему мнению, там будет дальше. Но продолжение не всегда совпадало с тем, что я про это думал. Где-то с пятой части я стал думать, что текст пишется или разворачивается сам, без моего влияния. Как гипотеза, эта версия имеет право на существование, но могут быть и другие версии. Вначале все было понятно. Меня достали в диалоге, меня переполняли впечатления, и я их выплеснул — такая нормальная импрессионистская установка. Я и автор были одним действующим лицом, просматривался и адресат текста. Но с некоторого момента кто-то из нас (я или автор) пришел в ужас от реалистичности изображения. Это как с кубистическим портретом Клетчатого в фильме о принце Флоризеле. Художник-кубист нарисовал свое впечатление от некоего человека, и портрет был весьма далек от фотографии. Когда, за неимением лучшего, эту мазню предъявляли для опознания, все, кто был знаком с прототипом, приходили в ужас. Оказалось, что опознание стопроцентное. Более того, опознается не только сам прототип, но весь комплекс чувств, которые вызываются изображенным на полотне человеком. Тут мы с автором разошлись во мнениях. Я сказал: «Ты пиши, а я буду читателем и единственным адресатом». Он же уперся и ввел в текст виртуального собеседника. Сначала я не разобрался и воспринимал этого виртуального собеседника как карикатуру на самого себя. Пытался даже отпускать какие-то реплики. Потом понял, что нет, это кто-то другой, к тому же не один, их несколько. Полностью исчезать из текста мне не хотелось. Да и ав-

тор, издеваясь, приводил знакомых и приятных мне персонажей в текст, которые автора в упор не замечали, а разговаривали со мной и друг с другом. В общем, с текстом стало твориться нечто невообразимое. Тогда я сказал себе: «Ладно, пусть оно пишется, а я буду читать и делать свои примечания в конце». Те примечания и сноски, которые находятся на страницах самого текста, — это проявление недоразумений, возникавших между мной и автором. Теперь я сам читаю текст и вставляю приведенные ниже примечания, рассуждения и комментарии. Но автор при этом не исчез. Его присутствие проявляется. Возможно, придется еще делать примечания к примечаниям и так далее. Поручиться ни за что не могу. Более того, я собирался просто сделать приложения к тексту, в которых хотел привести схему действий, описать диалог общественно-политических сил таким, каким он должен быть. А теперь даже и незнаю, как с этим быть. Хорошо Акудовичу. Я ему в чем-то завидую, правда, в чем-то, наоборот, сочувствую. Его нет, ему проще, а если бы он был, то было бы интереснее. Хотя чем интереснее? Так ведь… карнавал какой-то, «похороны сардинки». Наверное, Барт все же прикалывался, когда устроил поминки по живому автору, чтобы потом с этим «упокойником» еще и выпить, для полноты прикола. «Акудович! Ау! Я подозреваю, что ты есть. Кинь свою игру в прятки по-научному, пойдем лучше выпьем!» Хотя это глупо получается. Акудовичем называется сразу и действующее лицо автора, и исполнитель этой роли, и каждый из них может сделать вид, что мое приглашение относится не к нему, а к другому — и ни тот, ни другой со мной не выпьет. Обидно! Такая компания складывалась: я, мой автор и два Акудовича. Так вот, примечания. Они просто обнару-

живают, что я есть, а не похоронен в персонаже этого текста. Я этого даже не очень и хотел, чтобы это обнаруживалось. Просто автор на меня постоянно натыкается, а я на него. Огрызаемся — вот и обнаруживаем свое феноменальное существование. Но причина-то нашего существования не в феноменальности. Мы есть постольку, поскольку Он есть. Так что, Акудович, шила в мешке не утаишь! Прячься — не прячься, а все равно торчишь.

Приложение № 1

(Эта записка была подготовлена в начале апреля 2000 года. Она предназначалась для убеждения тех, кто не хотел участвовать в диалоге общественно-политических сил. Смысл моей агитации заключался в следующем. Партнеры по диалогу должны быть примерно равны по силе. Гражданское общество в Беларуси слабовато. Для равноправного участия в диалоге нужно было: 1) объединить признанные полномочия НГО, политическое влияние оппозиционных демократических партий, силу и энергию уличных демонстраций. Нужно было для этого немного — только чтобы демократические участники диалога (НГО) выступили инициаторами «Чернобыльского Шляха» и дальше вели бы диалог от имени его участников, а политики выступали бы экспертами; 2) сформулировать конституционные противоречия; 3) передать полномочия на ведение переговоров с властями по поводу этих конституционных противоречий Координационному совету политических партий и возобновить прерванные зимой переговоры; 4) начатый диалог продолжать, выступая арбитром от гражданского об-

щества в противостоянии власти и оппозиции, нелегитимного Национального собрания с сохраняющим полномочия ВС № 13; 5) вовлекать в разрешение конституционных противоречий максимально широкие слои общественности. Но мои аргументы не были услышаны).

Демократия зиждется на убеждении в том,
что простые люди могут творить чудеса.
Х. Э. Фосдик

Для того чтобы возобладало зло, достаточно уж того,
чтобы хорошие люди ничего не делали.
Э. Берг

Это вы сможете? Это вы можете!

(Обращение к разуму, совести, чести и достоинству участников диалога общественно-политических сил Беларуси, но не к их толерантности, соглашательству и покладистости)

1. В какой ситуации мы оказались? Кто мы и где мы? Чего от нас ждут?

2. Чего мы хотим?

3. Что мы можем? Какими ресурсами, средствами и возможностями мы располагаем?

4. Что мы должны? В чем наш долг перед нацией, Родиной, перед самими собой, своей совестью?

I.
1.1. В какой ситуации мы оказались?

Парадоксально, но едва гражданское общество подверглось приватизации и коммерциализации, как обнаружилось, что группы, организованные в отчаянной попытке защитить интересы общественности, оказались ангажированными на роль лобби, отстаивающего частные интересы и откровенно расхищающего общественное богатство.

Б. Р. Барбер

Мы оказались в ситуации диалога, в котором одна сторона представлена официальной позицией государственной власти, а другая позиция никак не проявлена. Мы в ситуации вызова — можем ли мы занять позицию представителей беларусского общества или будем оставаться разрозненной толпой мелких НГО, с локальными целями, интересами и узкими горизонтами?

В обществе накопилось множество проблем и нерешенных вопросов. На одном полюсе общие проблемы:

— угроза существованию нашей государственности;

— угроза физическому выживанию нации (техногенная катастрофа — Чернобыль, депопуляция);

— угроза существованию беларусской нации и языка;

— продолжающийся износ материальной основы производства и сохранение действующих экономических тенденций с неизбежностью ведут к хозяйственному коллапсу; — значительная часть общества не признает легитимность двух из трех ветвей власти;

— более половины избирателей лишены своих представителей в парламенте, независимо от признания его легитимности;

— попираются фундаментальные права и свободы человека;

— утрачиваются моральные ориентиры, искажается смысл общечеловеческих этических ценностей в институтах воспитания подрастающего поколения;

— сворачивание институтов гражданского общества, местного самоуправления, частного сектора экономики;

— государство находится в фактической международной изоляции.

На другом полюсе индивидуальные проблемы каждого гражданина: жилье, образование, зарплата и доходы, гарантии собственности, загрязнение окружающей среды и здоровье, свобода совести, профессиональная самореализация и многое другое.

Между этими полюсами еще множество проблем:

— Беларусь бьет все рекорды по числу разводов;

— в мирное время увеличивается число сирот;

— преступность и коррупция;

— раздутый госаппарат и непомерно многочисленные органы правопорядка (или карательные);

— распространенность судебных ошибок и неадекватность мер пресечения и наказания по многим видам правонарушений;

— архаичные и бесчеловечные условия содержания заключенных;

— разрушение науки и других интеллектоемких сфер деятельности;

— примитивизация банковской системы и денежно-

го обращения;

— редукция и архаизация производства и образа жизни;

— деградация бытовой культуры, сферы досуга, сужение возможностей использования свободного времени для отдыха, личностного развития и восстановления здоровья.

Всего не перечислить. Все эти проблемы становятся хроническими. О них знают не только узкие специалисты и профессиональные сообщества, которые способны увидеть и спрогнозировать развитие негативных тенденций задолго до того, как они станут явными всем. Эти проблемы уже стали явными всем, а не только небольшим группам профессионалов и интеллектуалов. Эти проблемы вопиют, взывают к нашей совести и разуму. Жизнь настоятельно требует широкого обсуждения этих вопросов и скорейшего решения проблем.

1.2. Кто мы и где мы?

Я часто думаю, не слишком ли большие надежды мы возлагаем на конституции, законы и суды. Это — напрасные надежды, поверьте мне, напрасные надежды. Свобода живет в душе человека, когда в его сердце умирает свобода, ее не спасешь никакой конституцией, никакими законами, никаким судом...

Л. Хэнд

Посмотрим на список участников. Профсоюзы, женщины, молодежь и ветераны, военные и профессура, поли-

тические партии и профессиональные союзы, противники независимости и сторонники. Мы — представители организаций, выражающих интересы практически всех слоев беларусского общества. Мы можем их представлять, вопрос только в том, насколько мы способны это сделать, насколько готовы и квалифицированны?

Мы — именно те, кто сегодня имеет реальную возможность публично и ответственно обсуждать поставленные вопросы и искать пути решения проблем. Мы должны признать, что все вместе несем ответственность за страну и нацию. Мы ответственны за обострение этих проблем. Власть несет прямую ответственность, поскольку ей поручено управление страной. Именно власть располагает полнотой информации, распоряжается средствами и ресурсами, необходимыми для решения названных проблем. Но и общественные организации, движения и силы не могут сложить ответственность с себя. Мы были недостаточно настойчивы, мы плохо контролировали власть, мы пассивно относились к ошибкам и злоупотреблениям власти. Мы разъединены и слабы.

Только государственные органы не способны справиться со всем множеством проблем страны и нации. Именно общественные институты первыми видят опасность, именно они способны мобилизовать лучшие умы и силы нации на решение проблем, именно институты гражданского общества способны контролировать и корректировать действия государственных органов.

Мы виноваты в сложившемся положении дел.

Вина власти и государственных служащих не всегда может трактоваться как злоумышленность, хотя и такое

встречается. Часто государственные служащие просто недостаточно квалифицированны и компетентны. Но некомпетентные люди остаются на своих постах, потому что мы им это позволяем. Мы не ставим перед ними действительных проблем, поэтому ни они, ни мы не можем оценить их профессионализм, квалификацию и компетентность. Они делают свою работу так, как ее понимают. Да, вина власти отдельно заключается в том, что она до сих пор не вступала в диалог с обществом, она монологична и слушает только себя. Политическая оппозиция и общественные организации давно поднимали и ставили все названные вопросы и проблемы (и многие другие, разработанные в деталях, а не только в общем виде). Но сказать о проблеме — это еще не все. Мы грешим резонерством, провозгласив проблему, считаем, что наша совесть чиста, что решать замеченную и поставленную проблему должны другие. Но это наша страна, наша Родина, а мы — народ, и проблемы решать нам самим, через избранную нами власть. Шесть лет мы не могли повлиять на власть, но наша слабость не есть наше достоинство, а порок и недостаток. Если избранная и ответственная перед нами власть нас не слышит и не слушает, значит, мы достойны такой власти.

Наши граждане смирились с существующим положением дел. Нация теряет самоуважение, утрачивает веру в свои возможности, нарастает апатия и безразличие. Мы — та часть нации, которая сейчас на виду. Глядя на нас, все остальные наши сограждане могут укрепиться в своем безверии, апатии и безразличии к судьбе страны и нации, а могут, наоборот, обрести надежду, веру и проявить активность.

Мы сейчас — именно те, кто в трудный исторический момент может показать, что у беларусской нации есть внутренние ресурсы, есть силы, есть шанс на обустройство своей страны. Мы — те, кто принимает исторический вызов от лица всей нации и гражданского общества Беларуси.

1.3 Чего от нас ждут?

Демократия — это проявление зрелости,
а не мелочности; доброй воли, а не вздорности х
арактера; преданности идеалам, а не корысти.
Э. Кохак

От нас уже почти никто ничего не ждет. В стране проходит множество пустых собраний на самом высоком уровне, в представлении большинства граждан сейчас идет одно из таких пустых собраний. Верховный Совет не смог, Всебеларусский сход, созванный президентом, не смог, Конгресс демократических сил не смог, Консультативный совет политических партий не смог, при поддержке ОБСЕ. Что можем мы в глазах избирателей, гражданской общественности?

Конечно, в стране остались неисправимые оптимисты, готовые в каждом шорохе увидеть признаки грядущих перемен. Но большинство разуверившихся граждан даже не обращает внимания на наше собрание. Политически активные граждане понимают, что наше собрание — это

симуляция общественного диалога. Не исключено, что организаторы нашего собрания заинтересованы именно в симуляции диалога, заинтересованы в том, чтобы мы выдохлись в резонерстве и разошлись.

Ожидания всегда разные.

Та часть общества, которая не верит в нас и не питает иллюзий на счет каждого из нас, ничего от нас не ждет.

Те, кто разделяют демократические ценности и идеалы, понимают, как мало мы можем, как мы слабы и плохо подготовлены, ждут, что мы хотя бы проявим верность демократическим идеалам и твердость в отстаивании их.

Те, кто предпочел пригласить нас на диалог, ждут именно нашей слабости, рассчитывают на нашу безответственность и разобщенность.

Мы можем обмануть ожидания одних, реализовать ожидания других, но мы можем также сделать нечто сверх ожиданий.

Мы должны помнить и отдавать себе полный отчет в том, что нас пригласили сюда только потому, что раз в два-три месяца несколько десятков тысяч людей выходят на улицы Минска с протестом против существующего положения дел. Эти люди протестуют, их арестовывают, штрафуют, избивают, а разговаривать решено с нами. Имеем ли мы моральное право забывать о тех, кто привел нас сюда? Мы здесь представляем этих людей и должны защищать их интересы и права. Мы и они — одна сила. Именно этой силы нас постараются лишить. Нами будут манипулировать. Смотрите, как легко это сделать.

Кое-кто из нас преисполнен чувства собственной важности. Как же, нас пригласила власть, мы оказались в компании «больших» людей. Как это мелко! Таким можно

просто сказать: если вы будете вместе с теми отморозками, что ходят Маршем Свободы, вас больше не пригласят на диалог, в компанию «больших» людей. И эти участники становятся покладистыми.

Кое-кто из нас считает себя и свою организацию сильными и влиятельными, готовыми в одиночку вести диалог с властью, не нуждаясь в остальных. Как это наивно! Сколько раз самые сильные беларусские организации оказывались бессильными и трусливыми. Таким будут предложены сепаратные соглашения: мы пойдем вам на уступки, только не связывайтесь с остальными. Такие участники, сохраняя решительный вид, легко пойдут на предательство, аргументируя это тем, что синица в руках лучше журавля в небе.

Кое-кто из нас считает себя самым умным, всезнающим, готовым всем все объяснить. Как это глупо! Сколько раз самые умные ошибались, говорили и делали глупости. Умников легко купить лестью и фальшивым признанием их «крутизны». Их загрузят писанием бессмысленных законов, концепций и выработкой предложений, которые никто не собирается выполнять, и таким образом они будут нейтрализованы.

Кое-кто пришел на рутинное собрание «отбыть номер»: мол, все равно от нас ничего не зависит. Как это безответственно! С такими и делать ничего не надо. Поговорили и разошлись. Самые активные из участников с такой установкой способны хлопнуть дверью и уйти, давая тем самым повод в очередной раз обвинить общественность в неспособности вести диалог.

В истории каждой страны были собрания, которые изменяли ее будущее. Бостонское чаепитие, собрание в зале для игры в мяч, Круглый стол в Польше. Все эти судьбоносные для народов собрания проводились людьми с вы-

сокими моральными качествами и с полнотой ответственности за свои действия.

Можно подытожить: кто-то ждет от нас проявления человеческих слабостей, худших человеческих качеств, кто-то, наоборот, ждет проявления лучших человеческих качеств: принципиальности, ответственности, смелости и ума, силы и терпения — почти чуда.

Какие из этих противоречивых ожиданий мы оправдаем?

II.
Чего мы хотим?

*Публичная политика — гражданское действие как таковое, направленное на достижение гражданами более **глубокого контроля над своим будущим**.*

Д. Мэтьюз

Кто только не ругал интеллигенцию. В начале XX века ей доставалось от Ленина и от авторов «Вех», в конце — от Солженицына и от коммунистов. И есть ведь за что. Извечная ее проблема — чего-то хочется, но не поймешь, чего больше: то ли демократии, то ли севрюжины с хреном. Интеллигенты-циники и потерявшие надежду граждане уверены, что интеллигенции больше хочется именно осетрины. Власти тоже уверены, что преданную им интеллигенцию можно удовлетворить «севрюжиной с хреном», остальным хватит «чаркі і шкваркі».

А чего же мы хотим на самом деле?

Пока мы не решим этого здесь и сейчас, мы будем

метаться от демократии к севрюжине с хреном.

Нельзя отмахнуться от этого вопроса через оттоворки, что это и так понятно, что не стоит тратить на это время.

Цели и ценности (то, чего хотят разные представленные в диалоге организации) у всех нас сильно расходятся. Добиться же мы можем только того, что определим себе как общее. Общие цели, ценности и общая задача на этот раунд общественно-политического диалога.

Можно остановиться примерно на следующем: мы хотим демократии. Это значит:

мы хотим полноценного диалога между обществом и государством. Это значит:

мы хотим выступать в диалоге как равноправные партнеры. Это значит:

мы хотим обсуждать только те вопросы в диалоге, по которым мы имеем равные с властью возможности повлиять на их решение, и не хотим обсуждать те, по которым одна из сторон может диктовать свои условия.

Мы сегодня не знаем этих вопросов, значит, нам необходимо собраться отдельно от второй стороны в диалоге и выработать общую позицию, определить, чего мы хотим здесь и сейчас, в этом диалоге, а не вообще. Хотим и можем добиться этого через компромисс при обоюдном согласии сторон.

А пока диалог не соответствует тому, чего мы хотим. Власть одна, и позиция у нее одна, а вторая сторона представлена сотней организаций. О каком равенстве сторон можно говорить?

В общем, мы хотим совсем немногого — **«контроля над своим будущим»**. Мы просто хотим сами определять свое будущее.

III.
Что мы можем? Какими ресурсами, средствами и возможностями мы располагаем?

Потребители пользуются простейшей риторикой, где присутствует только местоимение «я». Граждане изобретают общий язык, главное местоимение в котором — «мы».

Б .Р. Барбер

Каждый из участников располагает своими ресурсами и возможностями. Они заведомо недостаточны для решения тех проблем, которые должны быть вынесены на диалог. Нам необходимо:

— проинвентаризировать свои ресурсы и возможности;

— объединить их;

— подключить те ресурсы, которые могут быть подключены, но которых пока у нас нет.

Преждевременно отвечать на эти вопросы без инвентаризации и взаимной договоренности. Такие ответы будут абстрактными и непрактичными в диалоге. Главным нашим ресурсом выступают люди на улицах. Если 26 апреля на «Чернобыльском Шляхе» мы будем вместе, значит, мы — сила.

IV.
Что мы должны?
В чем наш долг перед нацией, Родиной, перед самими собой, своей совестью?

История американской революции разворачивает перед нами незабываемое эпическое полотно и служит для нас уникальным уроком; ведь эта революция произошла не сама по себе, а стала творением людей, объединенных ***общими целями****, и победила благодаря наличию* ***взаимных обязательств****.*

Х. Арендт

Свобода состоит в том, что можно сделать в данное время и в данном месте. Демократия — это форма политической жизни, которая дает возможность людям пользоваться свободой, понимая ее как **ответственность**, исходя из того, что **есть дела, ради которых стоит страдать**.

Д. Б. Эльштайн

Гражданство предполагает два вида ответственности: соблюдение условий «договора» относительно справедливости, но также и участие в социальном партнерстве.

У. М. Салливэн

1. Провести настоящий диалог на должном уровне, рассматривая его только как первый раунд, как первый шаг к настоящему общественному диалогу, который должны вести политические партии, с нашим участием.

2. Привлечь ресурсы общества для укрепления своей позиции в диалоге с властями.

3. Передать полномочия на ведение переговорного процесса по окончательному решению стоящих перед обществом, нацией и государством проблем в руки полномочных участников переговоров.

Приложение № 2

(Это просто пример одного из вариантов формулировки конституционных противоречий, который я предложил экспертной группе)

Группа № 4

«Стратегия развития гражданского общества»

Подгруппа 1. Концептуально-программная.

Документы общего уровня: концепция, доктрина, программа, стратегия, Конституция.

Задачи подгруппы: Определение принципиальных требований к документам, определяющим развитие страны. Разработка проектов этих документов. Приведение этих документов в соответствие с мировыми нормами и практикой. Обоснование необходимых и допустимых отличий и отклонений от мировых образцов, вызванных национальной спецификой, недостатком ресурсов или переходным состоянием общества. Разработка механизмов контроля за реализацией положений Конституции, стратегии развития страны. Формулировка условий необратимости достигнутых изменений, предупреждение о возможных опасностях, тенденциях к регрессу.

Принципиальные тезисы.

— Гражданское общество можно описать (представить) в двух темпоральных состояниях — в статике и в динамике.

— Для статики определяющими являются условия существования гражданского общества, зафиксированные в Конституции государства, в международных документах о правах человека, подписанных Республикой Беларусь, в законах о правах человека. Причем законы об объединениях и ассоциациях базируются на правах человека, которые выступают как первичные.

— Для динамики важны этапы, стадии, направление изменений (вектор целей и ценностное описание желаемого состояния общества), ресурсы изменений, механизмы изменений.

— Основным документом, в котором фиксируются условия существования гражданского общества (статика), выступает Конституция Беларуси. Динамику гражданского общества определяют политические документы: стратегия общественно-политических реформ; программы политических партий; доктрина правительства переходного периода.

О Конституции Беларуси 1994 года с поправками и дополнениями 1996 года (Об условиях существования гражданского общества в современных условиях).

Эта редакция Конституции представляет собой отступление назад от положений первоначальной редакции, которая, в свою очередь, существенно хуже двух вариантов проектов Конституции, разработанных в 1993—1994 годах (см. Мацкевич В. В. Беларусь: третья республика, «Беларусь в мире», № 1, 1997 г., Пастухов М. И. и др.). Эта редакция Конституции устанавливает условия, противоречащие суще-

ствованию гражданского общества. В первую очередь это относится к принципу разделения властей и к отсутствию механизмов обеспечения действенности статьи 3 раздела 1 «Основы конституционного строя», а также к диспропорции прав и полномочий трех ветвей власти. Подробнее:

— статья 3 раздела 1 «Основы конституционного строя», декларирующая суверенитет народа Беларуси и определяющая его единственным источником государственной власти, не может быть реализована в силу содержания следующих статей: 64, 69, 72, последней фразы статьи 79, пунктов 4, 8—12 и 26 статьи 84, статей 85, 91, пункта 5 статьи 98, статей 101, 111, 116, 119, 122, 126, 130, 144;

— статья 6 раздела 1 является декларативной и не может быть реализована в силу содержания статей: 69, 72, 79, 84, 85, 91, 94, 97, 98, 99, 101, 106, 110, 111, 116, 119, 122, 126, 130, неполноты 136, всех статей раздела IX;

— статьи 2, 5, 7, 10, некоторые положения статей 13, 14, 16 раздела 1 и статьи 21—63 раздела II не могут быть реализованы в силу отсутствия механизмов реализации статей 3 и 6 (см. выше);

— статья 112 главы 6 раздела IV еще ни разу не была реализована в практике правоприменения.

— **Для создания нормальных условий существования гражданского общества** в Беларуси необходим пересмотр статей: 64, 69, 72, 79, 84, 85, 91, 94, 97, 98, 99, 101, 106, 110, 111, 116, 119, 122, 126, 130, 136, всех статей раздела IX.

Первым шагом может стать денонсация всех статей раздела IX, то есть отмена результатов так называемого референдума 1996 года, как проведенного с нарушениями действовавшей на тот момент Конституции и процедуры.

Голосование в ноябре 1996 года началось до публикации текста всех поправок и изменений к действовавшей Конституции. Самой принципиальной в этом отношении является статья 144. Продолжение действия этой статьи ставит под сомнение само существование конституционного строя в Республике Беларусь.

Другим шагом (или другим вариантом действия) может быть возбуждение процессов в судах на основании статьи 112 обсуждаемой редакции Конституции. Процессы могут быть возбуждены по нарушениям статей 1, 8, 9, 10, 18 в подписанных договорах с Российской Федерацией о Союзе Беларуси с Россией и в Уставе этого Союза; по нарушениям статей 17, 50, 51, 54 — в практике делопроизводства, в образовании и культурной жизни; по нарушениям статей 16 и 31 — в отношении конфессий; по нарушениям статей 13, 44, 58 — в отношении собственности граждан, и проч.

О динамике переходного периода в становлении гражданского общества.

На данный момент отсутствует какая-либо стратегическая или доктринальная определенность в действиях государственных властей. Отсутствие государственной стратегии и доктрины развития Республики Беларусь, в свою очередь, может рассматриваться как нарушение статьи 37 обсуждаемой редакции Конституции. Поскольку доктринальные и стратегические материалы отсутствуют не как таковые, а в качестве официальных на национальном уровне.

Приложение № 3

Трилогия:
трагикомедия «Диалог общественно-политических сил»;
нравоучительная притча «Переговоры»;
роман воспитания «Учредительное собрание».

(Две последние существуют только в черновиках. К трилогии примыкает также поэма «Про яйца».)

Диалог общественно-политических сил «О конституционных противоречиях»

(Перформанс в жанре аттической трагедии с элементами буффонады, клоунады и легкой невротики)

Действующие лица:	Исполнители:
Хор	Исторические тенденции, действующие в современном мире
Народ Беларуси	Народ Беларуси
Призрак Народа Беларуси	Гражданин Лукашенко, государственные СМИ
Беларусская власть	И. о. президента Республики Беларусь гражданин Лукашенкс
Тень Беларусской власти	Национальное собрание, правительство, конституционный суд
Альтер эго Беларусской власти	Заметалин и заслуженные артисты погорелого театра (империи)
Оппозиция Беларусской власти	Оппозиционные партии и люди по независящим от них причинам называющиеся лидерами оппозиции
НГО	Бобчинский и Добчинский
ОБСЕ	Х. Г. Вик, А. Северин
Деус екс из машины	Строев, Селезнев, Черномырдин
Автор	Автор

Альтер эго Автора	Скептицизм как направление мысли Автора
Друзья и собутыльники Автора	Соответственно друзья и собутыльники
А также: главы государств ОБСЕ; Быков и другие эмигранты; сумасшедшие; журналисты и прочие зеваки	Виртуальные персонажи в воображении Автора
Осветитель сцены — в прологе и первом действии, осветитель зрительного зала — во втором действии	В прологе и первом действии — осветитель, во втором — исполнителя ищут и пока не могут найти

Все действующие лица участвуют в хоре, но не соблюдают никакой дисциплины, бадзяюцца па сцене без усялякай мэты, абыякавыя да жыцця і да таго, што гавораць дзейныя асобы, да таго, што адбываецца нават з імі. Могут бормотать про себя и вслух всякий бред, если этот бред становится значимым для развития событий. Хор объявляет смену акта. Действие происходит в самых разных местах, декорации при этом не меняются, и только хор объясняет, где и что происходит. Персонажи одеты в стиле унисекс, так что, без объяснений хора, не пытайтесь понять, кто тут Бобчинский, а кто Добчинский.

В диалогах участвуют не более двух действующих лиц одновременно. Если третий откроет рот, попробуйте заткнуть его. Правда, из этого ничего не получится, он все равно вас в упор не видит. При этом все играют на публику. Это основное движущее противоречие разворачивающегося действия, основная его негативная характеристика. Объясняется климатическими условиями страны и градусом широты ее расположения на глобусе. Аттический театр располагался под открытым небом, и актеры могли видеть публику, в Беларуси же театр располагают в закрытых помещениях и прибегают к искусственному освещению. Прожектора

и софиты слепят актеров, поэтому вместо глаз зрителей они видят только зияющую темноту. Клакеры бессильны исправить такое положение вещей, ваши аплодисменты и гнилые помидоры принимаются актерами за плод собственного воображения, что, в общем, похоже на правду.

Любое сходство с реальными людьми есть кажимость. Даже Автор сам на себя не похож. И это главная позитивная характеристика всего происходящего. Объяснения этому вы в самой пьесе не найдете, смотрите либо статью А. Бабайцева «Интеллектуальная экология», либо поэму «Про яйца».

Некоторые действующие лица, даже главные — это роли без слов: Народ Беларуси, Тень Беларусской власти, Друзья и собутыльники Автора, сумасшедшие. Последние не сходят со сцены на протяжении всего действия, иногда прячась в хоре, иногда маскируясь под других действующих лиц. Поэтому нет нужды приглашать специальных актеров для исполнения этой роли. Отсюда мораль всей пьесы — в таком бардаке каждый может сбрендить. Единственное спасение от этого — играть свою роль как следует.

Пролог

Хор:

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о дурном кордебалете,

Что омрачал историю страны несчастной, лежащей в центре континента.

Страна была столь юной, что вожди решили — любую волю их исполнит

Народ ее наивный. Судьбой страны они вершили по своим желаньям,

Произволу и думали, что вечно так и будет. Но рок свои внес коррективы

Скоро. Народ тот был не столь наивным, как думали вожди вначале.

Столетья тягостных лишений он перенес и вынес из столетий этих

Столь дивную ментальность и живучесть, что выше и сильнее
Стал вождей велеречивых и демагогов, идеологов советских.
И цезием, и дустом, и марксизмом народ травили. Флаги, гербы сдирали,
По живому телу рисовали дурацкую символику. Язык! О, про язык —
Тут разговор особый! Короли и папы, цари и царские клевреты
Народ тот языка лишить пытались. Народ молчал. Молчал же на трасянке.
И вдруг заговорил. Заговорив же, испугался своей трасянки и того,
Что на трасянке говорилось, и сказано могло быть. Однако,
Заговорив, уже не замолкал. Сказав лишь слово — этим словом было
Название страны, — он речь свою продолжил. «О, Беларусь! Чиста твоя дорога.
Бела твоя судьба, как полотно, лишь крови полосой прочерчено оно».
И это полотно с кровавым следом он поднял и пошел. Куда пошел, зачем?
Посмотрим.

Не будем настаивать на том, что все началось именно в этот день 22 августа 1991 года. Но надо же с чего-то начать. Этот день наступил одновременно на одной шестой части суши, а отдельно закончился в маленькой европейской стране и в ряде других стран. Мы вам покажем, что происходит в маленькой стране в центре Европы.

Первый лидер оппозиции: Народ Беларуси, поздравляю тебя! Свершилось! (*Приставляет руку к уху и ждет. Поворачивается к хору*). Где громогласное «ура»? А чего он молчит?

Хор: А он всегда так. У него вообще роль без слов.

Первый лидер оппозиции: Ну так же нельзя! Такое событие! Как же на это не отвечать?

Хор: Так все нормально. Это ты просто не слышишь разных голосов. Ты настроен только на одну волну.

Сейчас мы озвучим некоторые высказывания. Вот

тут Лукашенко говорит: «Пора вступать в БНФ, иначе все можно проспать». Будущие НГО, в исполнении Бобчинского и Добчинского, препираются, кто из них что говорил 19 августа: «Э» или «О». *(На протяжении всего последующего действия они продолжают этот спор, без толку слоняясь по сцене.)* Призрак Народа Беларуси причитает: «Что же это будет? Что делать? Кто виноват?» Альтер эго Беларусской Власти: «Кто, кто? Позняк виноват!». Ну и много разного говорят.

Первый лидер оппозиции: *(хору)*: Да я-то в чем виноват, меня там даже не было, это ж все они в Москве, ГКЧП и прочие. *(Про себя)* А может, и хорошо? Пусть все думают, что это я.

По сцене шастают еще **несколько лидеров оппозиции**, бормоча себе: «Размечтался! Он это! Ты декабря 1991 года дождись, тогда узнаешь кто это!» И так далее…

Хор: Вот так для одного из народов мира в этот день было реализовано право наций на самоопределение. Переходим к собственно первому действию.

Действие первое

(В котором закручивается интрига всей трагикомедии)

Хор: Прошло несколько лет. 1996 год — в стране без перемен. Но рок неумолим. Принята первая Конституция в 1994 году, и сразу же по ней выбрана власть. Эту власть пока рано выпускать на сцену, пусть она пока подождет. Пока все делается за нее. Вот что происходит в Минске. Альтер эго Беларусской Власти делает вид, что Народ Беларуси и Призрак Народа Беларуси — это одно

и то же лицо. И Народ, и его Призрак с этим соглашаются. Только оппозиция еще сомневается. Автор же делает вид, что все наоборот, вопреки всякой очевидности, что очень глупо с его стороны. Альтер эго Автора, как и положено, тоже сомневается. Вот, что из этого получилось.

Сцена первая

(На сцене — Альтер эго Беларусской Власти — АБВ, Призрак Народа Беларуси — ПНБ)

Альтер эго Беларусской Власти: Пора уже. Объявляй референдум! Будем возвращать все назад.

Призрак Народа Беларуси: Так уже частично вернули — флаг, капусту... Может, медленно и постепенно, куда гнать-то? Может, жизнь сначала обустроим, вот и средняя зарплата как выросла? Яйца, удои... трактора.

АБВ: Не выпендривайся, тебя не затем придумали, чтоб ты свои соображения высказывал! Делай, что сказано.

ПНБ: У меня же шизофрения, раздвоение, даже растроение личности. То я — Призрак Народа Беларуси, то я — Лукашенко собственной персоной, то я — Беларусская власть. Легитимная, прошу заметить, пока еще. Требую к себе уважения!

АБВ: Никакая ты не власть. Ты — ПНБ. Вот сядешь в Кремль, может, и получишь немножко власти, тогда и лечением займемся.

ПНБ: От чего лечить-то будете?

АБВ: А там у всех один набор болезней: алкоголизм, склероз и учетверение личности. Короче, не твоя это забота.

Ты референдум проводи, сам себя спроси: хочешь ли остаться на второй срок? Хочешь ли в Кремль? И все такое.

ПНБ: Так я тебе скажу, что хочу! Зачем референдум?

АБВ: Да ты совсем сбрендил! А слово «импичмент» знаешь? Выучи и смотри, что там происходит.

(АБВ и ПНБ растворяются в хоре).

Сцена вторая

(На сцене Третий и Четвертый лидеры оппозиции)

Хор: Второй лидер оппозиции сошел со сцены еще до начала действия — у него было мало полномочий. Это не значит, что он ни в чем не виноват. Но какой с него спрос? Пусть уж молчит.

Третий: Фашизм, что ли, наступил? Или мне только кажется? Нет, не кажется — точно наступил.

Четвертый: Может, импичмент объявить?

Третий: А справимся?

Четвертый: Да справимся, чего тут не справится?

Третий: Тогда давай.

Сцена третья

(Ноябрь 1996 года. Число — то ли 7-е, то ли 24-е. Погода, соответственно, октябрьская. На сцене — все действующие лица. Гвалт, шум. Рабочий тащит пулемет, сейчас он вступит в какое-нибудь очередное говно. Все остальные поступают аналогичным образом).

Хор: Сами посудите, давать кому-то слово в таком бардаке бессмысленно. Мы просто расскажем, что проис-

ходит. Беларусская власть переписывает Конституцию, оппозиция собирает подписи за импичмент, лидеры эти подписи по очереди назад забирают. Сумасшедшие досрочно голосуют, за остальных голосует ПНБ. ОБСЕ хлопает глазами, изредка ушами. У журналистов — праздник. Автор в трансе. АБВ в пароксизме. Тихиня на работе. Вы спросите: кто такой Тихиня, его же нет среди действующих лиц? Ну, нет и нет, он вам разве нужен? Так и в пьесе не нужен. Первый лидер оппозиции на месте. Он был первым, первый на месте, и останется на первом месте. Народ Беларуси в составе трех тысяч человек ночует на площади Независимости и исполняет свою роль в истории. В эту катавасию с неба спускается корзина, в ней Деус екс из машины.

Деус екс: Финита ля комедия! Все по домам!

(Пожимают руки тем, до кого дотягиваются, и поднимаются туда, откуда спустились. На их место опускается Тень Беларусской власти).

Хор: Комедия на этом действительно кончилась. Началось другое. Трагедией мы это не назовем, хотя как посмотреть? Дискотеку на Немиге вспомните! А где Четвертый лидер оппозиции? Нет его! А № N? Тоже нет. Этот-то — номера его не знаем — лидером еще не успел стать, а уже сидит. А вы говорите! Иных уж нет, а те далече. Вон, видите, Первый лидер за морем. Третий лидер в Вильне. В общем, идет нормальный процесс становления гражданского общества.

Сцена четвертая

(На сцене Автор делает вид, что разговаривает с публикой в зрительном зале, а на самом деле со своим Альтер эго)

Автор: Ну что, может, они (показывает на оппозицию Беларусской власти) от этого поумнеют?

Альтер эго Автора: Сомневаюсь.

Автор: Им надо покаяться, ошибки признать.

Альтер эго Автора: Сомневаюсь.

Автор: Может, им объяснить надо, что к чему — про государственный переворот там, про то, се.

Альтер эго Автора: Сомневаюсь.

Автор: Значит, не пришло еще время?

Альтер эго Автора: Сомневаюсь.

Автор: Козел ты!

Альтер эго Автора: Сомневаюсь. Хотя... что я говорю? Это ж ты сам сказал. Кому? Мне. А я кто? Я — это ты. Значит, правильно сказал! А если ты им это сказал? Ну, не знаю, не знаю. (Что, впрочем, означает то же самое — сомневаюсь).

(Тут Автор пошел сочинять Хартию-97, с чем и прокололся, поскольку... Да ясно же, в силу вышесказанного).

Сцена пятая

(На сцене — ОБСЕ и главы соответствующих государств)

Хор: Действие переносится в Стамбул, где, на берегу пустынных волн, вы увидите Беларусскую власть — БВ, но только она уже нелегитимна. Кончилось ее время. Напоминаем, что актеры одеты в форму унисекс, поэтому усы и странного вида челка на одной из глав ОБСЕ не должны вводить вас в заблуждение. Эта Глава даже попытается что-то сказать, но вы ее не слушайте. Поскольку ее личная подпись стоит только под тем, что говорят все главы вместе.

Время от времени на сцену наплывает тень — это Тень Беларусской власти. Ходу действия это не мешает.

ОБСЕ *(обращается к своим главам)*: Кажется, у них возникли конституционные противоречия? *(Прищуривается, всматриваясь в наплывающую Тень Беларусской власти, которая что-то пытается бормотать.)* А вас никто не спрашивает. *(Тень обиженно уплывает.)*

Главы ОБСЕ: А у нас почему главы должны болеть об этих противоречиях? Вот эта усатая и пусть себе болит!

ОБСЕ: Так вы дайте поручение своей Консультативно-наблюдательной группе, она треснет по этой Главе, та сразу и заболит!

(Исполнитель роли ОБСЕ снимает маску и от себя говорит: «Да как же она может болеть? Это же кость». Его быстро затыкают.)

БВ *(очень громко, но слышит только Вик, остальные исполняют роль по сценарию и не замечают этого хулиганства)*: Нет у нас конституционных противоречий!

Главы ОБСЕ *(громко)*: Консультативно-наблюдательная группа ОБСЕ! Вот вам... то есть поручение, мы хотели сказать. *(Затем нормальным голосом декламируют 22-й пункт Стамбульской декларации.)*

Хор: Вот так закончилось первое действие этой безумной пьесы. После него начнется не меньшее безумство. Занавес, пожалуйста! Все могут пройти в буфет. Но не злоупотребляйте, а то мировая тенденция состоит в том, что развитие страны могут разориться на одних фуршетах для действующих лиц, и особенно исполнителей из неразвитых стран, включая и вас всех!

Действие второе

(Все — по-прежнему, но так дальше жить нельзя.)

Пролог ко второму действию

Хор:

Неумолимый рок! Сон разума плодит пачвар в больших обьемах.
Кассандра бредит о несчастной Трое и с Вильней путает ее. Пророка нет.
Да и кому он нужен? В стране, где список кораблей прочесть до середины
Способен далеко не каждый, а может и вообще никто. В стране, где
Зубры пережили нашествие ледников, и Холокост, и дикую охоту,
Остановилось время. Эней, покинув этот край, не заложил бы Рима.
Но и Эдип бы с Лаем не сразился. И Иеремия по нем не плачет. Нет худа,
Нет добра.

И пусть теперь выкручивается Автор. Все, что тут происходит, не укладывается ни в какие мировые тенденции. Это просто Кафка, Мамардашвили и Ионеско в одном флаконе.

Автор: А чего вы меня подставляете, я ж вам роль написал?

Хор: Ты так же написал, что так жить нельзя. Твоя страна, ты и разбирайся!

Автор: Почему только моя, а не ваша тоже?

Хор: Потому что либо ты сбрендил, либо мы. А мы не хотим. Ты сам придумал эту страну, а мы тут не при чем.

Автор: Как сам придумал, а вы где же?

Хор: А кто где. Кто в СССР, кто в Великом Княжестве БНР. Кто в Союзе Беларуссии с Россией. А кто и вовсе в нормальном человеческом мире живет.

Автор: Ну так же нельзя!

Хор: А мы тебе об чем? Конечно, нельзя. Здесь люди жить не могут.

Автор: Так я же понимаю. Я же потому и писал «Вопреки очевидности-1" и »Вопреки очевидности-2". Я же в «Про яйца» все пытался объяснить, что сначала понарошку начнем жить по-человечески, а потом нам должно понравится и по-другому мы уже не захотим.

Хор: Понарошку — с этим мы согласны. Тогда садись и переписывай сценарий, но чтоб получился нормальный.

Автор: А по-другому нельзя?

Хор: Спроси у своего Альтер эго.

Автор: Так оно заладило одно и то же — сомневаюсь и все!

Хор: А у собутыльников твоих?

Автор: Понял, издеваетесь. Значит, иначе нельзя?

Хор: Нельзя.

Автор: Ладно, меняем жанр и все остальное. Больше никакой отсебятины — как скажу, так и будет!

Сцена первая

(Темно. На сцене Автор и больше никого. Автора не видно. Он по очереди вызывает действующих лиц и раздает инструкции. Все исполнители разбегаются. Театр объявляет конкурс на замещение вакантных мест исполнителей главных ролей)

Хор *(звук слышен, но непонятно, откуда он исходит)***:** На этом действие не кончается, отнюдь. Но, видите ли, оно развивается как бы по Хармсу. Там девочка выходит

на сцену и говорит: «Папа просил передать вам всем, что театр закрывается. Нас всех тошнит». Мировая тенденция в этом и состоит — всех тошнит. Так что вы не расходитесь. Вы вообще не расходитесь, а то разошлись тут некоторые! А спектакля вы больше не увидите, сейчас включат свет, но он будет направлен в зал. Не думайте, что при этом откроется приятное зрелище. Только никого это не волнует, никто на вас смотреть не будет. Всех ведь тошнит, так что не до вас, и некоторые при этом еще и делом пытаются заниматься. Короче, осветитель, свет!

И стал свет.

Эпилог

И тьма не объяла его.

Конец

Приложение № 4

ХУ из ХУ?

Импровизированный «Who is who?», конечно же, точно не отражает, кто есть кто и почем. Более того, в нем обнаруживается несовершенство и однобокость авторского взгляда на мир людей, дефекты его образования и воспитания. Однако соприсутствие в одном списке апос-

толов и подонков, персон значимых и незначимых, реальных людей и виртуальных образов некоторым образом характеризует противоречивое бытие, которое, как утверждают некоторые, определяет сознание. Но сознание сознанием, а несправедливость получившегося списка налицо. В нем много случайных имен, оказавшихся в тексте только потому, что к слову пришлись. Отсутствуют многие из тех, кто для меня действительно много значит. С одной стороны, это объясняется известной самостоятельностью текста относительно автора. С другой — несовпадением моей собственной апперцепции с установкой автора на творчество и выпендреж. Вот сколько раз я говорил себе, что не буду ничего писать про Лукашенко, а автор вставлял это имя по поводу и без повода. Я бы предпочел писать про своего учителя и его взгляды на жизнь и деятельность, а автор без зазрения совести крадет у него некоторые суждения и выдает за свои, не упоминая имени. Характеризуя некоторых людей в списке, я боюсь быть несправедливым в оценке, боюсь кого-то обидеть, а автору все до фонаря.

1. Абрамова О. — депутат ВС № 13, обладает многими достоинствами и широтой взглядов, что, впрочем, не оправдывает ее высокой общественно-политической активности. Зачем, спрашивается, создавать вторую в своей жизни партию, если ни первая, ни вторая из этих партий не ставила и не ставит своей целью благо страны, где они созданы, а ориентированы на соседнюю страну?

2. Абрамович А. — ученый, юрист, по совместительству занимающий высокие государственные посты. Впрочем, их высота относительна: если председатель Центризбиркома — еще туда-сюда, а помощников у президента —

пруд пруди. И он где-то среди них затерялся.

3. Абрамович П. — просто толковый парень, журналист и аспирант.

4. Абушенко В. — бродячий дервиш, кроме того — социолог и автор компаративистской гипотезы о конгруэнтности интеллектуальной ситуации Беларуси, Австрии и Латинской Америки.

5. Адамович А. — человек, ставший одним из символов перестройки. Как знаток гиперборейских народов, обругал Беларусь перестроечной Вандеей и уехал в Москву. Каждый, конечно, волен жить там, где ему удобнее, однако здесь он был бы нужнее.

6. Азаренок Ю. — автор лживого кина «Дети лжи». Куда-то исчез в последнее время, наверное, опять какую-то нетленку лепит. Пустое — единожды солгав, хорошего кина не снимешь.

7. Акудович В. — если он есть, то именно постольку, поскольку написал «Мяне няма». Хорошая, кстати, книга.

8. Акулов В. — профессор, бывший «іншадумец», а потом апологет режима.

9. Алексиевич С. — автор многих хороших книг.

10. Алиса — девочка, интересная тем, что время от времени пребывала не в своем уме, а в Мэри-Эннином, отчего и вляпывалась не в свои ситуации, совсем как беларусы. Впрочем, автор тоже беларус, и ничто беларусское ему не чуждо. Как и в этом случае. Кое-кто может подумать, что автор перепутал персонажей Льюиса Кэрролла, Мэри-Энн и Мейбл. Все еще хуже. Автор перепутал самого Кэрролла с Владимиром Высоцким, написавшим песенки к спектаклю по мотивам.

11. Анания — проживал в Дамаске на улице, называ-

емой Прямой, в доме Иуды, вернул зрение Савлу.

12. Аристотель — человек, рассказавший юному Александру про географию, что было очень опрометчивым поступком. Лучше бы он поступил с ним как Диоген (см. Диоген Синопский). Отличался от всех остальных греческих философов тем, что не задавал вопросов, а давал ответы. Всем своим творчеством доказывал, что тупость есть основное качество хорошего философа.

13. Аристофан — противник демократии и сексист. Убедительно доказывал, что афиняне ведут себя как женщины, а те и другие в свою очередь — как лягушки. Относительно лягушек, кажется, ошибался.

14. Бабайцев А. — был членом Агентства гуманитарных технологий, сейчас самоопределяется.

15. Бабосов Е. — социолог, человек, известный не только в академических кругах. Мог бы многое объяснить про нашу ситуацию, но предпочитает отмалчиваться или говорить тихенько.

16. Бажанов В. — ветеран ОГП, застрявший в эпохе предшественницы партии ОДПБ.

17. Баранкевич — вообще-то, я не знаю, кто это, да и не интересно.

18. Барбарини — римское семейство, из которого в средние века вышло несколько пап.

19. Барков В. — современник Пушкина.

20. Барт Р. — написал книжку «Смерть автора». Многие принимают это за чистую монету. Вот когда Ричард Олдингтон после Первой мировой войны написал «Смерть героя», то последний действительно умер. Бывает художественная правда жизни, но не философская. Не философская это категория — правда.

21. Бахтин М. — отчасти наш земляк и, несмотря на это, крупнейший в мире специалист по диалогу, карнавалу и прочим разностям. Николай Паньков выпускал в Витебске журнал «Диалог. Карнавал. Хронотоп», целиком посвященный ему. Пока его не выжили из Беларуси. Естественно, как же можно выпускать такой журнал в стране, где идет общественно-политический диалог? Люди ж задуматься могут! Хотя опасение, в общем, напрасное, кто ж в Беларуси такой журнал читать будет, если все, что нужно знать, написано в «Советской Белоруссии»?

22. Беатриче — просто имя девочки, ставшее нарицательным. Когда ей было девять лет, подросток Данте оглянулся, не оглянется ли она. Но разве можно ожидать этого от такой маленькой девочки? Так жизнь Данте пошла наперекосяк, пока он не прошел ее до половины, а там уж и вовсе — заблудился в сумрачном лесу.

23. Библер В. — пытался продолжить дело, начатое Бубером и Бахтиным, создал целое направление «диалога культур». Не знаю уж, как там вообще, но я видел это в педагогике. Более монологичной педагогики, чем в «педагогике диалога культур», мне встречать не приходилось.

24. Бобчинский — см. Добчинский.

25. Богданкевич С. — бывший председатель Нацбанка, потом председательствовал в ОГП. Человек хороший, про политика — не скажу.

26. Бондаренко Д. — координатор Хартии-97, имеет хобби — политический маркетинг, занимается этим с большим увлечением, даже книжку Кетлера прочитал.

27. Борхес Х. Л. — специалист по фантастической зоологии. Все остальное, что выходило из-под его пера, тоже заслуживает прочтения.

28. Бродский И. — тунеядец и поэт. Как это может совмещаться в одном человеке, до сих пор никто не понимает.

29. Брут — их было два, их все время путают, один убил последнего римского царя, другой — первого императора. Есть подозрение, что где-то есть третий, поэтому часто спрашивают: «И ты — Брут?»

30. Бубер М. — человек, которому довелось наблюдать диалог культур. Может, поэтому некоторые считают его мистиком, но ведь он же не в Беларуси его наблюдал. Странно…

31. Букчин С. — хроникер суверенного болота. Издавал по этому случаю газету «Европейское время». В настоящее время продолжает наблюдение за упомянутым болотом из упомянутой Европы. Наверное, имеет для этого массу времени.

32. Бурдье П. — социолог. Кроме всего прочего придумал, что политика задается функцией номинации.

33. Быков В. — человек, чья жизнь и творчество отчасти оправдывают наше с вами существование в глазах всего остального человечества.

34. Быков Г. — известный профсоюзный деятель, как правило, выступает на первых ролях. Настоящий рабочий аристократ, но где-то и интеллигент.

35. Вайда А. — человек вовсе не из мрамора, хотя памятник себе воздвиг, делая действительно хорошее кино.

36. Вахтангов Е. — пытался приспособить дель арте под русско-советскую действительность. Ну кто же это может позволить? Естественно, получилось, как всегда у них.

37. Вежновец Е. — если подрастет, может стать для Витебска чем-то вроде того, кем является Хадеев для Минска.

38. Вергилий — полная противоположность Ивану

Сусанину, хороший проводник, точнее, гид и полупроводник, потому что назад все равно не выведет. А вот если бы Сусанин был таким же и довел наших до Москвы? Что было бы?

39. Вик Х. Г. — консультационный наблюдатель ОБСЕ. Что означает прилагательное «консультационный» — неизвестно. Некоторые думают, что он может кого-то консультировать, но лично я думаю, что, наоборот, нуждается в консультациях для надлежащего выполнения функции наблюдения.

40. Винникова Т. — странная женщина.

41. Виттенштейн Л. — австрийский философ. Хоть какая-то польза от загнивающих империй — философы получаются классные, когда они разваливаются.

42. Витовт — трижды несостоявшийся король, в остальном ,был очень удачлив.

43. Власов А. — юрист-государствовед. Столько несуразностей в Конституции-96 нашел, что просто оторопь берет.

44. Войнович В. — один из русских писателей, удостоившихся чести быть выпертыми из страны.

45. Вольтер М. Ф. — человек, готовившийся умереть за право других высказывать противную ему самому точку зрения, прожил, однако, долгую и плодотворную жизнь.

46. Вячорка В. — это не Позняк сегодня, он и сам собой нечто представляет. При всей своей молодости один из старейших ветеранов борьбы за суверенитет.

47. Гайдукевич С. — тут что-то напутано, разбираться с этим лень. Просто не надо брать пример с сына русской женщины и юриста. Даже если ты с ним в одном воинском звании.

48. Галич А. — вот опять же скажешь — поэт, но раз-

ве ж этим объяснить, кто такой Галич?

49. Гессе Г. — если бы меня не было, как Акудовича, я бы хотел, чтоб меня придумали. Но это ж не каждому доверить можно. Вот Герману Гессе я бы доверился. Может быть, тогда бы я всю жизнь играл только в бисер, а так постоянно отвлекаюсь на разные глупости.

50. Гитлер А. — не все плохое связано с именем этого человека в Беларуси, есть еще и очень плохое. Вы понимаете, о ком я говорю.

51. Гомер — это тот, который, если верить некоторым источникам, придумал «вместе» с Гесиодом греческих богов, и много всякого разного.

52. Гончар В. — без вести пропавший политик. Ну что значит — без вести? Кто-то же знает, должен знать...

53. Горбачев М. — человек, переживший империю. Это нечто невообразимое. Нам, современникам, этого не понять, не стоит и пытаться. Это доступно только будущему Гомеру, явление ведь в некотором роде гомерическое — последний император.

54. Гоцци, Карло — писал римейки на дель арте.

55. Григалюнас В. — режиссер.

56. Грицанов А. — философ.

57. Грязнова Л. — депутат ВС № 13, просто мужественная женщина.

58. Гусовский М. — написал песню про зубра и про Витовта отчасти, но на латыни.

59. Гуссерль Э. — философ, изобрел феноменологию и рамки. Сейчас вся феноменология в рамках, и это уже навсегда.

60. Гэндальф — маг из Средиземья Дж. Р. Толкиена.

61. Дали С. — сюрреалист, соавтор «Андалузского

пса» и усов на Джоконде.

62. Даль — словарь такой.

63. Данте А. — опять поэт. См. Беатриче.

64. Дездемона — одна из многочисленных жертв шекспировского кровопролития на сцене. См. Отелло.

65. Демосфен — популярный в свое время афинский демагог.

66. Динов Н. — режиссер.

67. Диоген Лаэртский — это тот, кто рассказал приводимую ниже басню про своего тезку и еще много других про разных греческих философов.

68. Диоген Синопский — циник и бывший фальшивомонетчик. Не вылезая из бочки, дал урок всем философам, как надо относиться к власти. Когда Александр, воспитанный Аристотелем, приперся на него посмотреть и встал у отверстия его бочки, сказав: «Я царь, проси у меня, чего хочешь», — Диоген ответил: «Не заслоняй мне солнца». Правда, это приходится повторять любой власти снова и снова.

69. Добровольский А. — депутат ВС № 13, а ведь был депутатом ВС СССР. Наверное, поэтому до сих пор в себя приходит, но как-то медленно очень.

70. Добчинский — см. Бобчинский.

71. Долгалев — см. Заломай.

72. Дон Хенаро — нагваль из племени индейцев яки. Помогал Дону Хуану учить Карлоса Кастанеду. Всю жизнь шел в Икстлен, и в этом ему стоит подражать.

73. Дубавец С. — тоже иногда по-русски пишет, вот «Русская книга», например. А в остальном — нормально.

74. Дударев А. — драматург.

75. Елизарьев В. — кто-то из области балета, кажется, он там главный.

76. Жихар И. — была членом Агентства гуманитарных технологий, потом еще много кем, поэтому самоопределяться ей некогда.

77. Загуменнов Ю. — есть мнение, что это он придумал диалог, о котором тут много говорилось, но пытается запихнуть его в коридор. У меня по этому поводу возникают самые дурные ассоциации. Коридоры власти, коридоры в старых питерских коммуналках. Запахи — и там, и там — препротивнейшие.

78. Зайонц, Инга — польская красавица, обманутая Константином Остенбакеном.

79. Заломай — точно сказать не могу, но это какой-то персонаж из архаических культов с заклинанием дождей.

80. Заметалин В. — продолжатель ставшей обычной российской практики по уничтожению беларусов как исторического феномена. Делает это очень бездарно, если бы беларусы сами ему в этом не помогали, то и упоминания бы не заслуживал.

81. Захаренко Ю. — пропавший без вести политик. См. Гончар.

82. Зиновьев А. — даже не знаю, что про этого человека сказать можно. На каждом отрезке своей жизни этот человек отчебучивает нечто такое, чего хватило бы для попадания в анналы. А еще бодр и многообещающ. Первым в СССР прочел весь «Капитал» и даже понял. Стал крупнейшим логиком XX века. Вознесся на зияющие высоты и опрокинул туда город Ибанск со всеми ибанцами и их братией.

83. Зощенко М. — дело не в том, что он писатель. Он нашел как минимум два способа, как, живя в говне, оставаться человеком, и оба реализовал.

84. Иеремия — пророк.

85. Иисус Христос — носитель этого имени в моем представлении не нуждается. Но каждый человек, который его знает, обязан хотя бы раз в жизни сообщить весть о нем другому человеку.

86. Иоанн — евангелист и апостол.

87. Ионеско Э. — драматург, пытавшийся быть предельно реалистичным в изображении жизни, в определенном смысле это ему удавалось. Но это фигня, он просто жизни не знал.

88. Калякин С. — антипод Чикина, начальник одной из компартий.

89. Кандид — он же Молчун, персонаж Стругацких из «Улитки на склоне».

90. Кант И. — до изобретения радио выполнял функцию сигналов точного времени для жителей Кенигсберга. В определенном смысле целесообразно сверять время по нему и теперь.

91. Карпенко Г. — политик с редким набором привлекательных достоинств, но чего-то ему не хватало. К сожалению, этого уже не выяснить никогда.

92. Кассандра — назидательный образ, иллюстрирующий бесполезность антиципации в мире социальных отношений.

93. Кафка Ф. — описал мир, в котором нет места человеку. В реальности этого мира не сомневался и жил в нем, поэтому сомневался в себе самом, постоянно путая себя с насекомым.

94. Кебич В. — исполнял некоторые государственные функции в то время, когда Шушкевич и Позняк их не исполняли. Это как-то не по-человечески, каждый должен заниматься своим делом.

95. Кельвин — автор одноименных градусов.

96. Киндзюлис — почти Рабинович, только литовский.

97. Климов А. — человек, раздававший свое гордое имя банку, газете, еще чему-то. На обломках самовластья напишут и его имя, но лучше бы он вышел из тюрьмы и продолжал называть своим именем полезные вещи, а не обломки.

98. Ковалев С. — один из немногих советских правозащитников, сделавших карьеру и сохранивших идеалы.

99. Колченог — несостоявшийся Вергилий Кандида.

100. Конфуций — один из первых доказал, как много полезного, даже нетленного и плодотворного, можно сделать, оставив государственную службу. Но это с одной стороны. С другой же — показал полную бесплодность безбожного культа и безбожной религии. В первом его путь повторяли многие достойные люди, во втором ему продолжают подражать разные дураки.

101. Космодемьянская З. — вообще-то, она из другой оперы.

102. Крупник С. — была членом Агентства гуманитарных технологий, возможно уже самоопределилась, но как-то по-женски очень.

103. Кукабака М. — кажется, единственный из беларусских диссидентов, сподобившийся некоторой известности, да и то потому, что диссидентствовал не только на Родине.

104. Кустурица, Эмир — это у него имя такое, а не титул, он мусульманин, но хорошее, говорят, кино делает.

105. Лазарь — друг Иисуса Христа, брат Марфы и Марии.

106. Лай — жертва рока, несчастный отец Эдипа, им же и убиенный.

107. Латыпов У. — министр, личность темная. Однажды, после заключения очередного Союза с Россией, он выразил свои впечатления коротко: «Мы отстояли нашу независимость». Кто-нибудь что-нибудь понимает? Я — нет.

108. Лебедько А. — может, еще президентом станет. Лучше я потом скажу, что я об этом думаю.

109. Левоневский В. — вообще, если по статистической моде вычислить центр беларусской пассионарности, то он точно окажется в Гродно. Левоневский оттуда. Но ведь и Федута тоже, и я... А какие мы разные!

110. Ленин В. И. — хороший пример того, как человек присваивает результаты чужого труда. Куча людей делали революцию, а он стал ее вождем. Вот, что значит мыслить категориями! С другой стороны — пример того, как абстрактный гуманист легко становится людоедом.

111. Леонардо да Винчи — просто к слову пришелся, из-за отношения к Джоконде.

112. Лосев А. — автор «Философии имени», которая, впрочем, имеет малое отношение к обсуждаемому.

113. Лука — это не тот. Это просто кличка.

114. Лукашенко — а это тот, чья кличка.

115. Мамардашвили М. — в молодости был приятелем Зиновьева, даже разучивал наизусть куски из его диссертации. Позже читал и другие книги и с удовольствием об этом рассказывал. Про Кафку — это я от него знаю, да и про многое другое тоже.

116. Мандельштам О. — образец того, что поэты могут читать не только свои стихи, но и Гомера.

117. Маркс К. Г. — интересная личность. Кстати, о вреде антисемитизма. Кто-то сказал, что если бы в свое время Марксу выделили кафедру в университете, мир был бы спокойнее и уютнее. История, конечно же, не знает сослагательного наклонения, но такой взгляд на вещи способствует пониманию. Не надо жалеть профессорских ставок, потом это обходится дороже!

118. Марцев П. — знает толк в «Имени» и сам пишет по-прежнему горизонтально, несмотря на наличие вертикали, другим такие возможности дает. Хотя эти возможности с каждым годом все ограниченнее.

119. Матфей — евангелист, ставший апостолом по жребию, бывший мытарь.

120. Мацкевич В. — это я, а не В.А.

121. Маяковский В. — современник Зощенко, и при этом зачем-то беседовал о поэзии с фининспектором. Тщательней надо выбирать собеседников.

122. Милошевич С. — от тюрьмы не уйдет, настоящий славянин.

123. Мирон — неуловимый верхолаз, этакий Зорро на местный субпассионарный лад.

124. Мицкевич А. — литвинский поэт.

125. Молотов — Риббентроп — это не одно и то же лицо, а два разных. Впрочем, важны не их лица, а общее безумие XX века.

126. Монтескье Ш. — придумал отличную штуку — разделение властей, после чего жить стало существенно лучше.

127. Моцарт — композитор, современник Сальери.

128. Мэмфорд Л. — понимал, в отличие от Ламетри, что человек не машина. Знал толк и в человеках, и в маши-

нах, но настоятельно рекомендовал разобраться, кто кому приходится хозяином. Описал мегамашину и особую форму человекоподобного существования в ней.

129. Мюнхгаузен — известный враль. Но я имел в виду Олега Янковского, персонаж которого советовал не придавать значения серьезному выражению лица, поскольку все глупости в мире делаются именно с этим выражением.

130. Мясникович М. — когда он напялил при открытии памятника Пушкину цилиндр на голову, всем показалось, что он похож на капиталиста с советских карикатур. Отсюда берет начало миф о самом богатом человеке в Беларуси. Миф этот имеет только одно обоснование — если в стране ходят денежные знаки, то должны быть люди, у которых их много. Весьма упадническая точка зрения.

131. Нава — что-то вроде Беатриче у Кандида.

132. Нистюк В. — тоже политик.

133. Ожегов — словарь такой.

134. Остенбакен К. — см. И. Зайонц.

135. Отелло — мавр, известен тем, что не любил турок и ревновал жену. Шекспир учит: что и к тому, и к другому нужно относиться критично, а то можно оказаться обманутым классовым врагом вроде Яго, которого трудно распознать, будучи опьяненным ревностью и ненавистью.

136. Павел — апостол. Отличается от остальных одиннадцати двумя вещами. Во-первых, никогда в глаза не видел Иисуса Христа. Во-вторых, спроектировал, начал и провел самую эффективную имиджмейкерскую кампанию в истории.

137. Пальчевский Б. — профессор, известен очень многими начинаниями. И здесь, кстати, уместно отметить, что не КГБ, а именно он заманил меня в Минск из Москвы.

138. Панталоне — маска из дель арте.

139. Паркинсон Н. — мегамашино- и бюрократовед. Открыл законы, на исполнении которых не настаивал, скорее наоборот. Но законы, как всегда, суровы.

140. Перикл — типичный демократ, все они, в той или иной степени с тех пор на него похожи как в личной, так и в публичной жизни.

141. Песталоцци И. Г. — так, к слову пришелся. А вообще, хороший был педагог.

142. Петр — апостол, которого Он выбрал первым среди них. Всегда делал то, что от него требовалось.

143. Пинигин Н. — режиссер.

144. Планк М. — если вынести за скобки его открытия в физике, то это типичный пример того, что мышление и понимание — совершенно разные вещи. Человек отлично справлялся с мыслительной работой, не понимая ее результатов и значения. Так и надо, хотя, опять же, это мало кто понимает.

145. Платон — полная противоположность своему младшему современнику Аристотелю, да и старшему — Сократу — тоже. В отличие от них был не тупым, а гениальным, без каких бы то ни было преимуществ для самого себя, не говоря уже о философии. К нашей теме (диалог) Платон имеет прямое отношение. С одной стороны, он первым записал сократические диалоги и задал норму. С другой стороны, весьма своеобразно вел диалог с Демокритом, скупая и уничтожая его книги. А может, это и клевета. Но это тоже вошло в норму. Диалектика сплошная, почти как любовь платоническая.

146. Подгайный М. — без него здесь можно было бы и обойтись, его имя всплыло в тексте, наверное, только по-

тому, что ругать Федуту мне не очень хотелось — так, просто подколоть.

147. Подгол В. — настоящий ученый. Правда, метод, которым он пользуется давно, вышел из моды. Так работали во времена Карла Линнея — систематизация, классификация, инвентаризация, все в таблицу сводится, из таблицы выводится. Сейчас модно, чтоб в рамках, а не в таблице. Но вынужден признать, что больше Подгола про наш менталитет никто не знает.

148. Позняк З. — недооцененный первый лидер. Но еще не все потеряно. Была бы только рефлексия. Если есть рефлексия, то и харизма не помеха.

149. Поппер К. — как писал Бродский про Овидия: что если довелось в империи родиться, то лучше жить в провинции, у моря. Карл Поппер родился в континентальной разваливающейся империи, а жил по большей части в приморских провинциях давно развалившейся империи. В общем, на фундаментальном геополитическом разломе. Наверное, поэтому стал главным философом современных гвельфов.

150. Посохов С. — один из столпов вертикали. Я вот только не понимаю, как в вертикали столбы соединяются — параллельно или последовательно?

151. Прутков К. — служил в пробирной палате, наверное, пробы делал, а когда отвлекался от проб, зрил в корень, что и другим рекомендовал.

152. Пташук М. — режиссер.

153. Пулихов — минский террорист. Но это было давно, теперь нам ничего не грозит, только названия улиц об этом напоминают.

154. Путин В. — персонаж из сериала «Куклы». Сим-

волизирует обратный ход вечных российских качелей Азия — Европа, туда и обратно, тюк-тюк.

155. Пушкин — современник Баркова.

156. Рабинович — удобная фамилия для анекдотических персонажей, своим фонетическим строем свидетельствует о второй родине многих евреев, несмотря на их распространенный немецкий диалект. «Раби» — они еще оттуда, а «-овичи» — уже наши.

157. Рафаель — упомянув Сальери, нельзя не упомянуть и Рафаэля с Буонарроти. Про последнего я просто забыл.

158. Романчук Я. — известный антикейнсианец и популярный публицист.

159. Рыбак — отрицательный персонаж из Быкова.

160. Савичев — депутат ВС № 13, разрабатывал закон о несоблюдении срока давности за преступления современного режима.

161. Савл — см. Павел.

162. Садовский П. — бывший посол Беларуси в Германии, а заинтересовавшую меня его статью я в тексте называл.

163. Сальери — композитор, современник Моцарта.

164. Сарбевский М. К. — латинский поэт XVII века, что, конечно же, было уже анахронизмом, профессор поэтики Виленской академии.

165. Сахаров А. — сначала участвовал в создании какой-то бомбы (тогда это было распространенным занятием), заработал на этом имя и уже именем воспользовался в мирных целях. Все, что он потом говорил, производило эффект разорвавшейся бомбы. Вот бы и роль бомб в нашей жизни ограничивалась именно таким эффектом!

166. Северин А. — из одной компании с Виком.

167. Селезнев Г. — московский десантник, коммунист, в ноябре 1996 года не позволивший Лукашенко повести Беларусь за цивилизованным миром.

168. Сиваков Ю. — генерал, который, если судить по личным качествам, мог бы приносить большую пользу Отечеству, но людям свойственно вляпываться в разное дерьмо. Впрочем, лично ему повезло больше, чем его предшественнику в кресле министра внутренних дел (см. Захаренко), его только сделали разменной пешкой.

169. Скуратович К. — народный философ, но признан в профессиональной банде, о чем свидетельствует степень кандидата соответствующих наук.

170. Сорос Дж. — если верить ему самому, то это человек, сделавший большие деньги только за счет рефлексивного мышления. Хотелось бы верить. Когда Поппер (см. Поппер) не принял его в ученики, попробовал придать практическое направление попперовским идеям открытого общества, чему очень способствовал заработанными деньгами. За что его очень невзлюбил Щукин (см. Щукин) и беларусский режим. Во всех остальных странах его деньги с удовольствием проедают, иногда — хотя и нечасто — даже с пользой для общего дела.

171. Сотников — положительный персонаж из Быкова.

172. Станиславский К. — человек, учивший актеров работать над собой, а не только над масками из пыльных сундуков дель арте, но театр все равно остался театром.

173. Старикевич А. — независимый журналист, а еще организатор Всебеларусского съезда.

174. Статкевич Н. — политик с хорошими стартовыми возможностями, достигший степеней, известных на ар-

мейском, научном и политическом поприще. Вот только куража не хватает, все вроде бы делает правильно, но получается как-то слабовато. Веселей надо быть.

175. Строев Е. — см. Селезнев.

176. Стругацкие А. и Б. — в нашем контексте важно то, что они описали явление языковой энтропии и машинку для ее измерения «Изпитал». Как только я об этом прочитал, так сразу стал вставлять эту машинку в свои тексты. Вообще, я у них часто списываю.

177. Тарталья — см. Панталоне.

178. Тихиня В. — в пьесе о нем есть исчерпывающая информация. Но мораль тут вот в чем: жалом щелкать не надо. Иногда структура момента такова, что на одном человеке сходятся исторические вектора, тогда нужно просто выполнять свои обязанности, даже если это опасно для жизни. Это с каждым может случиться (см. Петр), но коммунистам этого не объяснишь. Ведь Он — им не указ.

179. Толстой Л. — тут дело такое. Писатель-то он классный, об этом и говорить не надо. Но, думая Беларусь, приходится помнить, как он был неадекватен в своем описании партизанской войны в 1812 году.

180. Тур А. — замминистра экономики, пример того, сколь бесполезна голова, набитая либеральными идеями, на чиновническом поприще.

181. Улитенок А. — составитель книги «Іншадумцы». Главный редактор «Свободных новостей».

182. Федута А. — тоже осколок империи. Помню его стихи времен последнего съезда ВЛКСМ. Вся остальная биография — это попытка преодоления в себе того поэтического вдохновения.

183. Флоризель — персонаж Стивенсона и одноименного фильма.

184. Форман М. — чешско-американский режиссер.

185. Фридман Л. — автор одной из лучших дидактических технологий (тоже хорошее кино), которая в Беларуси на фиг никому не нужной оказалась. Сейчас живет в Чикаго.

186. Хадеев К. — маргинальный интеллектуал. Со времен Диогена (см. Диоген Синопский) в каждом нормальном европейском городе должна быть одна или несколько бочек, а в них — подобные люди. Но важны не столько эти люди, сколько отношение к ним. В России к ним относятся как к юродивым, и это характеризует Россию, в Европе же эти люди особым образом социализированы. Ким Хадеев социализирован, и именно особым образом; следовательно, Минск — европейский город. И никто меня не убедит в обратном.

187. Хармс Д. — это вам не Ионеско (см. Ионеско), а обэриут, правда, я не помню, что это значит, но здорово.

188. Хаттаб — иорданско-чеченский джигит, моджахед, партизан по-нашему.

189. Хлудов — это из кино «Бег». Неважно, что белый генерал, но стоит в кадре Владислав Дворжецкий с его черепом и глазами, Стамбул... Красиво.

190. Цицерон — образ в тексте несуразный, сам непойму, почему автор его оставил, может, в силу вопиющей глупости сравнения этих двух ораторских стилей.

191. Черномырдин В. — автор ряда замечательных афоризмов (а в остальном — см. Селезнев).

192. Чехов А. — он тут просто за компанию со Станиславским, для контраста с дель арте.

193. Чечёт Я. — филомат и филарет, припомнился автору для самооправдания.

194. Чигирь М. — а ведь мог бы быть президентом, если бы не понарошку.

195. Чикин В. — (см. Калякин), только тоже столп вертикали.

196. Чонкин — солдат у Войновича.

197. Шарецкий С. — надежда и оплот демократии. Последний легитимный человек в этой стране. Что с этим делать? Пусть будет на всякий случай.

198. Шварц Б. — все помнят, что его именем было названо студенческое общежитие у Ильфа и Петрова, все остальное — мифы.

199. Шекспир У. — драматург, сочинивший и списавший столько сценариев, что их хватит для подражания всем ныне живущим политическим деятелям.

200. Шушкевич С. — пристяжной в упряжке тройки беловежских зубров. Пример политика, не умеющего распорядиться доставшимся ему авторитетом и положением в обществе. Впрочем, место в истории ему обеспечено.

201. Щерба Н. — языковед. Кроме цитируемой в тексте глокой куздры, нам важен тем, что описал язык лужицких сербов, на котором невозможен монолог, отсутствуют литературные формы языка, но речь-язык функционирует только в диалоге.

202. Щукин В. — депутат ВС № 13, видимо, агент мирового империализма. Яркий пример человека, у которого бытие определяет сознание (относительно других, даже коммунистов, это просто гипотеза). Если бы его не исключили из компартии, можно было бы надеяться, что бытие

нам поможет. Но я все же склонен к идеалистической версии: нужно надеяться на сознание.

203. Эдип — фиванский царь, классическая жертва неумолимого рока. К одноименному фрейдистскому комплексу имеет отношение только по аналогии.

204. Эко У. — историк-медиевист. Интересен также тем, что впервые написал гуманитарный научно-фантастический роман «Имя розы». До того были известны исторические романы и НФ на базе естественных наук и инженерии.

205. Эней — беглец из поверженной Трои, по легенде стал родоначальником римлян.

206. Эсхил — первый из известных драматургов, автор «Царя Эдипа».

207. Юнг К. — еретик психоанализа, придумавший архетипы коллективного бессознательного.

208. Юрина Г. — незаменимый в ОГП человек. Пример того, что практика без теории бесплодна, хотя сама постоянно втюхивает мне, что наоборот — «суха теория» и т. д. Интересно, отдает ли она себе отчет, откуда растут ноги у ее практики?

209. Якубович П. — был хорошим журналистом, а теперь доказывает, что место не красит человека. А зачем? Это так банально.

Приложение № 5

Орден Имени

Устав

1. Что такое Орден Имени

Орден Имени — историческое сообщество людей прошлого, настоящего и будущего, объединенных трансцендентальным единством апперцепции, содержание которой определяет их каждодневное поведение, и в первую очередь — речевое поведение.

За свое поведение члены Ордена несут полную ответственность перед собой, своей совестью и тем, кто или что присутствует в их понимании содержания трансцендентального единства апперцепции.

Орден Имени осуществляет деятельность согласно Уставу и Программе. Деятельность Ордена гомоморфна поведению его членов, она полностью соответствует поведенческим принципам его членов, но обратное, вообще говоря, неверно. То есть, поведение членов Ордена не определяется его деятельностью.

2. Цели и задачи Ордена Имени

2.1. Орден Имени (далее Орден) занимается интеллектуальной экологией в сфере рече-языкового поведения и деятельности. Рамочные цели:

— исправление имен (Конфуций);

— преодоление новояза и возвращение к человеческому языку (Джордж Оруэлл);

— санация отравленного языка (Фридрих Август фон Хайек);

— упорядочивание и модернизация функций речи-языка (Карл Поппер).

2.2. Орден разворачивает свою деятельность в Беларуси, в сфере функционирующих в стране языков. Задачи Ордена определяются реализацией его целей здесь и сейчас:

— исправление всех значимых для национального развития имен, беларусизация имен;

— преодоление новояза в беларусском и русском языках и возвращение к человеческому языку;

— санация отравленных беларусского и русского языков;

— упорядочивание и модернизация функций речи-языка;

— распространение беларусского языка в сферы, где он не функционирует или функционирует ограниченно, достижение полноты сферы функционирования беларусского языка.

3. Членство в Ордене

3.1. Членом Ордена может стать любой человек, независимо от пола, возраста, расы, этнического происхождения, конфессиональной принадлежности, социального статуса и образования, рефлектирующий свое рече-языковое поведение и осмысленно употребляющий слова.

3.2. Прием в члены Ордена осуществляется путем посвящения. Посвящение производится членом Ордена в ранге не ниже рыцаря в присутствии не менее двух других членов Ордена. Процедура посвящения в члены Ордена приводится в отдельном документе. Без соблюдения ритуала посвящения членство в Ордене недействительно.

3.3. Членство в Ордене дифференцировано по рангам, ступеням и гильдиям. Члены Ордена имеют ранги и ступени, гильдии определяются конвенционально:

Ранги: 1. Дервиш. 2. Рыцарь. 3. Магистр.

Ступени дервишей: 1. Писатель на заборах. 2. Фольклорист. 3. Афорист.

Ступени рыцарей: 1. Окказиональный рыцарь. 2. Страж тезауруса. 3. Номинатор.

Ступени магистров: 1. Логоэколог. 2. Логотеоретик. 3. Логоинквизитор.

Гильдии определяются по областям употребления языка.

3.4. Членство в Ордене пожизненное, за исключением случаев исключения.

3.5. Исключению из Ордена подлежат рыцари и магистры за систематическое называние вещей не своими именами. Исключение из Ордена осуществляется через процедуру публичной обструкции.

4. Организация, руководство и управление Орденом

4.1. Организация, руководство и управление Орденом в социальном смысле полностью отсутствует.

4.2. Организации, руководству и управлению подлежат только публичные дискуссии.

4.3. В качестве универсального документа организации, руководства и управления публичными дискуссиями может использоваться текст В. Марачи «Тринадцать принципов инквизиционного права применительно к интеллектуальной дискуссии». Любой член Ордена может предлагать свои принципы взамен этих.

4.4. Функцию организации, руководства и управления публичными дискуссиями может взять на себя любой член Ордена независимо от ранга и ступени. Любой другой член Ордена может перехватить эту функцию.

4.5. Борьба за лидерство в интеллектуальных публичных дискуссиях рассматривается в Ордене как способ проявления рыцарской доблести и магистерского достоинства.

5. Средства и финансы Ордена

5.1. Орден не имеет собственных материальных средств и финансов. Он определяется как нищенствующий.

5.2. Все мероприятия и действия Ордена осуществляются за счет иных организаций и частных лиц.

5.3. Любое мероприятие с публичной дискуссией член Ордена может рассматривать как свое и становиться лидером интеллектуальной дискуссии, если сможет.

5.4. Член Ордена с благодарностью принимает все виды оплаты и гонораров за свои выступления и действия в публичных ситуациях. Если же оплата и гонорар не предусмотрены, член Ордена с благодарностью принимает предоставленную или подвернувшуюся возможность для отправления ритуалов Ордена, достижения уставных целей и решения задач.

6. Место пребывания Ордена

6.1. Орден там, где в данный момент оказались члены Ордена и где люди пользуются речью и языком.

7. Прекращение деятельности Ордена и его ликвидация

7.1. В обозримой исторической перспективе не предвидится условий для прекращения деятельности Ордена.

7.2. Орден может быть ликвидирован в следующих случаях:

— люди в Беларуси исчезли;

— люди в Беларуси перестали пользоваться речью и языком;

— последний член Ордена исчез из Беларуси.

Программа деятельности Ордена Имени

Программа деятельности Ордена Имени очень проста, она заключается в исправлении имен везде, где оказываются члены Ордена. Тем не менее, Программа имеет несколько разделов.

Экологический раздел. Выделение имен, подлежащих исправлению в порядке актуальности и появления неправильных имен в зоне внимания членов ордена. Начальный список имен: Беларусь, республика, социальное (весь куст понятий, с этим связанных), нация, государство, гражданское общество, коммунизм, советы и пр.

Теоретический раздел. Проработка теории новояза. Разработка концепции отравленного языка. Концепция слов-ласок. Философия имени. Теория номинации.

Издательский раздел. Работа над словарями. Публицистика.

Организационный раздел. Создание логоинквизиции. Планирование мероприятий. Экспансия в сферы практикования речи-языка.

Ритуальный раздел. Изобретение ритуалов и обрядов Ордена, превращение их в традицию.

Приложение № 6

(Это не мой текст. Но его присутствие здесь обосновано не только тем, что я имел некоторое отношение к его появлению на свет. И не только тем, что он уместен как вариант нормативного документа Ордена Имени. Пусть читатель представит себе дискуссию, которая ведется по этим принципам. А потом пусть он представит себе состояние человека, привыкшего разговаривать таким

образом и попавшего на диалог общественно-политических сил. Представили? Почувствуйте разницу. Может быть, тогда станет понятнее эмоционально-волевое состояние такого человека. Разница ведь катастрофическая. Попасть из XX века в век каменный. От человеческого разговора перейти к лепету имбецилов на лужайке. В. М.)

Вячеслав Марача

Тринадцать принципоа инквизиционного права в применении к интеллектуальной дискуссии

Суждение, претендующее разрешить вопрос о том, в какой мере существует право докладчика на неприкосновенность собственного дискурса в смысле, более глубоком, чем простая форма вежливости [*]

Причина зла есть ошибка в мышлении.
«Молот ведьм», XV в.

1. Право докладчика на неприкосновенность собственного дискурса существует, но оно ограничено, поскольку мышление «законодательствует» [*1], т. е. устанавливает

[*] См. разделы «Благодарности» и «Комментарий» после основного текста. Цифры после одной звездочки означают ссылки на примечания к основному тексту, цифры после двух звездочек — ссылки на примечания к комментарию.

границы мыслимого и немыслимого — в этом его интеллектуальная и в то же время, деятельная [*2] «природа».

2. Границы и конструкции, регулирующие возможность их перехода, мышление устанавливает не без-основательно, а исходя из Презумпций, установленных Богом — в этом его суть и призвание служить Истине.

3. Философское мышление является нам как говорящее и стремящееся раз-говаривать [*3] с Другим в лице одного из мыслящих.

4. Сказывание мысли публично есть действие, которое Другим [*4] может быть квалифицировано с точки зрения право-мерности [*5] перехода границы мыслимого и не-мыслимого как «мышление» и «не-мышление».

5. В ситуации встречи разных философских стилей, подходов, стратегий etc.[*6] возможно различие квалификаций о правомерности перехода границ, а также разные понятия и истолкования их актуального расположения в пространстве разговора.

6. При возникновении «казуса» — случая несводимости квалификаций друг к другу на уровне налично-сущего [*7] — призвание философской мысли состоит в рефлектирующей способности суждения [*8], восстанавливающей презумпции, как основания возможности существования именно такого сущего и таких регулятивных принципов его правомерного разграничения [*9]. Рефлектирующая способность суждения есть своего рода «вкус» философствующего.

7. Таким образом, философский разговор есть своего рода «суд истины», где в роли «законодательства» выступают правомерные разграничения сущего, а инстанция, к которой осуществляется предельная апелляция рефлексии, задается Презумпциями [*10].

8. «Суд Истины», в отличие от обычного суда, может изменять законодательство на протяжении одного слушания — если это отвечает интересам Истины [*11], — но он не может делать этого без специального рефлексивного оговаривания. Последовательность разрывов, возникающая в результате такого оговаривания, задает форму композиции пространства разговора и адекватную ей структурность мысли.

9. Презумпции, как отдельные основания возможности мышления, может восстанавливать каждый мыслящий — «свидетель истины» — в соответствии со своим методом и философским credo [*12].

10. Призвание докладчика состоит в высказывании продуманной им мысли и восстановлении ее оснований, если таковые не очевидны из самого сказывания, а также в прислушивании [*13] к вопросам Другого, имеющего, возможно, другие основания.

11. Призвание участников дискуссии состоит в вопрошании, проясняющем суть мысли и ее основания, а также в самостоятельном размышлении над вопросами, возникающими в разговоре, и углублении собственной основательности.

12. Призвание ведущего состоит в том, чтобы правомерным регулированием хода разговора создать для докладчика и участников дискуссии поле возможностей, соразмерное их устремленности и призванию, при необходимости устанавливая взаимное разграничение их прав.

13. Ведущий может становиться участником дискуссии, но не может использовать свои права для подмены докладчика.

Февраль — май 1993 г.

Благодарности

С первых же слов хотелось бы подчеркнуть УСЛОВНОСТЬ подписывания ПРИНЦИПОВ каким-либо одним именем — их выделение и прояснение («ВОССТАНОВЛЕНИЕ») есть ОБЩИЙ, СОВМЕСТНЫЙ результат КОЛЛЕКТИВНОЙ РАБОТЫ. Особо хотелось бы поблагодарить Егора Никулина, чрезвычайное упорство которого способствовало созданию самой СИТУАЦИИ «ДОХОЖДЕНИЯ ДО ПРИНЦИПА», т. е. такой, в которой принципы могли бы ПРОЯВИТЬСЯ (см. подзаголовок). Я весьма признателен В. Мацкевичу и Н. Рыбалкиной, обсуждавшими со мной еще весьма неразборчивый текст рукописи, а также Б. Агрису, А. Савинову, М. Травкину и П. Щедровицкому, вопросы и комментарии которых прояснили для меня суть целого ряда идей, стоящих за принципами.

Комментарий

Данные тезисы написаны во время семинара «Современные философские стратегии» (6—11 февраля 1993 года) с целью установить регулятивные [**1] принципы движения в пространстве философского разговора, происходящего на семинаре.

Основания изложенных принципов возникли как результат пересечения рефлексии исторического опыта методологических семинаров, в которых автор принимал участие с 1986 г., и попытки проанализировать проблему институционализации отношений (и, в особенности, отношений, устанавливаемых в ходе интеллектуальной дискус-

сии-»коммуникации») как культурную и, в то же время, социально-инженерную проблему «установления прав».

Установка при выделении упомянутых оснований состояла в критике и радикальном сомнении (т. е. сомнении не только в единичных предметах мысли, но в самой возможности мысли длиться «в принципе» [**2]) — но всякий цикл сомнения периодически возвращается к точке, где задается вопрос о том, что достойно сохранения в доставшемся нам наследии; эта точка, как момент цикла сомнения, есть его противоположность, где утверждается некая «fundamentum absolutum inconcussum veritatis» [**3].

Слова «инквизиционного права» в заглавии дословно означают «права, законоположения которого допускают непосредственную апелляцию к духу, не опосредованную буквою» [**4].

В том, что осуществление мышления требует таких апелляций, априорно не оговоренных в презумпциях [**5] (кои есть дух, верно СХВАЧЕННЫЙ буквою, но все же не самое ЖИВОЙ ДУХ), нет сомнения [**6] — но вот возможны ли они?

По сути, спросить ТАК означает спросить, ВОЗМОЖНО ЛИ МЫШЛЕНИЕ [**7] — именно этим (во всяком случае, начиная с Канта) и занималась всякая хоть что-нибудь стоящая философия. Методология к этой предельной постановке вопроса (возможно ли?) добавляет утвердительный ответ (правда, весьма своеобразный: «другой смолчал и стал пред ним ходить», только в декартовском варианте: мышление возможно, ибо Я мыслю — больше того, оно и существует лишь до тех пор и только постольку, поскольку некоторое Я мыслит) и новую постановку вопроса: КАК оно возможно?

Это самое «как», выясняемое новоевропейским субъектом, очистившим себя от всего, кроме cogito [**8], и есть метод.

Но излишняя сосредоточенность на «как» уже подразумевает решенным — и притом специфически-новоевропейским образом — вопрос «кто» — а ведь современное cogitation требует (как свое условие) всего «постава» [**9] и обеспечиваемой им оснащенности. Здесь и скрыто противоречие: как раз утверждение постава с его техникой и всеми следствиями для современной жизни и вызывает у нас вопрос (на который методология КАК БЫ ответила): а возможно ли ТЕПЕРЬ, ЗДЕСЬ, В ЭТОЙ СИТУАЦИИ мышление. Это именно тот вопрос, который интеллект, сосредоточенный на поставе и «интеллектуальной технике» с ее вечным «как» (и незаметно для себя ЗАХВАЧЕННЫЙ И ПРЕВРАЩЕННЫЙ ИМИ), как раз меньше всего и позволяет задать.

Только сосредоточенная НА ИНОМ (не на поставе) вдумчивость и непредвзятый философский разговор «eyes to eyes», свободный от этой захваченности нас поставом, оставляет нам еще шанс на мысль.

В этом, по нашему мнению, НЕЗАМЕНИМОСТЬ такой формы работы, как СЕМИНАР. (См. также [**10].)

Примечания к тексту

[*1] Эта метафора созвучна кантовской традиции философствования.

[*2] В основаниях, на которых покоятся данные принципы, подразумеваются четыре «природы» мышления как начала [**10] интеллектуального:

происхождение от Бога (п-п. 2),

деятельное начало (п-п. 1 и 4),

внутренняя необходимость выражаться в говорении, являться в разговоре (коммуникативно-языковая «природа» (п-п. 3)), а также

рефлексия как «природа» и «механизм» разворачивания мышления (п-п. 6).

Первые три из указанных четырех начал отождествляют мышление с чем-то (иным), четвертое (рефлексия) разотождествляет его от любой «чтойности», отождествляя с самим собой. Существование мышления состоит в вечной двусмысленности разотождествляющего самополагания, обнаруживаемого и снимаемого рефлексией — и тут же повторяющегося [**11].

[*3] Разговор, в отличие от простого говорения, подразумевает некую упорядоченность расположения в пространстве или последовательность во времени индивидуальных говорений в соответствии с формой композиции пространства. Композиция (букв.: ком-позиция) пространства разговора образуется расположением друг относительно друга позиций говорящих в их взаимной ясности друг для друга, «откуда» они говорят: каждая идея, усматриваемая за позицией, получает место [**12].

[*4] В этом смысле всякое самополагание мысли в лице индивидуального Я подразумевается частичным относительно всей полноты пространства: горизонт мысли (граница мыслимого и немыслимого) полагается не нами, а самим актуальным разговором между Я и Другим путем контакта и взаимного ограничения их внутренних смыслов, которое ретроспективная рефлексия обнаруживает как сюжет, «историю» разговора.

[*5] Право-мерность — буквально: мера взаимного

движения и ограничения Я и Другого, налагаемая на них вступлением в общее пространство «юрисдикции» регулятивных принципов права (см. также [**1]).

[*6] При этом бытие каждого из стилей, подходов и т. д. ставится под сомнение и делается частичным относительно целостности их со-бытия как события встречи (см. также [*4]).

[*7] То есть, наличных очевидностей, понятий, нормативных конструкций, схем истолкования etc.

[*8] Рефлектирующая способность суждения, высвобождающая из замкнутости в налично-сущем, противостоит определяющей способности, сосредоточенной на подведении казуса под сущие понятия и нормы, истолковании в имеющихся схемах, использовании наличных схем истолкования и т. д., т. е. превращающей мышление в средство и технику, или, иными словами, в «постав»[**9].

[*9] Разграничения между мыслью и не-мыслью, в пределах актуального горизонта указывающие не то, как мыслить «еще можно», а как — «уже нельзя».

[*10] Презумпции как факт философского credo определяют горизонт мысли и ограничивают возможный набор композиций пространства философского разговора.

[*11] В призвании соответствовать «интересам истины» — установка всякого мыслящего — как «свидетеля истины» — на служение Божественному началу, сокрытому в природе мышления (см. также [*2]).

[*12] Это не означает «психологизма», но значит, что ПОЛЕ интеллектуальной дискуссии строится на множестве от-дельных (т. е. независимых) оснований, каждому из которых в принципе можно придавать статус онтологического. Поэтому я не могу принять высказывавшуюся на семинаре точку зрения, что данный текст построен в мыследея-

тельностном подходе и языке, хотя есть «законная» возможность дать ему такую интерпретацию. Но она будет лишь одной из возможных здесь РЕДУКЦИЙ. (См. также [*2] о четырех природах мышления: если уж говорить о «началах», то я бы настаивал на этих четырех, и притом взятых как независимые — их содержание вовсе не исчерпывается одним только «деятельностным» или «мыследеятельностным».)

Онтологическим первофеноменом, то есть той Истиной, о которой «свидетель Истины» (п-п. 9) только и может свидетельствовать, становится теперь не какое-либо сущее causa sui [**13], не субстанция, а АКТУАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ КОММУНИКАЦИИ как со-бытие всех возможных в настоящем, in actum [**14], «начал» мышления. Онтологическое содержание события через своих участников обретает собственную ВНУТРЕННЮЮ ФОРМУ, находящую внешнее выражение в композиционной структуре пространства разговора (см. [*3]).

[*13] В таком прислушивании к суждениям Другого и воздержании от собственных выражается возможность перенесения акцента на интеллектуальную функцию понимания, связываемая с феноменологической идеей «эпохе».

Примечания к комментарию

[**1] Регулятивность принципов — в отличие от обычной регламентации (подведения под правило) — означает рефлексивное отнесение их к самому себе (в том числе и тем, кто их выдвигает) — при этом рефлексия подразумевается необходимым моментом философствования. Взятая causa sui (см.[**13]), как механизм чистой мысли, философ-

ская рефлексия свободна, т. е. не ограничена никаким регулятивом, — но при попытке сказывания мысль входит в пространство сказывания и разговора, а потому должна — как момент самоограничения — добровольно принять некоторые принципы самоорганизации в качестве регулятива для себя.

В апелляции к регулятивным принципам, не отчужденным, а как бы растворенным в самих наших поступках, проявляется рефлектирующая способность суждения (см. п-п. 6 и [*8]).

[**2] Это означает для мысли «интеллектуальную ситуацию радикального сомнения».

[**3] Досл.: «Фундаментальная абсолютная несомненная истина» (лат.). Имеется в виду обосновывающая сама себя в смысле достоверности истина, обладание которой — дело не человека, а самого бытия, но свидетельства которой даются нам в захваченности ее событием (см. п-п. 9 и [*12]).

[**4] На это было указано В. Мацкевичем по горячим следам дискуссии, возникшей непосредственно в ходе семинара. Пользуюсь случаем, чтобы принести В. Мацкевичу свою благодарность за обсуждения, которые ощутимо продвинули дело.

[**5] Именно в утверждении такой непосредственности состоял экзистенциалистский пафос борьбы с непререкаемостью «априорных синтетических суждений» философии, позитивной наукой и «родной сестрой ее» — нормативной моралью, вообще, со всякой «регулярностью» мышления, имеющей претензию на предписание. Хороший философский пример здесь — Лев Шестов, в особенности его «Апофеоз беспочвенности», первые методологические рассуждения о возможности «иррегулярного», «катастрофического» мышления принадлежат, по-видимому, С. В. Попову.

[**6] Впервые это ощущение духа права мне подарили занятия философией и методологией права в алма-атинском кружке, коим бессменно руководит А. Матюхин, а также обсуждения этих вопросов с С. Танцоровым и Е. Мизулиной.

[**7] То, что «конечный смысл» такого типа дискуссии — именно в «дохождении» до этого вопроса, мне весьма убедительно показала Н. Рыбалкина, которой я глубоко признателен за обсуждение первого варианта текста (см. также [**8] и [**2]).

[**8] По Хайдеггеру, перевод cogito через «мыслю» вводит в заблуждение. Cogito — вообще деятельность универсального опредмечивающего учета, направляемая сперва на более достоверные данные внутреннего опыта (идеи, чувства), а потом на данные внешнего опыта («объекты»). Субъектом в такой ситуации, по Хайдеггеру, оказывается не все человеческое существо, а только cogito, наблюдающее, между прочим, за человеком.

В cogito ergo sum, по Хайдеггеру, ergo («следовательно») прокралось неправомерно, поскольку из голого факта cogito еще никак не вытекает существование полноценного человека. Из поздних пояснений Декарта к своей формуле ясно, что он тоже не гипостазировал акт cogito и понимал, что последний доказывает только существование себя самого (id, quod cogitet), а не человеческой личности, отвечающей на вопрос «кто». От декартовой формулы Хайдеггер оставляет поэтому только уравнение cogito = sum, в которой новый субъект заявляет о себе, что он очистил себя от всего и отождествил себя только с деятельностью cogito — неустанным («бессонным») оперированием предварительно опредмеченными данными. На этом узком, но безотказном основании смогла подняться новоевропейская наука,

эта ранняя несовершенная форма современного «постава» — того технического овладения действительностью, о котором, как напоминает Хайдеггер, первым тоже сказал Декарт в «Рассуждении о методе».

[**9] Постав (Das Gestell) — термин М. Хайдеггера, указывавший на феномен забвения бытия, связанный с отчуждением смысла «техник мышления», превращения его в «вычисляющую машинерию», делающую новоевропейского субъекта господином природы, полностью ставящим под рациональный контроль связанные с ней условия своего существования, и одновременно оказывающегося бессильным перед лицом природы своей собственной субъективности.

Человек-с-мыслью и человеческий с-мысл (т. е. собственно бытие, Dasein, определяющее присутствие человека в мире) оказываются в забвении, заслоненные самовоспроизводящимся и — благодаря опредмечиванию самого мышления в набор интеллектуальных техник — самовозрастающим «поставом».

[**10] «Начала» мышления есть источники его не-безосновательности (п-п. 2). Это те точки, в которых наше рефлектирующее вопрошание (движение «назад, к истокам» — см. п-п. 11) сливается с самим бытием. Платон и Аристотель понимали «начала» как недоказуемые истины, постигаемые интуитивным умом.

Хайдеггер связывает это с древнегреческим идеалом ОБРАЗА ЖИЗНИ, ОПРЕДЕЛЯЕМОГО «ФЕОРИЕЙ». В своем наиболее чистом виде это мышление, считавшееся «высшим действием». В таком смысле «феоретизировать» — «это: видеть явленный лик присутствующего и зряче пребывать при нем благодаря такому видению».

Этот античный идеал мышления, которое начинает-

ся с «удивления» и интуиции как «начала» познания, отчасти — благодаря работам Декарта — перешел в новоевропейский рационализм, а после Гуссерля — и в рационализм новейший.

Но, конечно, это не теоретизирование в современных науках, основанных на «поставе» (см. [**8]), а «Поступок (Handlung) возвращения человека к собственному существу».

[**11] На этот момент «повторения», постоянного «возврата к себе» от захваченности миром в логическом плане указывала еще «объективная» диалектика, наиболее ярко выразившая себя в Гегеле — но о вечном возвращении как определяющем моменте ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ впервые было сказано Киркегардом и Ницше. См. также [**10] и [**5]).

[**12] Композиция пространства — как принцип — противостоит попыткам его сконструировать. В этом заключается ограничение на инженерный подход к коммуникации.

Конструкция есть либо

1) результат произвола — и тогда она подчинена субъективной телеологии организатора — «локального инженера», либо

2) следствие необходимости — и тогда она соответствует объективной телеологии causa finalis — «конечной причины», выражаемой первопринципами, «не могущими быть такими либо инакими». Эти принципы НЕОБХОДИМО ЕСТЬ, и конструкция пространства — их ВЕЧНЫЙ ЗАКОН.

Композиция же, напротив, содержит момент СТАНОВЛЕНИЯ — и потому СЛУЧАЙНОСТИ (т. е., актуально она имеет дело с вещами, которые могут быть и такими, и инакими). Но, в то же время, эта случайность не ПРОИЗ-

ВОЛЬНА, она не может быть предопределена волей отдельного участника коммуникации, но есть результат их со-бытия (см. [*6], [*12]).

Здесь философствование смыкается с искусством («Искусству случай мил, оно же — случаю...» — говорит здесь Аристотель, цитируя, впрочем, Агафона. Ибо ФИЛОСОФИЯ как завершенный результат, ставшая мудрость, подобна науке, больше того, «мудрость — это самая точная из наук». Но ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ — как живая мысль — всегда становление.

Композиция пространства философствования СЮЖЕТНА (см. [*4]). Сюжет философского разговора не необходим, ПО ХОДУ ДЕЛА он — лишь один из возможных, но композиция, осуществившись в событие, всегда УНИКАЛЬНА, то есть БОЛЕЕ ЧЕМ НЕОБХОДИМА.

Быть может, в этой случайности событий, которая есть больше-чем-необходимость, и состоит секрет образования традиции?! Эту мысль автор впервые услышал от О. И. Генисаретского, за что ему глубоко признателен. Действительно, как сейчас, когда Россия вновь ищет свои пути и восстанавливает сокровенные источники своего духа, недумать о том, в чем суть традиции философствования ЗДЕСЬ, на русском языке и, вообще, по-русски.

[**13] Causa sui — причина самой себя (лат.).

[**14] In actum — актуально (лат.).

Оглавление

Интеллигент как дохлая собака. *Максим Жбанков* 3

Маўчанне як выклік, альбо Споведзь беларускага інтэлектуала. *Ганна Кісліцына* 9

От автора 15

Глава 1. Все относительно 18

Глава 2. Время возводить баррикады, время разбирать баррикады 22

Глава 3. Шифровка стамбульского султана беларусским казакам без головы 31

Глава 4. Баррикада, о которую разбиваются сердца 74

Глава 5. Талифа куми 91

Глава 6. Рефлексивная увертюра 106

Глава 7. И стал свет 152

Приложения и комментарии 164

Приложение 1. Это вы сможете? Это вы можете! 167

Приложение 2. Вариант формулировки 181

Приложение 3. Диалог общественно-политических сил «О конституционных противоречиях» (трагикомедия) 185

Приложение 4. Ху из Ху? 197

Приложение 5. Орден Имени 220

Приложение 6. Вячеслав Марача. Тринадцать принципов инквизиционного права в применении к интеллектуальной дискуссии 224